

Роман — лауреат Букеровской премии 2013

ЭЛЕАНОР
КАТТОН

СВЕТИЛА

Сказать, что «Светила» не имеют
себе равных по масштабности и размаху, —
это ничего не сказать.

The Wall Street Journal

Элеанор Каттон

Светила

«Азбука-Аттикус»

2013

Каттон Э.

Светила / Э. Каттон — «Азбука-Аттикус», 2013

ISBN 978-5-389-09978-4

Впервые на русском роман – лауреат Букеровской премии 2013 года и, пожалуй, наиболее яркое событие за всю историю этой престижной награды. Книга побила сразу два рекорда: «Светила» – самое крупное произведение, когда-либо получавшее «Букера», а Элеанор Каттон – самый молодой лауреат (28 лет). Итак, добро пожаловать в Новую Зеландию в самый разгар золотой лихорадки. Двенадцать человек – включая священника, аптекаря, издателя местной газеты, двух китайцев и туземца-маори – сходятся в задней комнате захудалой гостиницы обсудить несколько таинственных происшествий, в которые они так или иначе оказались впутаны: бесследно исчез фантастически удачливый юноша, которому принадлежит львиная доля местных участков, а в хижине умершего той же ночью бедного старателя обнаружился огромный золотой клад, после чего самая популярная из «ночных бабочек» Хокитики решительно встала на путь исправления. Двенадцать заговорщиков выкладывают все как на духу случайно затесавшемуся в их ряды незнакомцу. Тут и кораблекрушения, и контрабандное золото, и шантаж, и несчастная любовь, мошенничество, месть, случайные выстрелы, спиритический сеанс и суд; есть тут и пропавшие грузовые контейнеры, и спрятанные документы, и потерянные состояния. Казалось бы, «Светила» – это добрый старый детектив наподобие «Женщины в белом» Уилки Коллинза. Однако структура книги основывается на астрологии: автор рассчитывала движение звезд и планет по мере развития сюжета, ведь действующие лица связаны с небесными телами. Двенадцать «звездных» героев, соответствующих зодиакальным знакам, и семь «планетарных» – все вращаются вокруг героя-«земли», убитого при таинственных обстоятельствах. Перевод, работа над которым заняла больше года, мастерски выполнен Светланой Лихачевой, известной своими интерпретациями таких классиков XIX–XX веков, как Дж. Р. Р. Толкин, лорд Дансени, Уильям Моррис, Г. Ф. Лавкрафт, Мэри Стюарт и др.

ISBN 978-5-389-09978-4

© Каттон Э., 2013

© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Примечание для читателя	11
Таблица персонажей	12
Часть I	13
Меркурий в Стрельце	14
Юпитер в Стрельце	39
Марс в Стрельце	63
Сатурн в Весах	85
Скорпион восходит в полночь	103
Растущая Луна в Тельце	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Элеанор Каттон

Светила

Eleanor Catton

THE LUMINARIES

Copyright © 2013 by Eleanor Catton

All rights reserved

This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

© С. Лихачева, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

На первом плане роман Элеанор Каттон «Светила» – это добрый старый детектив. Энергичная, великолепно написанная история любви и похоти, алчности и убийства.

Однако на втором плане структура книги основывается на астрологии. Да-да, астрологии! Пользуясь звездными картами из журнала «Sky and Telescope» и компьютерной программой «Stellarium», автор рассчитывала движение звезд и планет по мере развития сюжета, ведь действующие лица связаны с небесными телами. Двенадцать «звездных» персонажей, соответствующих зодиакальным знакам, и семь «планетарных» персонажей – все вращаются вокруг персонажа-«земли», Кросби Уэллса, убитого при таинственных обстоятельствах.

Кто-то, пожалуй, решит, будто «Светила» – это пропахшая нафталином, оторванная от реальности сказочка, но нет. Хитрая структура придает роману чарующую многослойность, однако же можно с наслаждением оценить историю как таковую, астрологией вообще не заморачиваясь.

Это чертовски талантливое, до мелочей продуманное произведение – отчасти повесть о призраках, отчасти напряженный психологический триллер – лишний раз подтверждает, что Элеанор Каттон, несомненно, одна из ярчайших звезд в небесах мировой литературы.

The Bookseller

«Светила» – это подлинный шедевр. Каттон создала остроумную пародию на викторианский роман и одновременно – роман двадцать первого века, нечто совершенно новое. Шелестят страницы, массивная тяжесть книги смещается справа налево, целый мир открывается нашим глазам и снова исчезает за закрытой дверью, а душа человеческая предстает нам во всей своей противоречивой безысходности. Точнее, в славе. А что до объема, безусловно, такая замечательная книга слишком длинной никому не покажется.

New York Times Book Review

Каттон прорисовывает своих персонажей подробно и тонко... В результате мы получаем не просто роман, а великолепно продуманный павильон кривых зеркал. Добро пожаловать внутрь!

Washington Post

Роман виртуозный, невероятно сильный, от такого не оторваться... Захватывающий, ловко закрученный сюжет ведет нас к эффектному финалу – уверенно и властно... Подобно Куросаве в «Расёмоне», Каттон предоставляет голос то одному, то другому рассказчику, их

истории переплетаются, противореча друг другу, и каждый успевает сыграть роль детектива... Как и Сара Уотерс, Каттон мастерски использует инструментарий старомодного сюжета... неудивительно, что столь многие талантливые писатели наших дней помещают своих вымышленных героев в прошлое.

The Telegraph

«Светила» вы проглотите за один присест, а дойдя до конца, пожалеете, что другой такой масштабной и увлекательной книги под рукой нет... Великолепно построенные композиция и сюжет – роман начинается неспешно, размеренно, а заканчивается головокружительным спуском с горы... Амбициозно, затейливо, зрелищно. Доставьте себе удовольствие, прочтите «Светила».

The Independent

Это шедевр... Талант и воображение автора таковы, что ей, видимо, под силу увести нас куда угодно; и всякий раз мы верим, что с таким вожатым не собьемся с пути... Замечательная книга.

Globe and Mail

Талантливо написанный, до абсурда смешной роман – нечто среднее между тайной запертой комнаты, спагетти-вестерном, игрой sudoku и «Тайной Эдвина Друда».

New York Magazine

Сказать, что «Светила» не имеют себе равных по масштабности и размаху, – это ничего не сказать.

The Wall Street Journal

Густонаселенный, новаторский, грандиозный по замыслу роман. «Светила» – книга впечатляющая, захватывающая, яркая, полная всевозможных сюрпризов.

Times Literary Supplement

«Светила» – головокружительный детектив на восьмьсот страниц, с хитроумно закрученным сюжетом и разношерстной толпой персонажей под стать многотомному роману девятнадцатого века. То, что увлекательный, тщательно продуманный, многослойный роман Каттон по сути своей оказывается совсем прост, лишь прибавляет ему очарования.

Daily Mail

Невероятная, фантастически изощренная книга. Проза Каттон безукоризненна вплоть до последнего штриха – а это немалое достижение для романа, жизнь и смерть которого зависят от аутентичности диалогов, стилизованных под викторианскую эпоху, от точности воссоздания мира двуличия и мошеннических махинаций во всей его экзотичной многогранности. Роман тянет на восьмьсот страниц с лишним, но упорство читателя будет вознаграждено сторицей.

Evening Standard

Совершенно великолепный в своей щедрости роман. Каттон пишет по-настоящему умную, интеллектуальную прозу, с прихотливо закрученным сюжетом и тщательно выстроенными эпизодами.

Scotsman

В высшей степени оригинальный, до мелочей продуманный, тематически убедительный, исполненный экспрессии детектив.

Good Book Guide

Удивительно живая и яркая книга... «Светила» заслуженно удостоены Букеровской премии 2013 года. Полнокровные персонажи, нетривиальная детективная интрига. Обычно автор либо прекрасный стилист, либо прекрасный рассказчик, но и то и другое встречается редко. Этой книгой Каттон доказала, что она исключение из правил.

Booker Marks

Каждое предложение в этой завораживающей истории, действие которой происходит на диком западном побережье Южного острова Новой Зеландии во времена золотой лихорадки, написано мастерски, неожиданный поворот сюжета в конце каждой главы заставляет нас тут же погружаться в следующую. «Светила» продуманы до мелочей – не оторвешься... стилизация под викторианский сенсационный роман в том же изящном, озорном духе, как у Сары Уотерс. Хочется устроиться с этой книгой в уютном кресле – и читать, читать.

Guardian

Интеллектуальная деконструкция и занятная попытка литературного чревовещания; по ощущению, роман ничем не уступает тем образцам классики девятнадцатого века, которым искусно подражает. И хотя я стремительно листал страницы в поисках ответа, призванного утолить мое мучительно нарастающее любопытство, я то и дело сбавлял темп, чтобы сполна насладиться описаниями персонажей и мягким юмором автора. Судьи Букеровской премии воистину напали на золотую жилу.

Sunday Express

За размах замысла и красоту исполнения девчонка заслуживает медали.

Daily Telegraph

Тщательно проработанная, неправдоподобно талантливая, затягивающая с головой книга... Каттон пишет человеческую комедию, вознесенную над надеждами, грязью, ложью и тайнами времен золотой лихорадки. Это не столько моралите, сколько убедительная демонстрация всемогущества рассказчика.

Irish Times

От мысли о том, что кто-то способен писать настолько блестяще в свои двадцать восемь лет, я скрежещу зубами так, что мой дантист без работы не останется. Спору нет, этот реверанс в сторону викторианского детектива – головокружительный успех сам по себе, и читается взахлеб.

Vice (Books of the Year)

Увлекательный роман в старомодном духе... Его сюжетно-тематический план, зеркально отражающий астрологические закономерности в идеально срежиссированном менюэте, выгодно отличает книгу среди всех прочих.

Independent on Sunday (Literary Fiction of the Year)

Роман, о котором можно было только мечтать; звезда первой величины.

The Economist

Лауреат Букеровской премии 2013 года – том весьма увесистый. Замысловатый сюжет затягивает с головой, страницы так и мелькают. Благодаря живому, энергичному диалогу, искрометному юмору и масштабности видения, книга далеко опережает своих конкурентов.

Daily Telegraph

Ошеломляюще.

Sunday Herald

Иногда, хотя и очень редко, появляется книга настолько замечательная, что остается только удивленно покачать головой. Великолепный по замыслу, блистательный по исполнению, этот роман – подлинный шедевр, произведение автора беспредельно, разносторонне талантливого. Окунуться в этот вымышленный мир – удовольствие невероятное.

Питер Хоббс

Все по-настоящему хорошие книги не поддаются жанровой классификации: они – вещь в себе. Захватывающий – во всех смыслах – роман Элеанор Каттон «Светила» наглядно подтверждает эту аксиому. Объем книги может показаться устрашающим – но бояться нечего! Автор, превосходный рассказчик, уверенно ведет нас через лабиринт человеческих жизней, и все они сходятся в одной точке самым неожиданным для нас образом. Ее историческое чутье таково, что под пером Каттон прошлое обретает актуальность будущего. В «Светилах» время отступает, и сквозь трещины сюжета просвечивает тайна мироздания. Мне страшно не хотелось, чтобы книга закончилась, – в определенном смысле этого и не произошло. Авторские озарения не гаснут.

Джей Парини (автор «Последнего воскресения»)

«Светила» поразили меня в самое сердце. Этот мир, дикий и странный, эти незабываемые персонажи – и все сведены воедино так мастерски, что впору говорить о небесной гармонии. А то, что такая книга вышла из-под пера настолько молодого автора, заставляет с надеждой взглянуть на будущее романа как искусства. Звезда первой величины во всех смыслах.

Пол Мюррей (автор «Скинни умирает»)

Встречаются иногда книги, которые возносят вас над хламом повседневной рутины, разбирают вас на части, собирают заново – и оставляют с ощущением, будто ты провел отпуск в компании гения. Новый потрясающий роман Элеанор Каттон «Светила» именно таков... Каттон – удивительная писательница, а это – удивительная книга.

The New Zealand Herald

Книга «Светила», удостоенная Букеровской премии за 2013 год, стала бы выдающимся достижением для автора любого возраста, не говоря уж о том, кого от тридцатилетнего юбилея отделяет еще несколько лет. Каттон создала масштабный, детально проработанный, великолепно написанный, увлекательный исторический роман... Объемом более восьмисот страниц, «Светила» – это своего рода реверанс литературе девятнадцатого века: список действующих лиц изрядно длинен; главы предваряются краткими аннотациями вроде: «Глава, в которой наши приверженности меняются, как явствует по нашим лицам»... Рассказ, насквозь пропитанный астрологией, прослеживает переплетение судеб расчетливых колониальных авантюристов, злополучных единокровных братьев, бесправных старателей-китайцев, аборигена-маори и оказавшейся в центре событий проститутки-опиоманки – молодой поклонник завещал ей целое состояние, а сам исчез бесследно: возможно, он мертв, а возможно, и нет. «Светила» – это книга, которой можно насладиться целиком, равно как и отдельными литературными находками, щедро разбросанными по каждой странице.

Quill & Quire

Южный остров Новой Зеландии, год 1866-й. Золотая лихорадка в разгаре, город Хокитика полон охотников за богатством и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Двенадцать человек сходятся в задней комнате захудалой гостиницы обсудить три преступления, в которые они так или иначе оказались впутаны: проститутка едва не умерла от передоза (уж не попытка ли самоубийства?), богатый юнец исчез бесследно, а в хижине покойного старателя обнаружился огромный золотой клад.

Эти двенадцать – включая священника и торгующего опиумом аптекаря, банковского служащего, двух китайцев и туземца-маори – выкладывают все как на духу случайно затесавшемуся в их ряды чужаку. Тут и кораблекрушения, и контрабандное золото, и шантаж, и опиумокурильни, мошенничество, месть, несчастная любовь, случайные выстрелы, спиритический сеанс и суд; есть тут и пропавшие грузовые контейнеры, и спрятанные документы, и потерянные состояния.

В этой книге, удостоенной Букеровской премии, викторианский роман сходится с Диким Западом (или Югом). Поневоле вспомнишь «Женщину в белом» Уилки Коллинза, а вот мне, скорее, мерещится песня Боба Дилана «Lily, Rosemary and the Jack of Hearts» («Лили, Розмари и Валет Червей»), растянутая на восемьсот с лишним страниц. Если это ваш глоток опиума, вы, того и гляди, на книгу подсядете – очень хорошо сделана!

The Times

Роман похож на гигантский кубик Рубика – грани сюжета сдвигаются и перестраиваются в новые комбинации и перспективы.

Vancouver Sun

«Светила» – удивительно многослойная книга: чем дальше читаешь, тем глубже погружаешься в бездны астрологической премудрости, просто дух захватывает. Истолковывать такую аллгорию – занятие увлекательное само по себе, все равно что кроссворды разгадывать. Но «Светила» интересны не только этим.

Brisbane Times

Посвящается папе, который видит звезды, и Джуд, которая слышит их музыку

Примечание для читателя

Положения звезд и планет в этой книге определяются астрономически. То есть мы признаем такое явление, как прецессия небесных тел, в силу которой смещается точка весеннего равноденствия – астрологический эквивалент Гринвичского меридиана. Прежде весеннее равноденствие (в южных широтах – осеннее) наступало, когда Солнце находилось в созвездии Овна, в первом из знаков. Сейчас оно происходит, когда Солнце находится в созвездии Рыб, в двенадцатом знаке. Следовательно, как непременно отметят читатели этой книги, каждый зодиакальный знак «начинается» примерно на месяц позже, чем принято считать. Этой поправкой мы никоим образом не пытаемся умалить ценность расхожих мнений, однако отмечаем, что вышеупомянутого заблуждения придерживаются вопреки такому материальному факту, как наш небесный свод XIX века; мы дерзнем предположить, что это убеждение отмечено знаком Рыб и, более того, показательно для тех, кто родился в эпоху Рыб – век зеркал, стойкости, интуиции, двойничества и сокровенных тайн. Этим знанием мы и довольствуемся. Оно еще больше подкрепляет нашу веру в обширное и мудрое влияние *беспредельных небес*.

Таблица персонажей

СОЗВЕЗДИЯ – СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ДОМ

Те Рау Тауфаре, *добытчик нефрита* – Хижина Уэллса (долина Арахуры)

Чарли Фрост, *банковский служащий* – Резервный банк (Ревелл-стрит)

Бенджамин Левенталь, *издатель газеты* – Издательство «Уэст-Кост таймс» (Уэлд-стрит)

Эдгар Клинч, *отельер* – Гостиница «Гридирон» (Ревелл-стрит)

Дик Мэннеринг, *магнат, владелец золотых приисков* – Золотой прииск «Аврора» (Каньер)

Цю Лун, *златокузнец* – «Чайнатаунская кузня» (Каньер)

Харальд Нильссен, *комиссионер* – «Нильссен и К°» (набережная Гибсона)

Джозеф Притчард, *аптекарь* – Курильня опиума (Каньер)

Томас Балфур, *владелец транспортно-судоходной компании* – «Добрый путь» (барк, совершает регулярные рейсы до Порт-Чалмерса)

Обер Гаскуан, *секретарь суда* – Здание суда Хокитики (магистратский суд)

Су Юншэн, *«шляпник»* – «Удача путника» (Ревелл-стрит)

Коуэлл Девлин, *тюремный капеллан* – Хокитикская тюрьма (Сивью)

ПЛАНЕТЫ – СОПУТСТВУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ

Уолтер Мади – Интеллект

Лидия (Уэллс) Карвер, урожденная Гринуэй – Страсть

Фрэнсис Карвер – Насилие

Алистер Лодербек – Власть

Джордж Шепард – Ограничение

Анна Уэдерелл – В апогее (прежде в перигее)

Эмери Стейнз – В перигее (прежде в апогее)

TERRA FIRMA¹:

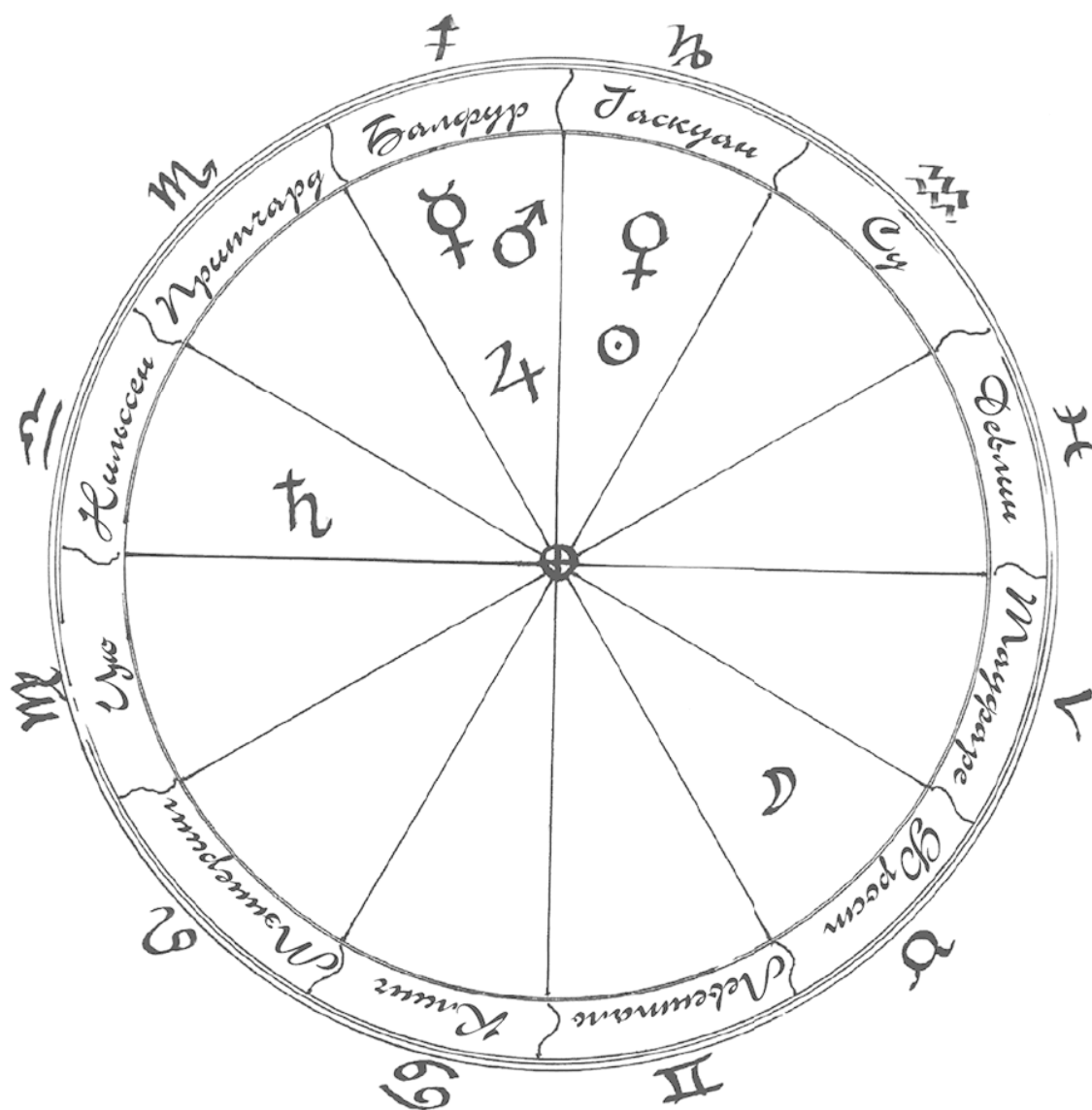
Кросби Уэллс (*покойный*)

¹ Твердая земля (*лат.*).

Часть I Сфера внутри сферы

27 января 1866 года

42° 43' 0" южной широты / 170° 58' 0" восточной долготы

Меркурий в Стрельце

Глава, в которой в Хокитике объявляется новое лицо; сорван тайный совет; Уолтер Мади отказывается поделиться свежим воспоминанием, а Томас Балфур приступает к рассказу.

Двенадцать человек, собравшиеся в курительной комнате гостиницы «Корона», на первый взгляд сошлись вместе по чистой случайности. Судя по разнообразию в их одежде и манерах – тут и сюртуки, и фраки, и широкие норфолкские куртки с поясом и роговыми пуговицами, и желтый молескин, и батист, и твил, – с тем же успехом эти люди могли быть двенадцатью совершенно чужими друг другу попутчиками в железнодорожном вагоне, которым суждено разбрестись по разным кварталам города, где туманы и морские приливы навеки разделяют их. Действительно, нарочитая отчужденность каждого из присутствующих: один углубился в газету, второй, наклонившись, стряхивал пепел в камин, третий, растопырив пальцы поверх зеленого сукна, изготовился загнать шар в лузу – порождала ту самую осязаемую тишину, что нависает поздними вечерами над железной дорогой, вот только здесь вторгался в нее не глухой и невнятный лязг вагонов, но смачный шум дождя.

Во всяком случае, так показалось мистеру Уолтеру Мади, что стоял в дверном проеме, опершись рукою о косяк. Он понятия не имел, что нарушил какое-то тайное совещание, ведь все речи стихли, едва в коридоре послышались его шаги, а к тому моменту, как он открыл дверь, каждый из двенадцати вернулся к своему прерванному времяпрепровождению (игроки в бильярд встали куда придется, потому что все давно позабыли свои места), и так старательно все изобразили занятость, что, когда Уолтер вошел, никто даже глаз не поднял.

Полное одинодушие, с каким эти люди его игнорировали, вероятно, возбудило бы любопытство мистера Мади, находись он в добром здравии и в подходящем настроении. Но сейчас его душевное равновесие было поколеблено, его слегка подташнивало. Он загодя знал, что плавание в Западный Кентербери² в худшем случае сулит ему гибель: непрекращающаяся качка на утлом корыте посреди бушующих, вспененных волн закончится на бурлящем кладбище Хокитикской отмели, но к конкретным ужасам путешествия он готов не был – к ужасам, которые до сих пор не мог облечь в слова, даже про себя. Мади был от природы нетерпим к собственным слабостям – страх и болезнь вынудили его уйти в себя, и потому он, вопреки обыкновению, не распознал царящего в комнате настроения.

Обычно в лице Мади читался приветливый интерес. Его серые глаза, большие и немигающие, и изгиб упругих мальчишеских губ выражали вежливое участие. Волосы круто вились; в юности он носил локоны до плеч, но сейчас подстригал их совсем коротко, делил на боковой пробор и приглаживал с помощью ароматной помады, отчего золотистый оттенок темнел до маслянисто-русого. Лоб и щеки были квадратными, цвет лица – ровным. В его неполные двадцать восемь лет движения его, быстрые и четкие, дышали той проказливой, простодушной живостью, что не заключает в себе ни легковерия, ни вероломства. Он держался под стать тактичному, смышленому дворецкому, и в результате его дарили доверием самые немногословные натуры и приглашали стать посредником в отношениях между людьми, с которыми он только что познакомился. Словом, он обладал внешностью, которая мало что говорила о его истинном характере, зато немедленно к себе располагала.

Мади не то чтобы пребывал в неведении относительно того, какие преимущества дает ему эта отстраненная приветливость. Как многие из тех, кто красотой наделен в избытке, он придирчиво изучил собственное отражение в зеркале и в известном смысле лучше знал себя снаружи, чем изнутри; он вечно прятался в каком-нибудь из уголков своей души, наблюдая

² *Кентербери* – обширный регион Новой Зеландии, расположен в центральной части Южного острова, на западе граничит с регионом Уэст-Кост, на юге – с регионом Отаго. (Здесь и далее – прим. перев.)

за собственным внешним состоянием. Немало часов провел он в алькове своей персональной гардеробной, где зеркало утраивало его образ: он видел себя в профиль, полупрофиль и фас – ни дать ни взять вандейковский «Карл I»³, только куда более импозантный. В этой тайной практике он бы никогда не признался: ведь как решительно осудили самоанализ столпы морали нашего века! Как будто сущность человеческая – это звук пустой, а в зеркало смотрятся лишь затем, чтобы укрепиться в гордыне; как будто акт самосозерцания не столь же тонок, изменчив и непрост, как любая связь между родственными душами. Завороженный Мади стремился не столько восславить свою красоту, сколько подчинить ее себе. Безусловно, всякий раз, как он замечал свое отражение, будь то в коробчатом окне или в стекле с наступлением темноты, он трепетал от удовольствия – что-то подобное, должно быть, чувствует инженер, случайно столкнувшись с механизмом собственного изобретения и обнаружив, что механизм этот великолепен, весь блестит, хорошо смазан и работает в точности так, как задумывалось.

Вот и сейчас он мысленно видел себя в дверях курительной комнаты и знал, что выглядит воплощением безмятежной собранности. Он едва не падал с ног от усталости; на душу давило свинцовое бремя ужаса; ему казалось, за ним следят, его преследуют; его захлестывал страх. Он обвел глазами комнату с видом вежливо-отстраненным и одновременно уважительным. Помещение выглядело так, словно его заново отстроили по памяти спустя немало лет, когда многое позабылось (железные подставки в камине, подходящая каминная доска, шторы), но мелкие детали сохранились, например: портрет покойного принца-консорта, вырезанный из журнала и обувными гвоздиками приколотый к стене, обращенной во двор; шов поперек бильярдного стола, что был распилен надвое в Сиднейском порту для вящего удобства транспортировки; стопка широкоформатных газет на секретере – страницы их истерлись и засалились от прикосновений множества рук. Два маленьких оконца по обе стороны от очага выходили на задний двор гостиницы – заболоченный клочок земли, замусоренный деревянными ящиками и ржавеющими баками; от соседних участков его отделяли лишь заросли кустарника да низкий папоротник, а с севера – ряд клеток для несушек, с дверцами, скрепленными цепью для защиты от воров. За этими неопределенными рубежами виднелись провисшие бельевые веревки, протянутые туда и сюда между домами через квартал к востоку; штабеля необтесанных бревен, свинарники, горы металлического лома и листового железа, поломанные лотки и желоба – все заброшенное, все так или иначе в состоянии неисправном. Часы уже пробили тот поздний сумеречный час, когда все краски словно бы разом теряют яркость. Ливня лил дождь; сквозь подернутое рябью стекло двор казался обесцвеченным и поблекшим. Внутри спиртовые лампы еще не вытеснили сине-зеленый свет угасающего дня: их тусклость лишний раз подчеркивала общую безотрадность внутреннего декора.

Жалкое то было зрелище для человека, привычного к своему клубу в Эдинбурге, где все подсвечено алым и золотым, а обитые декоративными гвоздиками диваны упитанно поблескивают, отражая габариты сидящих джентльменов; где на входе выдают мягкий жакет, от которого приятно пахнет анисом или мятой, а потом стоит шевельнуть пальцами в направлении звонка, и сей же миг появляется бутылка кларета на серебряном подносе.

Но Мади был не из тех, для кого скверные условия – это повод для хандры, грубая простота обстановки лишь заставила его внутренне отстраниться: вот так богач, столкнувшись на улице с нищим, поспешно шагнет в сторону и словно остекленеет. Пока он оглядывался по сторонам, кроткое выражение его лица нимало не изменилось, но каждая новая деталь – горка оплывшего воска под свечой, налет грязи на стекле – вынуждала его уходить все глубже внутрь себя и тем сильнее напрягаться всем телом в виду подобной картины.

³ *Антонис Ван Дейк* (1599–1641) – фламандский художник, живописец и график, мастер придворного портрета и живописи на мифологические и религиозные сюжеты. Его портрет «Карл I в трех ракурсах» (1636) изображает английского короля словно бы глядящимся в трельяж, боковые зеркала которого отражают его под углом.

Это отвращение, пусть и произвольное, объяснялось не столько пресловутой предвзятостью богатства – на самом деле Мади был лишь относительно богат и частенько бросал нищим монеты, хотя (надо признать) не без толики удовольствия при мысли о собственной щедрости, – сколько смятением чувств, которое он в настоящий момент незаметно для кого-либо пытался обуздать. В конце концов, это же городишко на золотом прииске, только-только построенный между джунглями и прибоем на южной оконечности цивилизованного мира; откуда тут взяться роскоши!

Правда заключалась в том, что еще шести часов не прошло с тех пор, как на корабле, доставившем его от Порт-Чалмерса до дикого клочка побережья, Мади стал свидетелем события настолько из ряда вон выходящего, настолько впечатляющего, что впору было усомниться в реальности как таковой. Эта сцена все еще стояла у него перед глазами – словно на задворках сознания чуть приоткрылась дверь, впустив полосу тусклого света, и теперь он ни за что не захотел бы снова оказаться в темноте. Ему стоило немалых усилий не открыть дверь пошире. В столь уязвимом состоянии любая странность и любое неудобство способны были задеть до глубины души. Мади казалось, что вся эта гнетущая обстановка – не более чем совокупное эхо недавно пережитых испытаний; он с отвращением отстранялся от нее, чтобы помешать собственным мыслям отследить эту связь и вернуться к прошлому. На помощь пришло надменное презрение. Оно дарило стойкое чувство меры, правоту, к которой можно воззвать – и почувствовать себя в безопасности.

Мади обозвал комнату убогой, жалкой, унылой – и, укрепив тем самым дух противу обстановки, обратился к ее двенадцати обитателям. Пантеон наизнанку, подумал он, и вновь почувствовал себя увереннее, потешив тщеславие.

Это были типичные колонисты – закаленные, покрытые бронзовым загаром, губы их растрескались и побелели, весь облик свидетельствовал о лишениях и нужде. Двое, в совершенно одинаковых парусиновых туфлях и серых хлопчатобумажных рубашках, были китайцами; позади них стоял абориген-маори, лицо его покрывали сине-зеленые спирали татуировки. О происхождении остальных Мади мог только гадать. Он еще не понимал, что работа золото-добытчика способна состарить человека за несколько месяцев; обводя взглядом комнату, он почитал себя самым юным из присутствующих, в то время как в действительности несколько человек были моложе его или приходились ему ровесниками. Пыл юности давно в них погас. Они навсегда останутся такими, как сейчас, – ворчливо-недовольными, беспокойными, хваткими, посеревшими, выкашливающими пыль в темные морщинистые ладони. Мади счел их неотесанными мужланами, по-своему колоритными, но... птицами невысокого полета; Мади взять не мог в толк, почему они все молчат. Ему хотелось заказать бренди, присесть где-нибудь и закрыть глаза.

Войдя, Мади выжидательно помешкал в дверях, но, видя, что его не спешат ни поприветствовать, ни прогнать, шагнул вперед и осторожно прикрыл за собою дверь. Он изобразил поклон, ни к кому конкретно не адресованный – в сторону окна, затем в сторону очага, – и, представившись тем самым всем и каждому, подошел к столику для закусок, где были выставлены несколько графинов, и принялся смешивать себе напиток. Он выбрал сигару, обрезал ее и, стиснув между зубами, вновь обернулся и обвел глазами посетителей. Похоже, его присутствие никого не затрагивало. Что ж, его это вполне устроило. Мади уселся в единственное свободное кресло, закурил сигару и откинулся назад с тайным вздохом, как человек, который знает, что покой и отдых им в кои-то веки вполне заслужены.

Но блаженство его длилось недолго. Не успел он вытянуть ноги и скрестить лодыжки (соль на брюках уже высохла – белыми разводами, такая досада!), как сидящий в кресле справа от него человек подался вперед, ткнул в воздух огрызком сигары и поинтересовался:

– Послушайте, у вас тут, в «Короне», дело что ль какое?

Вопрос прозвучал несколько неожиданно, но Мади ничуть не изменился в лице. Учтиво поклонившись, он объяснил, что прибыл в город не далее как этим вечером и действительно снял комнату наверху.

– Только с корабля, стало быть.

Мади снова поклонился и подтвердил, что имел в виду именно это. А чтобы краткость ответа не сочли за грубость, он добавил, что приплыл от Порт-Чалмерса с намерением попытаться силы в золотодобыче.

– Славно, славно, – похвалил собеседник. – Тут выше по берегу новые россыпи обнаружили – прям прорыва! Черный песок; о нем повсюду трубят; черный песок по дороге на Чарльстон. Чарльстон, он, натурально, отсюда к северу. Хотя и в ущелье пока еще есть чем поживиться. Вы тут с напарником или один приехали?

– Один, – кивнул Мади.

– То есть никаких связей! – воскликнул незнакомец.

– Ну, – отозвался Мади, вновь удивляясь его формулировке, – я собираюсь заработать здесь состояние, вот и все.

– Никаких связей, – повторил собеседник. – И никакого дела; у вас ведь тут, в «Короне», никаких дел нет?

Что за наглость – спрашивать об одном и том же дважды! Но незнакомец, казалось, глядел вполне дружелюбно и даже несколько рассеянно, теребя пальцами отворот жилетки. «Вероятно, – подумал Мади, – я недостаточно ясно выразился».

– В здешней гостинице я только отдохнуть собираюсь, вот и все мои дела, – отвечал он. – В течение следующих нескольких дней я наведу справки обо всем, что касается золотодобычи: какие реки золотоносны, какие долины безрудны. Ознакомлюсь, так сказать, со старательским житьем-бытьем. Я намерен прожить в «Короне» неделю, а затем отправлюсь вглубь острова.

– То есть прежде вы золота не мыли?

– Нет, сэр.

– И даже «знаков» не видели?

– Золото я видел разве что в ювелирной лавке – на часах, на пряжке, там, а в чистом виде никогда.

– Но вы ведь о нем грезили, о чистом золоте! Мечтали, как будете стоять на коленях в воде, отделяя металл от шлихов!

– Пожалуй что и нет... наверное, нет, не то чтобы мечтал, – признался Мади. Столь экстравагантная речь его несколько озадачивала; несмотря на всю свою рассеянность, собеседник говорил так увлеченно и с таким жаром, что это уже граничило с назойливостью. Мади оглянулся, надеясь поймать чей-нибудь сочувственный взгляд, но никто даже не посмотрел в его сторону. Он откашлялся и добавил: – Наверно, я мечтал о том, что будет после... то есть к чему золото ведет и чем может стать.

Кажется, ответ пришелся незнакомцу по душе.

– Алхимия наоборот – вот как я это называю, – отозвался он, – ну то есть весь этот старательский бизнес. Алхимия наоборот. Вы ведь понимаете, трансмутация – превращение не в золото, а превращение золота во что-то другое...

– Интересный образ, сэр. – Лишь много позже Мади осознал, насколько это представление созвучно с его недавней фантазией про «пантеон наоборот».

– А насчет наведения справок... – рьяно закивал незнакомец. – Справок, говорите. Вы небось станете расспрашивать про лопаты, про лотки для промывки, карты там, все такое...

– Да, именно так. Я намерен подойти к делу профессионально.

Незнакомец, развеселившись от души, откинулся к спинке кресла:

– Недельный пансион в гостинице «Корона», только чтобы вопросы позадавать! – Он громко хохотнул. – А потом две недели в грязи, чтобы вернуть свои денежки!

Мади вновь скрестил ноги. Он был не в том состоянии, чтобы разделить энтузиазм собеседника, но строгое воспитание не позволяло ему проявить неучтивость. Он мог просто извиниться за свою безучастность, сославшись на какое-нибудь общее недомогание, – собеседник, казалось, был настроен вполне сочувственно, с его беспокойными пальцами и булькающим смехом, – но Мади не привык откровенничать с посторонними и уж тем более жаловаться кому-либо на недуги. Он внутренне встряхнулся и бодрым тоном осведомился:

– А вы, сэр? Вы, верно, здесь постоянно живете?

– О да, – откликнулся собеседник. – «Судоперевозки Балфура», да вы нас наверняка видели, сразу за складами, местечко что надо – Верфь-стрит, сами понимаете. Балфур – это я и есть. А звать меня Томасом. Вам тут тоже без крещеного имечка никуда; на приисках «мистерам» не место.

– Так, значит, надо начинать упражняться уже сейчас, – отозвался Мади. – Меня зовут Уолтер. Уолтер Мади.

– Понял; да только вас станут кликать как угодно, только не Уолтером, – промолвил Балфур, поглаживая колено. – Может, Уолт Шотландец или Двуручный Уолт. Уолли Самородок. Ха!

– Такое имя еще надо заработать.

Балфур расхохотался.

– Долго ли умеючи? – подмигнул он. – Тут самородочки попадают размерами с дамский пистолет, здоровущие, как дамские эти самые... и, в отличие от последних, пощупать их ничего не стоит – сами в руки идут.

Томасу Балфуру, плотному, крепко сбитому здоровяку, стукнуло около пятидесяти. Волосы его, совсем поседевшие, были зачесаны назад со лба и низко спускались на уши. Он носил бороду лопатой и в веселую минуту имел обыкновение поглаживать ее сверху вниз сложенной в пригоршню рукой – как вот сейчас, радуясь собственной шутке. Процветание ему шло, отметил Мади, распознав в новом знакомце то спокойное ощущение собственной значимости, что возникает, когда пожизненный оптимизм подкреплён успехом. Балфур был без пиджака; широкий шелковый, превосходно пошитый галстук был заляпан соусом и ослаб у шеи. Мади мысленно типировал собеседника как свободолюбца – безобидного неконформиста, жизнерадостного во всех своих излияниях.

– Я ваш должник, сэр, – промолвил он. – Это первый из многих здешних обычаев, относительно которых я, по-видимому, пребываю в полном неведении. Если бы не вы, я непременно оплошал бы, назвавшись на прииске по фамилии.

Действительно, представления Мади о золотодобыче в Новой Зеландии были весьма поверхностны и основывались главным образом на очерках о золотых приисках Калифорнии – бревенчатые бараки, суходолы, пропыленные повозки и смутное ощущение (он сам не знал, откуда оно взялось), что колония вроде как тень Британских островов, неразвитый, дикий придаток престола и сердца Империи. То-то он удивился, огибая оконечности полуострова Отаго двумя неделями ранее, при виде роскошных особняков на холме, набережных, улиц и возделанных садов – удивлялся он и теперь, отметив, как хорошо одетый джентльмен передал шведские спички китайцу, а затем потянулся через него за бокалом.

Мади был выпускником Кембриджа; родился он в Эдинбурге, был наследником скромного состояния и штата из трех домашних слуг. Его круг общения – сперва в Тринити-колледже, потом, в недавние годы, в «Иннер темпле»⁴ – вовсе не был отмечен закостенелой церемонностью высшей знати, где в том, что касается предыстории и среды, один отличается от другого разве что рангом. Тем не менее образование сделало его замкнутым и сдержанным,

⁴ «Иннер темпл» (или «Внутренний темпл») – самый старый и известный из четырех «Судебных иннов», четырех корпораций барристеров в Лондоне.

ибо научило, что лучший способ понять любую социальную систему – это взглянуть на нее сверху. Со своими однокашниками по колледжу (одетыми в мантии и упившимися рейнвейном) он отстаивал слияние классов со всей страстью и пылом юности, однако, сталкиваясь с ним на практике, всякий раз вздрагивал. До поры он ведать не ведал, что золотой прииск – место грязное и рисковое, где все друг другу чужие и чужие этой земле, где в лотке бакалейщика золотых «знаков» может оказаться полным-полно, а в лотке юриста хоть шаром покати; сословных перегородок здесь нет. Мади был моложе Балфура лет на двадцать и изъяснялся с ним почтительно, хотя и признавал, что Балфур стоит ниже его по общественному положению, признавал и то, насколько разношерстная компания подобралась в этой комнате, – о происхождении их и статусе ему приходилось только гадать. Потому его учтивость была несколько скованной: так человек, которому нечасто доводится общаться с детьми, слабо себе представляет, что уместно, а что нет, и держится отстраненно и сурово, как бы ни хотел проявить сердечность.

Снисходительный тон не прошел незамеченным для Томаса Балфура – и он наслаждался от души. Он испытывал шутиливую неприязнь к тем, кто, как сам он выражался, «уж больно красно говорит», и любил их подначивать, провоцируя не на гнев, ведь это скучно, а на вульгарность. Он смотрел на чопорность Мади, как на модный воротник в аристократическом стиле, что давит невыносимо, – именно так Балфур воспринимал все условности приличного общества – как никчемные украшения; его забавляло, что из-за своей утонченной светскости чуяк чувствует себя настолько не в своей тарелке.

Сам Балфур происходил из низов: Мади верно догадался. Отец Балфура работал в шорной мастерской в Кенте, и сын, вероятно, пошел бы по его стопам, если бы и отец, и конюшня не погибли при пожаре, когда ему только-только исполнилось десять; но он был тем еще непоседой, его обтрепанные манжеты и неутомимый нрав совершенно не вязались с мечтательным, слегка растерянным выражением его лица; упорный труд не пришелся бы ему по вкусу. Как бы то ни было, коню за паровозом не угнаться, любил повторять он, и ремесло не выдержало натиска стремительных перемен. Балфур очень нравилось думать, что он в авангарде эпохи. Когда он заговаривал о прошлом, казалось, каждое десятилетие, предшествующее нынешнему году, – это некачественная свеча, уже догоревшая и использованная. Он не испытывал ностальгии по атрибутам своей мальчишеской жизни – по темной жидкости дубильных чанов, по натянутым на каркасы шкурам, по мешочку из телячьей кожи, в котором отец хранил иглы и шило, – и редко вспоминал о них, разве что для сравнения с современным производством. Руда – вот где деньги. Угольные копи, сталь и золото.

Начал он со стекла. Прожив несколько лет в ученичестве, он основал собственное стекольное производство: скромный заводик, который со временем продал за долю в угольной шахте, что в свой срок расширилась до целого комплекса шахтных стволов; лондонские инвесторы выложили за него изрядную сумму. Балфур так и не женился. На свой тридцатый день рождения он купил билет в один конец на клипер, идущий в Веракрус, – то был первый этап девятимесячного путешествия, далее предстояло ехать по суше до калифорнийских золотых месторождений. Романтика старательской жизни для него скоро поблекла, но бешеный темп и сладкие чаяния приисков – нет; на первую же добытую порцию золотого песка он купил акции банка, за четыре года построил три отеля и разбогател. Когда калифорнийские недра подытожились, он все распродал и отплыл в австралийскую колонию Виктория – новое месторождение, новая, неисследованная земля – и оттуда, вновь услышав зов, долетевший из-за океана, словно напев эльфийской свирели на крыльях ветра, в Новую Зеландию.

За шестнадцать лет на золотоносных приисках Томас Балфур перевидал немало людей вроде Уолтера Мади и, надо отдать должное его характеру, сохранил за все эти годы глубокую симпатию и уважение к зеленым новичкам, еще не попробовавшим себя в настоящем деле. Балфур сочувствовал честолюбцам, как человек, добившийся успеха своими собственными силами, был выше стереотипов и обладал широкой душой. Он ценил предприимчивость, равно

как и страстность. Он был склонен проникнуться к Мади симпатией уже просто потому, что этот человек взялся за род деятельности, о котором явно знал очень мало и от которого ожидал немалой прибыли.

Однако на тот вечер у Балфура были иные планы. Появление Мади застало врасплох двенадцать собравшихся, которые загодя позаботились, чтобы их не потревожили. Гостиную в передней части дома закрыли «на частное мероприятие», а под навесом поставили мальчишку наблюдать за улицей, на случай, если кому-нибудь придет в голову зайти пропустить здесь стаканчик, – маловероятно, поскольку курительная комната «Короны» обычно не славилась ни своим обществом, ни привлекательностью и на самом-то деле довольно часто пустовала, даже вечерами в выходные, когда старатели толпами стекались с холмов обратно в город потратить добытый песок на выпивку в веселых домах. Мальчишка-дежурный был от Мэннеринга и держал наготове толстую пачку билетов на галерку для бесплатной раздачи. Новый спектакль – «Дух Востока» – не мог не понравиться; в фойе оперы уже громоздились ящики с шампанским, любезно предоставленные за счет самого Мэннеринга, в честь премьеры. При наличии таких развлечений и полагая, что никакой корабль не рискнет осуществить высадку пасмурным вечером столь непогожего дня (все прибытия, запланированные согласно графику движения судового транспорта на страницах «Уэст-Кост таймс», к тому времени уже были учтены), собравшиеся и не подумали принять меры предосторожности против случайного чужака, который, возможно, зарегистрировался в гостинице за каких-нибудь полчаса до наступления темноты и уже находился в здании, когда мальчишка Мэннеринга заступил на свой пост у крытого входа, на мокром крыльце, выходящем на улицу.

Уолтер Мади, несмотря на располагающий вид и учтиво-отстраненную манеру держаться, тем не менее был здесь непрошеным гостем. Все в толк не могли взять, как бы убедить его уйти, не дав при этом понять, что его присутствие нежелательно, и тем самым не выдав подрывного характера своего собрания. Томас Балфур взял на себя задачу «прощупать» чужака лишь в силу случайности – раз уж они оказались рядом у очага: счастливое совпадение, ибо Балфур, при всем своем фанфаронстве и пустозвонстве, был куда как въедлив и умел повернуть обстоятельства к вящей своей выгоде.

– Ну да, – отозвался он, – обычаи-то перенимаешь быстро, и всем приходится начинать с того же самого места, что и вы, – то есть с ученичества, собственно говоря, с нуля. А могу ли я полюбопытствовать, что заронило зерно в благодатную почву? Личный интерес у меня такой: больно уж хочется знать, что влечет людей сюда, на край земли? От какой такой искры человек так и зажигается?

Прежде чем ответить, Мади затянулся сигарой.

– Мое намерение объяснить непросто, – промолвил он. – Некие семейные разногласия, о которых мне больно говорить, послужили причиной моего приезда сюда, причем в одиночестве.

– О, но в этом-то вы как раз не одиноки, – весело возразил Балфур. – Здесь всяк и каждый от чего-нибудь да сбежал – уж не сомневайтесь!

– В самом деле? – отозвался Мади, сочтя это симптомом довольно-таки тревожным.

– Мы все тут нездешние, – продолжал Балфур. – Да, в том-то и суть. Мы все понаехали из других мест. А что до семьи – вы тут, на приисках, найдете сколько угодно и отцов, и братьев.

– Спасибо вам за поддержку; вы очень добры.

Балфур расплылся в широкой усмешке.

– Эка вы сказанули-то! – воскликнул он, размахивая сигарой так энергично, что осыпал перистым пеплом весь жилет. – *Поддержка!* Если это считается поддержкой, вы, мой мальчик, настоящий пуританин.

Мади не нашелся с ответом и поклонился снова, а затем, словно отрекшись от какой бы то ни было причастности к пуританству, сделал большой глоток из бокала. Снаружи порыв

ветра вторгся в ровный перестук капель, швырнув полосу воды в западные окна. Балфур, посмеиваясь про себя, разглядывал кончик сигары; Мади, удерживая свою между губами, отвернулся и легко затянулся.

В этот самый момент один из одиннадцати молчаливых незнакомцев встал, по ходу дела складывая газету вчетверо, и подошел к секретарю обменять номер на другой. На нем было черное верхнее платье без воротника и белый шейный платок – священническое облачение, с некоторым удивлением осознал Мади. Как странно! С какой бы стати духовному лицу знакомиться с последними новостями не где-нибудь, а в курительной комнате заурядной гостиницы поздно вечером в субботу? И почему при этом он молчит как рыба? Мади наблюдал, как его преподобие перебирает кипу газет, отвергая несколько номеров «Колониста» в пользу «Аргуса реки Грей»: с радостным возгласом он вытащил нужное издание из пачки и, держа на некотором расстоянии, удовлетворенно развернул к свету. И снова, рассуждая сам с собою, Мади решил, что, возможно, ничего странного в том нет: ночь выдалась дождливая, а в городских трактирах и общественных зданиях, надо думать, не протолкнуться. Вероятно, священник отчего-то был вынужден временно укрыться от непогоды в гостинице.

– Итак, вы с кем-то поссорились, – изрек наконец Балфур, как будто новый знакомец пообещал ему увлекательный рассказ и напроць о том позабыл.

– Я оказался вовлечен в ссору, – поправил Мади. – То есть конфликт возник не из-за меня.

– С отцом не ладили, надо думать.

– Мне тягостно об этом говорить, сэр. – Мади одарил собеседника строгим взглядом, пытаясь заставить его замолчать, но Балфур лишь еще сильнее подался вперед: торжественная серьезность Мади укрепляла его в убеждении, что эту исповедь стоит послушать.

– Да ладно вам! – воскликнул он. – Выкладывайте, облегчите душу!

– Об облегчении не идет и речи, мистер Балфур.

– Друг мой, так не бывает.

– Позвольте мне сменить тему...

– Но вы меня заинтриговали! У меня прямо-таки любопытство разыгралось! – Балфур широко ухмыльнулся.

– Прошу прощения, но я вынужден ответить отказом, – отозвался Мади. Он старался говорить тише, так чтобы их разговор не долетел до чужих ушей. – Это дело частное и огласке не подлежит. Мне бы отнюдь не хотелось произвести на вас скверное впечатление.

– Но вы же лицо пострадавшее, вы сами так сказали – конфликт возник не из-за вас.

– Именно так.

– Ну вот! Чего ж тут частного-то? – вскричал Балфур. – Разве я не прав? О чужих проступках скрытничать нечего! Нечего стыдиться чужих... деяний, скажем так! – Его гулкий бас разносился по всей комнате.

– Вы говорите о личной обиде, – отозвался Мади, понижая голос. – А в моем случае речь идет о позоре семьи. Я не хочу чернить имя моего отца; я ведь тоже его ношу.

– Отца, тоже мне! А что я вам только что объяснял? Уверю вас: здесь, на прииске, вы отцов сколько угодно найдете! И это не фигура речи – таков обычай, такова насущная необходимость, так здесь принято поступать! Дайте-ка я вам скажу, что считается позором на руднике. Выставить на продажу фальшивое месторождение – вот это я понимаю. Оспорить разметку чужого участка – вот это я понимаю. Ограбить кого-то, облапошить, убить – это я понимаю. Но позор семьи! Расскажите о том глашатаям, пусть объявляют по всей Хокитика-роуд – это для них будет новостью! Что такое позор семьи – без семьи как таковой?

Балфур завершил свою отповедь, резко стукнув пустым бокалом по ручке кресла. Широко улыбнулся собеседнику и воздел раскрытую ладонь, словно давая понять: он изложил проблему настолько наглядно, что никаких уточнений уже не требуется, но от знака одобре-

ния он бы не отказался. Мади вновь автоматически дернул головой, но тон его ответа впервые выдал, насколько истрепаны у него нервы:

– Вы очень убедительны, сэр.

Балфур, все еще улыбаясь, от комплимента отмахнулся:

– Убедительность – это лишь ловкие трюки да находчивость. Я-то говорю прямо.

– Я вам за это весьма признателен.

– Да-да, – дружелюбно отозвался Балфур. Он, похоже, от души наслаждался ситуацией. – Но теперь поведайте мне о вашей семейной ссоре, мистер Мади, чтобы я сам мог судить, запятнано ваше имя или нет.

– Прощу меня извинить, – пробормотал Мади.

Он оглянулся по сторонам, убедился, что священник вернулся на свое место и с головой ушел в газету. Сидевший рядом краснолицый тип с «имперскими» усами и рыжеватым оттенком волос, похоже, уснул.

Но Томас Балфур был не из тех, кто легко отступает.

– Свобода и обеспеченность! – воскликнул он, снова взмахивая рукой. – Не к этому ли все сводится? Видите ли, я уж загодя знаю, в чем причина несогласий! Знаю я, как оно бывает! Свобода над обеспечением, обеспеченная свобода... отец предоставляет средства, сын требует свободы. Разумеется, отцы бывают слишком властными... дело понятное... а сыновья бывают и мотами... блудные сыновья, как говорится, но всегда и везде ссора та же самая. Вот и с влюбленными так же, – добавил он, видя, что Мади не спешит его перебить. – С влюбленными все точно так же: по сути своей спор всегда об одном и том же.

Но Мади не вслушивался. На миг он позабыл и про медленно обращающуюся в пепел сигару, и про теплый бренди на дне бокала. Он позабыл, что он здесь, в курительной комнате гостиницы, в городе, которому не исполнилось еще и пяти лет, на краю света. Мысли его выскользнули на волю и вернулись к той сцене: окровавленный шейный платок, судорожно сжатая серебристая рука, имя, что захлебывающимся вздохом долетает из темноты снова и снова: «Магдалина, Магдалина, Магдалина». Эта картина вновь возникла перед его внутренним взором, неожиданно-негаданно, точно ледяная тень, скользнувшая по лику солнца.

Мади отплыл из Порт-Чалмерса на барке «Добрый путь» – крепком суденышке со стильно изогнутым носом и носовой фигурой из крашеного дуба, в виде орла, в честь святого Иоанна. На карте маршрут имел форму шпильки для волос: корабль отплывал на север, пересекал узкий пролив между двумя морями, а затем вновь поворачивал на юг, к приискам. Согласно купленному билету Мади имел право на тесное местечко под палубами, но в трюме было так душно и так мерзко пахло, что он был вынужден большую часть путешествия провести на средней палубе, съезжившись под планширем, прижимая к груди влажный кожаный портфель и подняв воротник, чтобы защититься от морских брызг. Скорчившись в такой позе, спиной к борту, он береговой линии почти не видел – не видел желтых восточных равнин, что, плавно повышаясь, сменялись зеленоватыми холмами, а потом и горами, что синели вдалеке над ними; далее к северу начались изумрудные фьорды, убаюканные недвижимой водой; на западе ветвились многоруслые реки – выплеснувшись на взморье, они тускнели и прорезали борозды в песке.

Когда «Добрый путь» обогнул северную косу и двинулся на юг, барометр начал падать. Не будь Мади так несчастен и болен, он бы, вероятно, испугался и принялся давать обеты: утонуть тут – дело обычное, рассказывали ему ребята в порту, это такая местная болезнь Уэст-Коста⁵, и вправе он называть себя счастливецом или нет, выяснится задолго до того, как он добе-

⁵ *Уэст-Кост* (*West Coast*, досл. «западное побережье») – один из регионов Новой Зеландии; протянулся узкой полосой вдоль западного побережья Южного острова, граничит с регионами Тасман, Кентерберри, Отаго и Саутленд, омывается Тасмановым морем.

рется до золотых месторождений, и задолго до того, как, опустившись на колени, он впервые зачерпнет своим лотком песка и гравия. Гибнет народу не меньше, чем доплывает до берега. Капитан судна – капитан Карвер его звать – столько раз видел со своего места на квартердеке, как волна смывала за борт какого-нибудь увальня, что корабль его по праву стоило бы назвать «краем могилы»; последние слова произносились торжественным шепотом, с широко открытыми глазами.

Буря налетела на крыльях зеленых ветров. Сперва дал о себе знать медный вкус в горле, металлическая тупая боль, что нарастала по мере того, как облака темнели и надвигались все ближе; и вот наконец шквал обрушился сверху вниз – ладонью бессмысленной ярости. Захотела ходуном палуба, захлопали, заметались, затрещали паруса, отбрасывая странные полосы света и тени, – все это было атрибутами ночного кошмара, равно как и осязаемый страх матросов, что изо всех сил пытались удержать судно на курсе, – и Мади не оставляло жуткое ощущение, по мере того как корабль приближался к золотым приискам, что «Добрый путь» каким-то непостижимым образом сам призвал на себя эту инфернальную бурю.

Уолтер Мади суверен не был, хотя получал немало удовольствия от чужих суеверий; внешние эффекты его не обманывали, притом что сам он производимое впечатление тщательно продумывал. Объяснением тому служил не столько интеллект, сколько опыт – до отплытия в Новую Зеландию таковой не отличался ни широтою, ни разнообразием. До сих пор в своей жизни Мади знал только ту разновидность сомнения, что основана на трезвом расчете и незыблемой убежденности. Он изведаль лишь подозрение, цинизм, вероятность – но не пугающее откровение, что приходит, когда перестаешь доверять самому себе; но не дикуую панику, что следует за подобным откровением; но не унылую опустошенность, что нагрянет последней. Об этих типах неуверенности он пребывал в счастливом неведении, во всяком случае вплоть до недавнего времени. Его воображение не тяготело к фантастике, и теории он строил редко, разве что с какой-либо практической целью. Собственная смертность заволаживала его чисто интеллектуально, отсвечивая тусклым глянцем, а не будучи человеком религиозным, он и в призраков не верил.

Подробный рассказ о том, что случилось в ходе этого последнего этапа путешествия, по праву принадлежит Мади и должен быть оставлен на его усмотрение. А нам на данной стадии довольно отметить, что, когда «Добрый путь» вышел из гавани Данидина, на борту его было восемь пассажиров, а к тому времени, как корабль пристал у побережья, пассажиров стало девять. Девятый же не был младенцем, рожденным в пути, не был он и зайцем; впередсмотрящий отнюдь не углядел его среди волн, цепляющимся за обломок кораблекрушения, и не крикнул: «Человек за бортом!» Но рассказывать дальше означает ограбить Уолтера Мади на его историю – что несправедливо, ведь он все еще был не в состоянии полностью воскресить видение в памяти и уж тем более связно изложить случившееся, на радость третьему лицу.

В Хокитике к тому времени дождь лил ливнем уже две недели, не переставая. Городок впервые предстал взгляду Мади таким подвижным грязным пятном: оно то придвигалось, то отступало, по мере того как туман напозал и развеивался. Лишь узкий равнинный коридор разделял береговую линию и резко воздвигшиеся горы; прибой неустанно бился об эту полосу, обращаясь на песке в туманную дымку. Полоса земли казалась еще более плоской и ограниченной благодаря облаку, что низко обрезаало горы по склонам и образовало серый купол над скученными крышами города. Порт находился южнее: запрятался в искривленном устье реки, богатой золотом; здесь река, прихлынув к соленой границе моря, вспенивалась, словно мыло. Бурая и безжизненная здесь, на побережье, выше по течению река текла прохладная, прозрачная и даже, говорят, искрилась в лучах солнца. А в самом устье разливалась спокойным озерцом: здесь густо торчали мачты и толстые трубы пароходов, ожидающих погожего дня; они-то знали, что рисковать не стоит: под водой таилась отмель, очертания которой менялись с каждым приливом. Бессчетное количество затонувших тут судов расшвыряло в разные стороны

как злополучные свидетельства сокрытой под волнами угрозы. Тридцать с чем-то кораблекрушений в общем и целом; несколько – совсем недавние. Расщепленные корпуса кораблей образовали причудливый волнолом, что зловещим образом защищал город от натиска открытого моря.

Капитан барка не рискнул входить в порт, пока погода не улучшится, и вместо того дал сигнал везти пассажиров лихтером по бурным волнам к песчаному взморью. Лихтером управляли шестеро – все до единого мрачные Хароны, они лишь пялились во все глаза, не говоря ни слова, по мере того как пассажиров опускали в люльке со вздымающегося борта «Доброго пути». Это было ужас что такое: скорчившись в крохотной лодчонке, глядеть наверх, на неподобные снасти нависшего над головой корабля, – раскачиваясь туда-сюда, он отбрасывал густую тень, и, когда наконец открепили канат и лихтер отошел от судна, Мади всей кожей ощутил, что посветлело. Остальные пассажиры веселились от души. Перекидывались восклицаниями о погоде и о том, до чего ж это здорово – пережить шторм. Проплывая мимо очередного остова корабля, толковали о крушении, выясняя, как судно называлось; рассуждали о приисках и о том, как сколотят целые состояния. Их радостное оживление казалось просто омерзительным. Какая-то женщина ткнула флаконом с нюхательными солями Мади прямо в бедро: «Возьмите потихоньку, а то остальные тоже захотят», но Мади оттолкнул ее руку. Эта женщина не видела того, что видел он.

По мере того как лихтер приближался к берегу, ливень словно бы усиливался. Морские брызги летели через борт в таком количестве, что Мади пришлось помогать команде вычерпывать воду: матрос, во рту которого не осталось ни одного зуба, кроме задних моляров, молча сунул ему в руки кожаное ведро. У Мади не достало духу уклониться. Лихтер миновал отмель и на белопенном гребне волны всплыл в спокойные воды речного устья. Мади даже не зажмурился. Как только лихтер пришвартовался у причала, он первым кинулся на берег. Он вымок насквозь, а голова у него кружилась так, что он споткнулся на трапе, и суденышко резко накренилось в противоположную от него сторону. Чуть прихрамывая, он резво заковылял вниз по пристани к твердой земле, точно за ним гнались.

Обернувшись назад, он едва различал в дальнем конце пристани хрупкий лихтер, что раскачивался на волнах, натягивая швартовы. Сам корабль давным-давно затерялся в тумане, что нависал полосами матового стекла, застилая и остовы погибших кораблей, и пароходы на рейде, и открытое море за ними. Мади пошатывало. Он смутно сознавал, как команда сгружает с лодчонки сумки и саквояжи, как пассажиры мечутся туда-сюда, как носильщики и портовые грузчики выкрикивают распоряжения сквозь дождь. Вся сцена тонула в белесой пелене, фигуры расплывались и таяли – как если бы и само плавание, и все, что имело к нему отношение, уже поглотил серый туман его помутившегося разума; как если бы память, обратившись против себя самой, столкнулась со своей противоположностью, с властью забвения, и наколдовала и хмарь, и проливной дождь, точно некую призрачную ткань, дабы отгородить его от видений недавнего прошлого.

Мади мешкать не стал. Он повернулся и поспешил вверх по взморью, мимо скотобоен, мимо общественных уборных и ветрозащитного ряда хижин вдоль песчаной губы, вдоль палаток, что проседали под серой тяжестью двухнедельного дождя. Набывшись, Мади крепко прижимал к себе портфель и ничего этого не видел: ни скотопригонных дворов, ни высоких фронтонов товарных складов, ни сводчатых окон офисных зданий вдоль по Верфь-стрит, за которыми бесформенные силуэты двигались сквозь освещенные комнаты. Мади с трудом брел все вперед и вперед, по щиколотку в жидкой грязи, и, когда наконец перед ним воздвигся бутфорский фасад гостиницы «Корона», он кинулся к нему и, швырнув наземь портфель, обеими руками рванул дверь на себя.

«Корона» представляла собою заведение вполне сносное, непритязательное, без прикрас, в пользу его свидетельствовала разве что близость к набережной. Эта черта, вероятно,

была подсказана целесообразностью, но вот за достоинство сошла бы вряд ли: здесь, в двух шагах от скотопригонов, кровавый запах бойни смешивался с кисло-соленым запахом моря, наводя на мысль о заброшенном холодильнике, где протух кусок сырого мяса. В силу этой причины Мади, возможно, погнушался бы этим местом и решился бы попробовать пройти севернее, вверх по Ревелл-стрит, туда, где фасады гостиниц делались шире и красочнее, обрастали портиками и посредством высоких окон и изящной лепнины предоставляли необходимые доказательства комфорта и роскоши, к которым он, как человек состоятельный, привык... но всю свою придирчивую взыскательность Мади оставил в мятущемся брюхе корабля «Добрый путь». Он искал лишь прибежища – и уединения.

Как только он прикрыл за собою дверь, заглушая шум дождя, тишина и покой пустого вестибюля произвели на него мгновенный физический эффект. Мы уже отмечали, что собственная внешность служила для Мади источником немалых личных выгод и он это прекрасно сознавал, так что он не собирался впервые сводить знакомство с чужим городом, пока выглядит как затравленный бродяга. Он стряхнул со шляпы водяные капли, пригладил рукою волосы, потопал, чтобы колени не подгибались, энергично подвигал губами, словно проверяя их эластичность. Эти телодвижения он совершил быстро и без всякого смущения. К тому времени, как появилась горничная, лицо его уже приобрело свое обычное выражение благодушного безразличия и он внимательно рассматривал угловое соединение в «ласточкин хвост» на стойке регистрации.

Горничная оказалась туповатой девицей с бесцветными волосами и зубами такими же желтыми, как и кожа. Она продекламировала по памяти условия проживания, освободила Мади от десяти шиллингов (каковые бросила с глухим стуком в запертый ящик под стойкой) и устало повела гостя наверх. Мади осознавал, что оставляет за собою мокрый след и что на полу в вестибюле с него натекает изрядная лужица, и вложил девице в руку шесть пенсов; она с жалостным видом взяла монетку и собралась было уходить, но тут же, по-видимому, решила, что стоит быть добрее. Она зарумянилась и, помявшись минуту, предложила принести из кухни поднос с ужином. «Чтоб вам согреться изнутри», – промолвила она, растягивая губы в желтозубой улыбке.

Гостиница «Корона» была построена не так давно и все еще хранила пропыленное, сладковатое ощущение свежеструганного дерева: на стенах вдоль каждого паза все еще проступали бусинки смолы, в очагах, еще ничем не заляпанных, до поры не накопилась зола. Номер Мади был меблирован весьма условно, как в пантомиме, где большой богатый дом моделируется одним-единственным креслом. В изголовье матрас истерся и был подбит чем-то вроде лоскутков муслина; одеяла были чуть широки, так что края их складками ложились на пол, отчего кровать, что ютилась под шероховатым наклонным карнизом, выглядела какой-то сморщенной и дряблой. Скудость меблировки придавала комнате некую призрачную незавершенность, что показалась бы даже пугающей, если бы за покоробленным стеклом взгляду открывалась иная улица и иная эпоха, но для Мади эта пустота была что бальзам на душу. Он утвердил отсыревший портфель на некое подобие подставки у постели, как смог отжал и просушил одежду, выпил до дна чайник чая, съел четыре ломтя черного зернового хлеба с ветчиной и, поглядев в окно на беспросветную завесу дождя над улицей, решил отложить свои дела в городе до утра.

Под заварочным чайником горничная оставила вчерашнюю газету – до чего же тонюсенькую для крупноформатного-то номера ценою в шесть пенсов! Мади с улыбкой развернул его. Он питал слабость к дешевым новостям и немало позабавился, обнаружив, что «самая прельстительная танцовщица» города также предлагает свои услуги как «опытная, деликатная акушерка». Целый столбец посвящался пропавшим без вести старателям («Если это объявление попадет на глаза ЭМЕРИ СТЕЙНЗУ или кому-либо, кто знает о его местонахождении...»), и целая страница – объявлениям о найме: «В бар срочно требуется официантка». Мади перечитал этот документ дважды от корки до корки, включая уведомления об отправке

грузов, рекламу съемного жилья, включающего скромный стол, и несколько чрезвычайно скучных предвыборных речей, напечатанных полностью. И обнаружил, что разочарован: «Уэст-Кост таймс» мало чем отличалась от приходской газетенки. А чего он, собственно, ожидал-то? Что золотой прииск окажется экзотической фантазией, сверкающей и обнадеживающей? Что старатели – отъявленные злодеи и проныры, все как один – убийцы и ворье?

Мади медленно сложил газету. Мысли его вновь вернулись к «Доброму пути» и к забрызганному кровью контейнеру в трюме, и сердце его вновь неистово заколотилось. «Довольно!» – произнес он вслух и тут же почувствовал себя глупее некуда. Он встал, отшвырнул сложенную газету в сторону. В конце концов, уже вечереет, подумал он, а ведь он терпеть не может читать в сумерках.

Выйдя из номера, Мади вновь спустился. Горничная обнаружилась в уединенной нише под лестницей: она надраивала ваксой сапоги для верховой езды. Мади осведомился, нет ли тут гостиной, где можно провести вечер. Плавание очень его утомило, и он отчаянно нуждается в глотке бренди и тихом, спокойном местечке – дать отдых глазам.

Горничная сделалась заметно более услужлива, – видимо, шестипенсовики перепали ей нечасто, подумал Мади; при необходимости этим можно будет воспользоваться впоследствии. Девушка объяснила, что гостиная «Короны» на этот вечер зарезервирована для закрытой вечеринки («Друзья-католики», – пояснила она с ухмылкой), но, если гостю угодно, она проводит его в курительную комнату.

Встряхнувшись, Мади разом вернулся в настоящее и обнаружил, что Томас Балфур по-прежнему не сводит с него глаз с видом выжидательно-заинтригованным.

– Я прошу прощения, – смущенно произнес Мади. – Кажется, я ушел в свои мысли... ненадолго...

– И о чем же вы думали? – осведомился Балфур.

О чем он думал? О шейном платке, и серебристой руке, и об имени, что захлебывающимся вздохом звучало в ночи. Эта сцена была словно мир в миниатюре, мир иных измерений. Пока мысли его блуждают там, обыкновенного времени может пройти сколько угодно. Есть большой мир, где своим чередом текут дни и часы и меняется пространство, и есть этот крохотный застывший мирок ужаса и тревоги; они заключены друг в друга, как сфера внутри сферы. Странно, что Балфур за ним наблюдает, что идет реальное время, все вращаясь и вращаясь вокруг него...

– Ни о чем особенном я не думал, – заверил Мади. – Я пережил тяжелое путешествие, вот и все, и я очень устал.

Позади него один из игроков в бильярд ударил по шару: двойной стук, бархатистый шорох; остальные игроки одобрительно загомонили. Священник шумно встряхнул газетой, еще кто-то откашлялся, еще кто-то – стряхнул пылинку с жилета и заерзал в кресле.

– Я вас про ссору спрашивал, – напомнил Балфур.

– Ах, ссора... – начал было Мади и умолк на полуслове. Внезапно он почувствовал себя совершенно опустошенным: даже на разговоры сил не осталось.

– Ну, конфликт, – подсказал Балфур. – Между вами и вашим отцом.

– Прошу меня извинить, – отозвался Мади. – Подробности довольно деликатного свойства.

– Это вопрос денег! Я угадал?

– Простите, но нет. – Мади провел рукой по лицу.

– Не денег? Значит, любовная история! Вы влюблены... но ваш отец не одобряет вашу избранницу...

– Нет, сэр, – возразил Мади. – Я не влюблен.

– Какая жалость! – откликнулся Балфур. – Что ж! Я вынужден заключить, что вы уже женаты!

- Я не женат.
- Тогда, наверное, молодой вдовец?
- Я никогда не был женат, сэр.

Расхохотавшись, Балфур воздел руки, давая понять, что находит скрытность собеседника забавно-несносной и совершенно нелепой.

Пока тот смеялся, Мади, опершись о подлокотники, привстал, развернулся и оглядел комнату из-за высокой спинки кресла. Он вознамерился как-нибудь втянуть в разговор остальных и по возможности отвлечь собеседника от его прицельных расспросов. Однако никто не поднял взгляда; Мади показалось, что эти люди сознательно его игнорируют. Как странно! Но стоять в такой позе было неудобно, молчать – неучтиво, так что он вновь неохотно опустился в кресло и скрестил ноги.

– Я вовсе не хочу вас разочаровывать, – промолвил он, когда Балфур наконец отсмеялся.

– Разочаровывать – да что вы! – запротестовал Балфур. – Ничуть не бывало. Держите ваши секреты при себе, если угодно!

– Вы заблуждаетесь на мой счет. Я не пытаюсь что-либо скрыть. Эта тема чрезвычайно для меня болезненна, вот и все.

– О, но в молодости так оно всегда и бывает, – возразил Балфур, – собственная история – всегда тема болезненная, всегда хочешь утаить ее и ни с кем не делиться, в смысле другим не рассказывать.

– Очень мудрое наблюдение.

– Мудрое! И только?

– Не понимаю вас, мистер Балфур.

– Вы решительно не желаете удовлетворить мое любопытство!

– Признаюсь, что оно меня несколько удивляет.

– Здесь вам не что-нибудь, а золотой город, сэр! – отозвался Балфур. – Здесь нужно быть уверенным в своих товарищах – нужно товарищам доверять – так-то!

Это прозвучало еще более странно. Впервые – вероятно, за счет нарастающей досады, что заставляла его сосредоточиться непосредственно на обстановке, – Мади почувствовал, как в нем в свою очередь пробуждается интерес. Загадочное молчание, царившее в комнате, служило не слишком-то убедительным свидетельством тесного братства, где все общее, где ты – свой человек... более того, Балфур мало что сообщил в отношении собственного характера и своей репутации в городе, а ведь благодаря такого рода сведениям новичок куда охотнее ему бы доверился! Мади скосил взгляд на толстяка перед очагом – его сомкнутые веки подрагивали в попытке притвориться спящим; Мади оглянулся на блондина у себя за спиной – тот перекладывал бильярдный кий из одной руки в другую, словно бы вдруг утратив всякий интерес к игре.

Что-то тут нечисто – Мади разом в этом уверился. Балфур играл роль по поручению всех остальных: оценивал чужака, не иначе. Но с какой целью? За этой лавиной вопросов крылась какая-то система, определенный замысел, умело сокрытый за экстравагантной демонстративностью Балфура, его кипучим сочувствием и личным обаянием. Все остальные внимательно прислушивались, небрежно перелистывая страницы газет или притворяясь спящими. При этом неожиданном открытии комната словно озарилась светом понимания – вот так беспорядочная россыпь звезд внезапно складывается в четкое созвездие. Балфур уже не казался Мади ни жизнерадостным, ни шумно-несдержанным, как поначалу, скорее уж взвинченным, напряженным и даже отчаявшимся. Мади задумался про себя: а не разумнее ли уступить этому человеку, нежели упрямо ему противостоять?

В том, что касается доверительных исповедей, Уолтер Мади накопил немалый опыт. Он знал, что, излив душу, ты тем самым получаешь подспудное право на чужое признание. Одна тайна в обмен на другую; история за историю; ненавязчивое ожидание ответа в том же духе – этим способом давления он овладел в совершенстве. Он выведает куда больше, сделав

вид, что доверился Балфуру, нежели демонстративно его подозревая; просто потому, что если открыться человеку свободно и безоговорочно, тогда и Балфур будет вынужден почтить его доверием в свой черед. Почему бы, в сущности, и не пересказать историю своей семьи – хоть вспоминать о ней и больно! – того ради, чтобы купить доверительное отношение этого человека. То, что произошло на борту «Доброго пути», Мади, конечно же, разглашать не собирался, но тут ему даже притворяться не надо было – не эту историю требовал от него Томас Балфур.

Хорошенько обо всем поразмыслив, Мади сменил тактику.

– Вижу, мне необходимо завоевать ваше доверие, – промолвил он. – Мне, сэр, скрывать нечего. Я поведаю вам мою повесть.

Балфур удовлетворенно откинулся к спинке кресла.

– Вы говорите – повесть? – просиял он. – Тогда я очень удивлен, мистер Мади, что речь в ней пойдет не о любви и не о деньгах!

– Боюсь, скорее, об отсутствии того и другого, – отозвался Мади.

– Об отсутствии – ну да, – кивнул Балфур, по-прежнему улыбаясь. И жестом пригласил Мади продолжать.

– Сперва я должен ознакомить вас с подробностями моей семейной истории, – промолвил Мади и на мгновение умолк, глаза его сощурились, губы поджались.

Кресло, в котором он сидел, было обращено к очагу, так что почти половина присутствующих оказались у него за спиной, где, сидя или стоя, предавались своим притворным занятиям. Выгадав несколько секунд, словно бы для того, чтобы собраться с мыслями, Мади скользнул взглядом направо и налево, отмечая слушателей, сидевших ближе к нему, вокруг огня.

У самого очага устроился тот самый толстяк, что притворялся спящим. Из всех присутствующих он был разодет наиболее броско: массивная цепочка для часов, толщиной с его пухлый палец, протянулась через всю грудь, между карманом бархатного жилета и передом батистовой рубашки, а к цепи тут и там крепились золотые самородки размером с сустав. Человека, сидевшего рядом с ним, по другую сторону от Балфура, частично закрывало крыло его кресла, так что Мади мог различить лишь блик на лбу да блестящий кончик носа. На нем был пиджак из шеврона, плотной шерстяной ткани переплетения «елочкой»; в таком, конечно же, было невыносимо жарко вблизи от огня: незнакомец вольготно развалился в кресле, но предательская испарина заставляла усомниться в непринужденности его позы. Сигары при нем не было, зато он снова и снова вертел в руках серебряный портсигар. Слева от Мади стояло еще одно «крылатое» кресло, придвинутое едва ли не вплотную, так что он слышал гнусавый посвист дыхания своего соседа. Этот был темноволос, хрупкого сложения и так высок, что казалось, будто он сложился вдвое: он сидел, сдвинув колени и плотно утвердив на полу подошвы ботинок. Он читал газету и в целом изображал безразличие куда успешнее остальных, но даже у него взгляд порою стекленел, как если бы не вполне сосредоточившись на печатном тексте, и страниц он не перелистывал уже давно.

– Я младший из двух сыновей, – начал наконец Мади. – Мой брат Фредерик старше меня пятью годами. Наша мать умерла, когда я заканчивал школу: я вернулся домой совсем ненадолго, только на похороны; и вскорости после того мой отец женился снова. На тот момент я не был знаком с его второй женой. Она была – и есть – женщина кроткая, хрупкая, утонченная, всего боялась, часто хворала. Натура чувствительная, она ничуть не похожа на отца: отец мой – человек грубый и склонен к злоупотреблению спиртным... Брак не сложился; я так понимаю, обе стороны сожалели о заключенном союзе как об ошибке; и с прискорбием вынужден признать, что со своей второй женой отец обращался очень дурно. Три года назад он исчез, бросив ее в Эдинбурге безо всяких средств к существованию. Она бы пошла по миру или чего похуже – в такой страшной нужде она внезапно оказалась. Она обратилась ко мне – письмом, я хочу сказать; я на тот момент находился за границей, но тотчас же вернулся домой. Я стал ее заступником и покровителем – до некоторой степени. Я предпринял кое-какие шаги в ее интересах; она

согласилась, хотя и не без горечи, ведь ныне ее положение существенно переменялось. – Мади сухо кашлянул. – Я обеспечил ей небольшой доход – или, скажем так, место с заработком, – а сам уехал в Лондон с целью отыскать отца. Там я исчерпал все возможные средства его обнаружить и в ходе розысков потратил огромные суммы. Наконец я задумался о том, чтобы обратиться к полученному мною образованию в какой-никакой источник прибыли, поскольку понимал, что на наследство более с уверенностью полагаться не могу, а свой кредит в городе я исчерпал... Мой старший брат ничего не знал о горестной участи нашей мачехи; он уехал попытать счастья на золотых приисках Отаго за несколько недель до исчезновения нашего отца. Он всегда был склонен к такого рода причудам, – полагаю, вы бы назвали его искателем приключений, хотя, выйдя из детского возраста, мы отдалились друг от друга, и, по правде говоря, он для меня, в сущности, чужой человек. Текли месяцы, минули годы; он так и не вернулся и никак о себе не известил. Мои письма к нему оставались без ответа. До сих пор не знаю, попали ли они ему в руки. Наконец и я тоже взял билет на корабль, идущий в Новую Зеландию; в мои намерения входило сообщить брату о переменах в положении нашей семьи и – конечно, если он жив, – может статься, какое-то время поработать на прииске с ним вместе. От моего собственного состояния ничего не осталось, процентный доход с пожизненной ренты давно был исчерпан, я оказался по уши в долгах. В Лондоне я учился в «Иннер темпле». Наверное, я мог бы там и остаться и дожидаться приема в коллегию адвокатов... но юриспруденция мне не по душе. Терпеть ее не могу. Так что я предпочел отплыть в Новую Зеландию... Когда я высадился в Данидине – с тех пор еще двух недель не прошло, – я узнал, что золото региона Отаго ничего не стоит в сравнении с только что открытыми месторождениями здесь, на побережье. Я колебался, не зная, куда сперва податься, и нерешительность моя оказалась вознаграждена самым неожиданным образом: я повстречался с отцом.

Балфур пробормотал что-то себе под нос, но перебивать рассказчика не стал. Он неотрывно глядел в огонь, предусмотрительно обхватив губами сигару и некрепко сжимая донце бокала. Остальные одиннадцать присутствующих тоже затаили дыхание. Даже партия в бильярд, похоже, прервалась: Мади больше не слышал за спиной сухого пощелкивания шаров. Тишина словно слегка пружинила: слушатели ждали, что чужак поведает нечто особенное... или испугались этого.

– Наше воссоединение счастливым я бы не назвал, – продолжал Мади. Он повысил голос, перекрывая шум дождя; говорил он достаточно громко, чтобы все присутствующие в комнате его слышали, но не настолько громко, чтобы показалось, будто он сознает, что находится в центре внимания. – Отец был пьян и страшно разозлился, что я его отыскал. Я узнал, что он сказочно разбогател, что он женился снова, на женщине, которая, вне всякого сомнения, ничего о его прошлом не знает, как не знает и того, что он юридически связан с другой. Мне жаль признавать, что я не слишком тому удивился. Мои отношения с отцом никогда не отличались особой теплотой, и не в первый раз я обнаруживал его в сомнительной ситуации... хотя о преступлении такого масштаба речь не шла никогда, поспешу добавить... По-настоящему я изумился, когда спросил про брата, и выяснилось, что тот с самого начала был пособником отца; они вместе срежиссировали план, в результате которого законная жена оказалась злонамеренно брошена, и отплыли на юг как компаньоны. Я не стал дожидаться Фредерика – сама мысль о том, что я увижу их вместе, представлялась мне невыносимой – и повернулся уходить. Отец разъярился и попытался меня задержать. Мне удалось вырваться, и я тотчас же решил плыть сюда. Мне вполне хватило бы денег для того, чтобы при желании вернуться прямиком в Лондон, но горе мое было таково, что... – Мади умолк и беспомощно пошевелил пальцами. – Право, не знаю, – закончил он. – Мне подумалось, тяжкий труд на золотых приисках пойдет мне на пользу. А юристом я быть не хочу.

Повисло глубокое молчание. Мади встряхнул головой и выпрямился в кресле.

– Грустная история, ничего не попишешь, – коротко подвел итог он. – Я стыжусь своего происхождения, мистер Балфур, но я не намерен о нем вспоминать. Начну все заново.

– Действительно грустная! – воскликнул Балфур, наконец-то извлекая сигару изо рта и с энтузиазмом ею размахивая. – Мне вас очень жаль, мистер Мади, и я всецело вас одобряю. Но над вами уже веет дух золотых приисков, верно? Обновление! Или даже осмелюсь сказать – революция! Человек может все начать заново – может *себя* переделать заново, вот честное слово!

– Вы меня ободряете.

– А ваш отец... по фамилии он тоже Мади, я полагаю.

– Да, верно. А зовут его Адриан. Может, вы о нем слышали?

– Нет, не слышал, – покачал головой Балфур и, видя, что собеседник явно разочарован, добавил: – Конечно же, это ничего не значит. Я ж по судоходной части, я вам уже говорил; нынче я со старателями компанию не вожу. Я был в Данидине. Я был в Данидине три года, или около того. Но если ваш папочка составил состояние на золотых приисках, он, верно, в глубине острова старательствовал. Где-нибудь в нагорьях. Да мало ли куда его могло занести: на Туапеку, в Клайд – куда угодно! Но послушайте – к вопросу о делах насущных, мистер Мади, – вы не боитесь, что он за вами последует?

– Нет, – бесхитростно заверил Мади. – Я постарался создать впечатление, будто я тотчас же отбыл в Англию, в тот самый день, как мы с отцом расстались. В порту я повстречал человека, который собирался плыть в Ливерпуль. Я объяснил ему мои обстоятельства, и в результате недолгих переговоров мы обменялись документами. При покупке билета он назвал мое имя, а я – его. Если мой отец станет наводить справки на таможне, чиновники предоставят ему доказательства того, что я уже покинул острова и возвращаюсь домой.

– Но что, если отец ваш... а также и брат... приедут на побережье по собственному почину? На поиски золота?

– Этого я предвидеть не могу, – согласился Мади. – Но насколько я понимаю их текущее положение дел, они добыли достаточно золота в Отаго.

– *Достаточно* золота! – Балфур едва сдержал смех.

Мади пожал плечами.

– Ну что ж, – холодно проговорил он. – Если они вдруг появятся, я, конечно, загодя к их приезду подготовлюсь. Но я в него не верю.

– Конечно, конечно же нет. – Балфур потрепал Мади по рукаву своей громадной ручищей. – Давайте лучше поговорим о чем-нибудь более обнадеживающем. Скажите, а что вы собираетесь делать со своими деньжатами, как только накопится приличная сумма? Вернетесь в Шотландию, верно, – тратить свое состояние там?

– Я на это надеюсь, – подтвердил Мади. – Я слышал, тут можно сколотить капитал месяца за четыре или даже меньше, а значит, я смогу уехать отсюда до того, как ударят зимние морозы. Разумно на это рассчитывать, как вам кажется?

– Еще как разумно, – согласился Балфур, с улыбкой глядя на уголья. – Разумно, да; действительно, вполне ожидаемо. Так у вас, значит, приятелей в городе нет? Никто не встречал вас на пристани с распростертыми объятиями? Земляки, может быть?

– Никто, сэр, – заверил Мади в третий раз за вечер. – Я приехал сюда один, и, как уже говорил, я намерен сам составить себе состояние, без посторонней помощи.

– О да, составить себе состояние... взять свое, как сейчас говорят, – кивнул Балфур. – Но напарник старателя все равно что его тень – это тоже затвердить следует, – все равно что тень или жена...

При этом замечании по комнате тут и там прошелестели легкие смешки: не откровенный хохот, но тихие сдавленные выдохи сразу в нескольких местах. Мади оглянулся по сторонам. Он почувствовал, как по завершении его рассказа атмосфера словно разрядилась, ко

всеобщему облегчению. Эти люди явно чего-то боялись, а его рассказ дал им повод отбросить страхи. Мади впервые задумался: а не связана ли, часом, их тревога с тем ужасом, свидетелем которого он стал на борту «Доброго пути»? Мысль эта была до странности неприятной. Ему не хотелось верить, будто его сокровенное воспоминание возможно объяснить кому-то постороннему и, что еще хуже, кто-то посторонний окажется к нему причастен. (Страдание, как подумал он позже, лишает человека способности к сопереживанию, превращает его в эгоиста и заставляет презирать всех прочих страдалыцев. Это открытие немало его удивило.)

Балфур расплылся в улыбке.

– Да-да, либо тень, либо жена, – повторил он, одобрительно кивая собеседнику, как если бы шутка принадлежала не ему, а Мади. Он несколько раз погладил бороду сложенной в горсть ладонью и коротко рассмеялся.

У него и впрямь словно камень с души свалился. Утраченное наследство, супружеская неверность, аристократка, вынужденная *работать*, – все эти предательства принадлежали совершенно иному миру, думал про себя Балфур, – миру гостиных, визитных карточек и вечерних платьев. Балфур находил очаровательным, что такого рода превратности судьбы могут считаться трагедиями, что юноша сообщает о них словно на исповеди, торжественно и сурово, борясь со смущением, – как человек, которого с рождения приучили верить в незыблемость своего положения. Говорить об этом здесь – на передовой цивилизованного мира! Хокитика росла быстрее, чем Сан-Франциско, уверяли газеты, причем буквально из ничего... из древних гниющих джунглей... из приливно-отливных болот, из меняющих очертания оврагов и тумана... из обманчивых, богатых рудами вод. Эти люди не просто сами себя создали – они продолжают себя создавать, сидя на корточках в грязи и промывая ее дочиста. Балфур коснулся своего лацкана. Жалостная история Мади пробудила в нем снисходительные отцовские чувства: Балфур любил, когда ему напоминают о том, что сам-то он – человек современный (предприимчивый, не обремененный никакими связями), в то время как прочие все еще хромают в путах отжившей эпохи.

Такой вердикт, конечно же, меньше говорил о заключенном, нежели о судье. Железная сила воли Балфура не признавала никакой философии, кроме как самого что ни на есть надежного эмпирического свойства; его радушие не ведало отчаяния, которое в его глазах было подобно бездонной шахте, обладающей глубиной, но не шириной: в этом замкнутом пространстве царит духота, продвигаться возможно только на ощупь и любопытству поживиться нечем. Душа его не слишком-то занимала; в ней он видел лишь причину более великих и полных жизни таинств веселости и приключения; о темных сторонах души он определенного мнения не составил. Он частенько говаривал, что единственная внутренняя опустошенность, которую он хоть сколько-то замечает, – это аппетит; и, хотя говаривал он это со смехом и с видом весьма довольным, верно и то, что его сочувствие редко распространялось на ситуации, в которых сочувствия ожидаешь. Он был снисходителен к пустотам в будущем ближнего, но нетерпим к зашторенным комнатам его прошлого.

– Как бы то ни было, – продолжал он, – запомните мой второй совет, мистер Мади: найдите себе друга. Тут вокруг есть немало артелей, что не отказались бы от лишней пары рук. Так уж тут заведено, видите ли, – найдите напарника, потом наберите артель. В жизни не видел, чтобы человек справлялся сам. У вас ведь есть подходящая одежда и скатка?

– Боюсь, в этом отношении я целиком во власти стихий, – посетовал Мади. – Мой дорожный сундук остался на борту корабля; погодные условия были слишком неблагоприятны, чтобы рискнуть преодолеть отмель сегодня вечером; мне сказали, что вещи доставят на таможеню завтра во второй половине дня. Меня-то самого на лихтере переправили: небольшая команда вышла в море на веслах – очень храбро с их стороны! – и забрала пассажиров.

– Да-да, – посерьезнел Балфур. – Только за последний месяц тут три корабля затонули на этой отмели. Рисковый бизнес, что и говорить. Зато прибыльный. Когда корабли идут сюда, людям терять нечего. А вот когда отсюда... когда отходят отсюда, на борту-то золото!

– Мне рассказывали, что высадка здесь, в Хокитике, чрезвычайно опасна: эта пристань недаром пользуется дурной славой.

– Дурной славой, именно! И ведь ничего тут не поделаешь, если судно подлиннее сотни футов будет. Тут выпускай пар не выпускай, никакого напора не хватит, чтобы с места стронуться, если уж сел на мель. То-то славный начинается фейерверк: сигнальные ракеты со всех сторон взлетают. Но с другой стороны, не только с пароходами тут беда. Не только с крупногабаритными судами. Отмель Хокитики, Уолтер, любой добыче рада. Этот песок и шхуну потопит как нечего делать.

– Охотно в это верю, – кивнул Мади. – Мы плыли на барке – не слишком габаритном, подвижном и маневренном, достаточно крепком, чтобы противостоять самым страшным штормам, – и, однако же, капитан рисковать кораблем не стал. Он предпочел встать на рейде и дожидаться утра.

– Это «Ватерлоо», что ли? Регулярка до Чалмерса?

– Нет; вообще-то, частный чартер, – отозвался Мади. – Корабль называется «Добрый путь».

С тем же успехом он мог вытащить из кармана пистолет – это название прозвучало словно гром среди ясного неба. Мади оглянулся по сторонам (в лице его по-прежнему отражалась спокойная кротость) и отметил, что теперь к нему открыто приковано внимание всех собравшихся. Несколько человек отложили газеты; те, что якобы задремывали, открыли глаза; один из игроков в бильярд шагнул к нему, оказавшись в свете лампы.

При упоминании названия судна Балфур вздрогнул, но его серые глаза невозмутимо выдержали взгляд собеседника.

– Действительно, – промолвил он, разом утратив шумную развязность, что отличала его манеры вплоть до сего момента. – Сознаюсь, что название корабля мне не вовсе незнакомо, мистер Мади, – не вовсе незнакомо, но мне хотелось бы уточнить также и имя капитана, если вы не возражаете.

Мади высматривал в его лице некую вполне конкретную черту, но, если бы его призвали к ответу, назвать ее вслух он бы постеснялся. Он пытался распознать панический страх. Он был уверен: если Балфур только вообразит или вспомнит тот сверхъестественный ужас, с которым сам Мади столкнулся на борту «Доброго пути», эффект проявится мгновенно. Но Балфур всего-навсего глядел настороженно – так человек, прослышавший о возвращении одного из своих кредиторов, начинает перебирать в уме оправдания и пути спасения, – вид у него был отнюдь не страдальческий и не перепуганный. Мади не сомневался: тот, кто стал свидетелем того же, что и он сам, несет на себе неизгладимый отпечаток пережитого. И все же Балфур неуловимо изменился: ощущалась в нем некая новообетенная пронизательность и острота во взгляде. При виде этой перемены Мади заметно оживился. С замиранием сердца он осознал, что недооценил собеседника.

– Капитана, кажется, зовут Карвер, – медленно проговорил он. – Фрэнсис Карвер, если не ошибаюсь; это человек большой физической силы, мрачного вида, с белым шрамом на щеке. Соответствует ли описание тому, кого вы имеете в виду?

– Соответствует, – кивнул Балфур, в свой черед придирчиво всматриваясь в лицо собеседника. – Мне было бы любопытно узнать, как именно вы с мистером Карвером познакомились, – промолвил он, выждав мгновение. – Если, конечно, вы потерпите подобную бесцеремонность.

– Простите, но мы с ним не знакомы, – отозвался Мади. – То есть я уверен, что при новой встрече он бы меня не узнал.

Мади твердо решил, в полном соответствии с избранной стратегией, отвечать на вопросы Балфура вежливо и без возражений, чтобы иметь право затем в свою очередь потребовать нужных ответов. В искусстве дипломатии Мади был настоящим гением. Еще ребенком он инстинктивно понимал, что всегда лучше добром выложить часть правды, нежели сказать всю правду с видом обиженно-вызывающим. Готовность к сотрудничеству дорогого стоит, уже хотя бы потому, что подразумевает взаимность: услуга за услугу! Больше Мади не оглядывался, но, не отводя глаз, с открытым лицом, обращал свою речь исключительно к Балфуру, словно одиннадцать человек вокруг, неотрывно глядящие на него, нимало его не занимали.

– В таком случае, – промолвил Балфур, – я рискну предположить, что вы приобрели билет у помощника капитана.

– И деньги он положил в собственный карман, сэр.

– Вы с ним в частном порядке договаривались?

– Эту схему придумала команда с согласия капитана, – отвечал Мади. – Легкий способ заработать лишний шиллинг, надо думать. Никаких коек не предусмотрено: тебе отводят местечко под палубами и велют держать ухо остро и под ногами не путаться. Неидеальные условия, что и говорить, но обстоятельства вынуждали меня покинуть Данидин немедленно, как вы уже знаете, а в этот день к отплытию был назначен только «Добрый путь». С помощником я познакомился лишь в момент заключения сделки; ни пассажиров, ни команды я лично не знал.

– И сколько же пассажиров приплыло на таких условиях?

Мади невозмутимо выдержал взгляд Балфура.

– Восемь, – ответил он и вложил в рот сигару.

Балфур тут же уцепился за эту формулировку:

– То есть вы и еще семеро? Всего восемь человек?

Прямо отвечать на поставленный вопрос Мади не стал.

– Список пассажиров появится в газете в понедельник; вы, безусловно, сможете его просмотреть, – промолвил он, чуть скептически изогнув бровь и словно подразумевая, что необходимость в уточнении не только неуместна, но и неприлична. И добавил: – Мое настоящее имя в нем, конечно же, упомянуто не будет. Я путешествовал под именем Филиппа де Лейси: так звали человека, чьи документы я приобрел в Данидине. Уолтер Мади, согласно официальным данным, в настоящий момент находится где-то в южной части Тихого океана и плывет на восток, приближаясь, полагаю, к мысу Горн.

Лицо Балфура оставалось, как прежде, невозмутимым.

– Позвольте мне задать вам еще один вопрос, – промолвил он. – Мне всего лишь хотелось бы знать, есть ли у вас причины думать о нем хорошо или дурно. О мистере Карвере, я имею в виду.

– Не вполне уверен, что могу ответить вам с достаточной степенью объективности, на основании лишь слухов да собственных подозрений, – отозвался Мади. – Мне кажется, что этот человек был понуждаем покинуть Данидин как можно скорее, поскольку он поторопился сняться с якоря, невзирая на штормовой прогноз, но относительно причины подобной спешки я остаюсь в полном неведении. Официально я не был ему представлен и в ходе плавания видел его только издалека, и то нечасто: большую часть времени он проводил в собственной каюте. Так что, как видите, мое мнение немногого стоит. И все-таки...

– И все-таки? – подсказал Балфур, видя, что собеседник умолк. Он ждал.

– Буду с вами откровенен, сэр. – Мади повернулся к собеседнику лицом к лицу. – Находясь на борту, я обнаружил некоторые подробности касательно корабельного груза, заставившие меня усомниться в законности всего предприятия. Если я в чем и уверен, то только в одном: не хотелось бы мне приобрести в мистере Карвере врага, если в моих силах этого избежать.

Темноволосый незнакомец по левую руку от Мади заметно напрягся.

– Говорите, в грузе что-то обнаружили? – вмешался он, подавшись вперед.

«Ага! – подумал Мади и тут же: – Пора сыграть на моем преимуществе!» И он обратился к новому собеседнику.

– Прошу меня простить, если я не стану вдаваться в подробности, – промолвил он. – Я ни в коей мере не хочу проявить к вам неуважение, но мы друг друга не знаем, или, скорее, я не знаю *вас*, поскольку мой сегодняшний разговор с мистером Балфуром достиг не одних только его ушей. Я в невыгодном положении, не столько в отношении себя самого, поскольку я-то представился со всей правдивостью, сколько в отношении вас, поскольку вы познакомились со мною, не будучи представлены, и выслушали мою историю без приглашения и никак на нее не отозвались. Мне скрывать нечего, касательно этого путешествия или любого другого, но должен признать, – тут он повернулся к Балфуру, – обидно, когда тебя допрашивают так придиричиво, а своих собственных целей не раскрывают.

Сформулировано это было несколько более агрессивно, нежели привычная Мади манера изъясняться, но говорил он спокойно, с достоинством, и знал, что правота – за ним. Не мигая, он глядел на Балфура и, широко распахнув кроткие глаза, ждал ответа. Балфур покосился на темноволосого незнакомца, который вклинился со своим вопросом, и вновь перевел взгляд на Мади. Выдохнул. Поднялся с кресла, швырнул окурок сигары в огонь, протянул руку.

– У вас бокал опустел, мистер Мади, – негромко проговорил он. – Будьте так добры, позвольте мне.

В наступившей тишине он отошел к серванту в сопровождении темноволосого незнакомца, который, выпрямившись в полный рост, едва не задевал головой низкий потолок. Темноволосый наклонился к самому уху Балфура и принялся что-то настоятельно ему нашептывать. Балфур кивнул и ответил что-то вполголоса – вероятно, отдал какие-то указания, поскольку высокий брюнет отошел к бильярду, жестом поманил блондина и, понизив голос, передал ему, что велено. Тот в свою очередь немедленно и энергично закивал. Глядя на них, Мади чувствовал, как к нему возвращается его обычная живость. Бренди взбодрил его; он согрелся и просох; и ничто так не поднимало ему настроения, как предвкушение завлекательной истории.

Нередко случается, что измученная душа вынуждена обратиться к какому-то отдельному затруднению, которое человека совсем не касается; тогда эта вторая проблема оказывается для первой все равно что целительным бальзамом. Примерно так чувствовал себя сейчас Мади. Впервые с тех пор, как высадился с лихтера, он обнаружил, что способен ясно помыслить о своем недавнем злключении. В контексте этой новой тайны его сокровенное воспоминание словно бы обрело свободу. Он смог восстановить в сознании преследующую его картину: воскресший мертвец, его окровавленное горло, его крик – и счесть ее сногшибательной и поразительной, по-прежнему жуткой, но гораздо более объяснимой. Вся эта история приобрела некую ценность: он мог обратить ее в прибыль в порядке обмена.

Он следил, как сообщение шепотом передается от одного человека к другому. В неразберихе незнакомых акцентов никаких имен собственных он не различал, но было очевидно, что предмет обсуждения касается всех присутствующих. Мади заставил себя обдумать ситуацию трезво и тщательно. В силу невнимательности он уже один раз за вечер неправильно оценил обстановку; ошибиться вторично ему никак нельзя. Намечалось ограбление, не иначе, или, может статься, эти люди объединились против кого-то – не исключено, что против мистера Карвера. Их было двенадцать, что навело Мади на мысль о суде присяжных... но присутствие китайцев и туземца-маори исключало такую вероятность. Не прервал ли он, случайно, некий тайный совет? Но на каком таком совете соберется публика столь разношерстная, в том, что касается расовой и сословной принадлежности, а также и финансового статуса?

Надо ли говорить, что по лицу Мади невозможно было прочесть, о чем он думает. Он загодя придал ему выражение глубоко озадаченное и вместе с тем покаянное, словно давая понять: он отлично сознает, что причинил беспокойство, но взять не может в толк, в чем это беспокойство состоит; а что до дальнейших своих действий, так он готов послушаться кого угодно, только не себя самого.

Снаружи ветер поменял направление, мокрый шквал обрушился на трубу, так что угли, зашипев, полыхнули алым, и на мгновение Мади почудился соленый запах моря. Шевеление в очаге словно бы разбудило толстяка, сидевшего ближе прочих к огню. Он уперся в подлокотники, хрюкнув от натуги, поднялся из кресла и, дошаркав до серванта, присоединился к остальным. С его уходом Мади остался у очага наедине с незнакомцем в костюме из шеврона; тот подался вперед.

– Мне бы хотелось представиться, если не возражаете, – промолвил он, со щелчком открывая серебряный портсигар – впервые за вечер! – и выбирая сигарету. Говорил он с явственно французским акцентом, отрывисто и вместе с тем учтиво. – Меня зовут Обер Гаскуан. Надеюсь, вы извините меня за то, что ваше имя мне уже известно.

– Ну что ж, сдастся мне, ваше имя мне тоже знакомо, – отозвался Мади с легким удивлением.

– Стало быть, это счастливая встреча, – отозвался Обер Гаскуан. Он искал спички; на мгновение он задержал руку в нагрудном кармане, как щеголеватый полковник, позирующий для этюда. – Но я положительно заинтригован. Откуда же вы меня знаете, мистер Мади?

– Сегодня вечером я прочел ваше обращение в пятничном номере «Уэст-Кост таймс» – я ведь не ошибаюсь? Если я правильно помню, вы выступили от имени магистратского суда.

Гаскуан с улыбкой вытащил коробок спичек:

– О, понимаю. Я – это вчерашние новости. – Он вытряхнул спичку из коробка, уперся ботинком в колено и чиркнул спичкой о подошву.

– Прошу меня простить, – начал было Мади, опасаясь, что обидел собеседника, но Гаскуан покачал головой.

– Вы меня ничем не оскорбили, – промолвил он, прикуривая. – Итак. Вы приезжаете в незнакомый город, и каковы ваши первые действия? Вы находите вчерашнюю газету и прочитываете судебные сводки. Узнаете имена как правонарушителей, так и правоприменителей. Превосходная стратегия.

– Случайно получилось, – скромно отозвался Мади.

Имя Гаскуана было напечатано на третьей странице газеты, под краткой, не длиннее одного абзаца, проповедью, обличающей преступность. Обращению предшествовал список арестов, произведенных в течение последнего месяца. (Все эти имена Мади благополучно позабыл; по правде сказать, Гаскуана он вспомнил только потому, что его бывший преподаватель латыни звался Гаскоэн: знакомая фамилия привлекла его внимание.)

– Пусть так, – отозвался Гаскуан, – но тем не менее, ознакомившись с судебными сводками, вы проникли в самую суть нашего бедствия; эта тема у всех на устах вот уже две недели.

– Мелкие преступники? – нахмурился Мади.

– В частности, один.

– Мне попробовать догадаться? – беспечно осведомился Мади, не дождавшись продолжения.

Гаскуан пожал плечами:

– Это не важно. Я имею в виду одну конкретную шлюху.

Мади изогнул брови. Он попытался вспомнить список арестов... да, кажется, среди имен фигурировало и женское. Интересно, а что в Хокитике полагается говорить по поводу ареста шлюхи? Мгновение он подбирал слова для подходящего ответа, и, к его вящему изумлению, Гаскуан рассмеялся.

– Да я вас просто поддразниваю, – сообщил он. – Зря вы мне это позволяете. Разумеется, ее преступление не фигурировало в списке, но, если читать, призвав на помощь толику воображения, вы все разглядите между строк. Она именует себя Анной Уэдерелл.

– Не уверен, что умею читать с воображением.

Гаскуан вновь рассмеялся, резко выдохнув дым:

– Но вы же барристер, не так ли?

– Только по образованию. В коллегии адвокатов я пока еще не принят.

– Ну так вот, в обращении магистрата всегда содержится скрытый смысл, – пояснил Гаскуан. – «Джентльмены Уэстленда» – вот вам первая подсказка. «Постыдные преступления, свидетельствующие о моральной деградации» – вот вам вторая.

– Понимаю, – отозвался Мади, хотя на самом-то деле ровным счетом ничего не понимал. Глянув через плечо Гаскуана, он заметил, как толстяк подошел к двум китайцам и теперь торопливо царапал что-то для них в записной книжке. – Может статья, женщину обвинили несправедливо? Может статья, именно это и привлекло всеобщее внимание?

– О, да ее в тюрьму не за занятие проституцией упекли, – возразил Гаскуан. – Полиции на это дело плевать! Пока ведешь себя осмотрительно, они на все смотрят сквозь пальцы.

Мади ждал. Манера речи Гаскуана несколько сбивала с толку: говорил он одновременно сдержанно и доверительно. Мади чувствовал: тут надо держать ухо востро. Чиновнику было где-то под тридцать пять. Его светлые волосы уже чуть посеребрились над ушами; он носил светлые, зачесанные в стороны от центра усы. Его костюм из шеврона был пошит точно по фигуре.

– Да что вы, – добавил Гаскуан, помолчав мгновение, – сержант полиции сам заявление сделал на ее счет сразу после заключения под стражу.

– Заключение под стражу? – эхом повторил Мади, чувствуя себя крайне глупо.

Если бы собеседник изъяснялся не столь загадочно и чуть более пространно! Весь его облик дышал утонченностью (рядом с ним Томас Балфур казался туп как дверной косяк), но в утонченности этой ощущалась нота скорби. Он говорил как человек разочарованный, для которого идеал существует лишь в памяти, о нем сожалеют как о невосполнимой утрате.

– Ее судили за попытку покончить с собой, – пояснил Гаскуан. – Есть в этом некая симметрия, вы не находите? Она хотела свести счеты с жизнью – а ее в тюрьму свели.

Мади подумал, что соглашаться как-то неприлично, и в любом случае такой образ мыслей ему не импонировал. Так что он попытался сменить тему:

– А капитан моего корабля – мистер Карвер? Он с этой женщиной, выходит, как-то связан?

– О да, еще как связан, – кивнул Гаскуан. Он глянул на сигарету у себя в руке, внезапно преисполнился к ней отвращения и швырнул в огонь. – Карвер убил собственное дитя.

Мади в ужасе отшатнулся:

– Прошу прощения?

– Доказать, разумеется, ничего невозможно, – мрачно заметил Гаскуан. – Но это просто зверь, а не человек. Вы совершенно правы: от таких лучше держаться подальше.

Мади глядел на него во все глаза, снова не найдясь с ответом.

– У каждого человека есть своя валюта, – добавил Гаскуан спустя мгновение. – Бывает, что золото; бывает, что женщины. Анна Уэдерелл, видите ли, была и тем и другим.

В этот момент с наполненным бокалом вернулся толстяк; он сел, поглядел сперва на Гаскуана, потом на Мади и, по-видимому, смутно осознал, что этикет велит представиться. Он подался вперед и протянул руку:

– Я – Дик Мэннеринг.

– Рад знакомству, – отозвался Мади машинально.

Он совсем запутался. Какая досада, что Гаскуана перебили в самый неподходящий момент; он бы мог подробнее расспросить его про эту шлюху. А теперь возобновлять тему как-то нетактично; в любом случае Гаскуан уселся в кресло поглубже, и лицо его сделалось совершенно непроницаемым. Он снова завертел в руках портсигар.

– Опера «Принц Уэльский» – это, в сущности, я, – добавил Мэннеринг, снова откидываясь к спинке кресла.

– Великолепно, – отозвался Мади.

– Единственный театр в здешнем городишке. – Мэннеринг побарабанил по подлокотнику костяшками пальцев, прикидывая, как бы продолжить.

Мади искоса глянул на Гаскуана, но секретарь суда угрюмо созерцал собственные колени. Было очевидно, что возвращение толстяка его всерьез раздосадовало; было очевидно и то, что он не видит повода скрывать свое недовольство от Мэннеринга, чье лицо, как сконфуженно отметил Мади, приобрело темно-красный оттенок.

– Я весь вечер восхищаюсь вашей цепочкой для часов, – наконец произнес Мади. – Это золото из Хокитики?

– Славная штучка, верно? – откликнулся Мэннеринг, даже не скосив глаза на грудь и не шевельнув пальцем, чтобы дотронуться до предмета восхищения. Он вновь побарабанил по подлокотникам. – Вообще-то, это самородки с Клути. Я был на Каварау, в Данстане и на Клути тоже.

– Боюсь, эти названия мне ничего не говорят, – признался Мади. – Я так полагаю, это все отагские прииски?

Мэннеринг подтвердил, что да, отагские, и принялся распространяться о золотодобывающих предприятиях и ценности отвалных пород.

– Вы тут, выходит, все старатели? – спросил Мади, дослушав до конца, и нарисовал кончиками пальцев в воздухе небольшой кружок, давая понять, что имеет в виду всех собравшихся.

– Ни одного старателя тут нет, кроме разве китайцев, – отозвался Мэннеринг. – Мы, как говорится, маркитанты, хотя большинство из нас начинали на рудниках. На золотых приисках больше всего золота добывается где? В гостиницах. В кабаках. В борделях. Ребята как чего намоют, так сразу же и потратят. Я вам вот чего скажу: лучше начать собственное дело, чем вкалывать в холмах. Добудьте себе лицензию на торговлю спиртным – не прогадаете!

– Должно быть, это мудрый совет, раз вы сами ему последовали, – кивнул Мади.

Мэннеринг откинулся в кресле, очень довольный комплиментом. Да, с приисков он ушел и теперь платит другим, чтобы мыли золото на его участках за процент с добычи; сам он родом из Сассекса; Хокитика, конечно, отменное местечко, вот только девчонок тут маловато для городка такого размера; он любит гармонию во всех ее проявлениях; свой оперный театр он создал по образцу «Аделфи» в Уэст-Энде⁶; он считает, что добрый старый принцип «песни и ужина» всегда актуален; он терпеть не может пабы, а от легкого пива ему делается нехорошо; половодья в Данстане ужасны – просто ужасны; дожди в Хокитике тоже не подарок; он уже говорил и повторит снова, что нет ничего лучше четырехголосной гармонии – голоса переплетаются, точно нити в шелковой ткани.

– Замечательно, – пробормотал Мади.

На протяжении всего этого монолога Гаскуан сидел неподвижно, лишь длинные бледные пальцы двигались с навязчивой ритмичностью. Мэннеринг, в свою очередь, секретаря решительно не замечал, а речь свою обращал к некой точке футов в трех над головой Мади, как если бы и присутствие Мади его не слишком-то занимало.

⁶ «Аделфи» – театр в Уэст-Энде, в западной исторической части Лондона; сначала на его сцене ставились главным образом мелодрамы и музыкальные комедии; сейчас славится постановками мюзиклов.

Наконец драматическое перешептывание на периферии приблизилось к некой развязке, и трескучая болтовня толстяка стихла. Вернулся темноволосый незнакомец и уселся на прежнее место слева от Мади; за ним пришел Балфур с двумя объемистыми порциями бренди. Один бокал он вручил Мади, отмахнувшись от его благодарностей, и присел сам.

– Я должен объясниться, – промолвил он, – по поводу того грубого допроса, которому только что подверг вас, мистер Мади, – не нужно возражать, это так. По правде сказать... по правде сказать... словом, правда заслуживает отдельного рассказа, сэр, и я буду по возможности краток.

– Если вы не возражаете против наших откровений, – добавил Гаскуан с другой стороны от Балфура с деланой вежливостью, что смотрелось довольно-таки неприятно.

Темноволосый незнакомец внезапно выпрямился в кресле и добавил:

– У кого-нибудь из присутствующих есть возражения?

Мади, моргая, оглянулся по сторонам, но все молчали.

Балфур кивнул, выждал еще мгновение, словно присовокупляя собственную предупредительность к учтивости остальных, и заговорил вновь:

– Скажу вам сразу: был убит человек. Этот ваш негодяй – Карвер, я имею в виду; не буду называть его капитаном – вот он и есть убийца, хотя черт меня подери, если я могу объяснить как или почему. Я просто знаю так же ясно, как вижу бокал в вашей руке. Если вы окажете мне честь и выслушаете часть истории этого злодея, тогда вы, возможно... ну, возможно, вы согласитесь нам помочь, при ваших-то обстоятельствах.

– Прошу меня простить, сэр, – отозвался Мади. При упоминании об убийстве сердце его неистово забилося; не исключено, что все это имело-таки некое отношение к призраку на «Добром пути». – И каковы же мои обстоятельства?

– Ваш дорожный сундук все еще на борту барка, он хочет сказать, – пояснил темноволосый незнакомец. – И завтра во второй половине дня вам нужно явиться в таможню.

Балфур, слегка поморщившись, махнул рукой.

– К этому мы еще вернемся, – промолвил он. – Для начала я прошу вас выслушать рассказ до конца.

– Разумеется, я его послушаю, – заверил Мади, ненавязчиво подчеркнув последнее слово: он словно бы предостерегал собеседника, что ожидать или требовать большего не стоит.

По бледному лицу Гаскуана скользнула мимолетная усмешка, но в следующий миг оно вновь помрачнело.

– Безусловно, безусловно, – заверил Балфур, поймав намек. Он отставил бокал с бренди, сцепил пальцы, стильно захрустел костяшками. – Итак, я попытаюсь ознакомить вас, мистер Мади, с причиной, в силу которой мы все здесь собрались.

Юпитер в Стрельце

Глава, в которой обсуждаются преимущества богоугодных заведений; возникают сомнения насчет некой фамилии; Алистер Лодербек расстроен, а владелец судоходной компании вынужден прибегнуть ко лжи.

Повествование Балфура – неизбежно отклонявшееся от темы, поскольку грузоперевозчика то и дело перебивали, и в целом утяжелявшееся лиричным стилем речи – в пересказе оказалось путаным и сумбурным, и лишь несколько часов спустя Мади наконец-то со всей ясностью вник в последовательность событий, спровоцировавших тайный совет в курительной комнате гостиницы. Но надоедливые вставные реплики и околичная манера Балфура не заслуживают полного и подробного занесения в летопись его же собственными словами. Здесь мы удалим все изъясны и авторитарно приведем в порядок сбивчивую хронику блуждающих мыслей Балфура; мы замажем собственной известкой трещины и сколы суетных воспоминаний и возведем заново здание, что в памяти отдельно взятого человека существует лишь в виде живописных развалин.

Мы начнем, заодно с Балфуром, с некой встречи, что имела место в Хокитике.

* * *

Еще до начала уэст-костской золотой лихорадки, когда Хокитика представляла собой не более чем бурое устье реки, впадающей в океан, а золото на ее побережье неярко поблескивало себе, до поры никем не замеченное, Томас Балфур жил в провинции Отаго и вел дела под сенью небольшого, крытого гонтом домика на данидинской набережной, под коленкоровой растяжкой с надписью «Судоперевозки: Балфур и Гарнетт» (с тех пор мистер Гарнетт вышел из совместного предприятия, в котором доля его составляла лишь одну треть; в настоящий момент он, удалившись от дел, вкушал заслуженный отдых в Окленде, подальше от отагских морозов и тумана, что растекался озерцами в долинах в знобкий предрассветный час). Выгодное местоположение компании – здание располагалось в самом центре пристани, с видом на дальние мысы, – обеспечивало высокопоставленную клиентуру, а среди многих заказчиков числился и бывший управляющий Советом провинции⁷ Кентербери, настоящий великан с ручищами как лопаты и репутацией человека твердых убеждений, больших запросов, усердного и ревностного.

Алистер Лодербек – так звали сего государственного мужа – карьеру делал с головокружительной скоростью, ни на миг не сбавляя темпа. Родился он в Лондоне, выучился на адвоката, в 1851 году переехал в Новую Зеландию, задавшись двумя целями: во-первых, составить состояние, во-вторых, удвоить его. Его устремления хорошо вписывались в политическую жизнь, тем более в политическую жизнь молодой страны. Лодербек пошел в гору – и быстро. В юридических кругах им немало восхищались как человеком, который, сосредоточившись на задаче, не успокоится, пока не доведет дело до конца; за столь превосходный характер он был вознагражден местом в Совете провинции Кентербери; ему предложили выставить свою кандидатуру на пост управляющего Советом; он был избран подавляющим числом голосов. Пять лет спустя после того, как он впервые ступил на берег Новой Зеландии, его многочислен-

⁷ С 1852 по 1876 г. в Новой Зеландии существовало шесть провинций как территориально-административных единиц: Окленд, Нью-Плимут, Веллингтон, Нельсон, Кентербери и Отаго. Совет провинции во главе с выборным управляющим осуществлял функции органов местного самоуправления. В 1876 г. провинции были упразднены и заменены на округа, а формой местного самоуправления стали Советы округов.

ные связи распространились и до стаффордского министерства⁸, включая самого премьера. К тому времени, как он впервые постучался в дверь Томаса Балфура, со свежим цветком каувай⁹ в петлице и стоячим воротничком, встопорщенные уголки которого (как подметил Балфур) накрахмалила явно женская рука, никто бы уже не назвал его первопоселенцем. Весь его облик излучал неизменность, и постоянство, и стабильную влияние.

В том, что касается внешности и манеры держаться, Лодербек был не столько красив, сколько внушителен. Его борода, пышная, лопатой, как у Балфура, выступала вперед почти горизонтально, придавая его лицу царственное выражение; под бровями посверкивали темные глаза. Он был очень высок, причем фигура его сужалась кверху, отчего он казался еще выше. Говорил он громко, заявлял о своих устремлениях и мнениях с откровенностью, что могла бы показаться наглостью (собеседнику скептически настроенному) или бесстрашием (всем прочим). Он был слегка туговат на ухо и потому, прислушиваясь, обычно наклонял голову и слегка горбился, создавая впечатление, столь полезное в политике, что внимает он вам сосредоточенно и вместе с тем благосклонно.

При первом же знакомстве Лодербек понравился Балфуру энергичной и уверенной манерой изъясняться. Его увлечения, как он не преминул сообщить Балфуру, политической сферой не ограничивались. Он был еще и судовладельцем, с мальчишеских лет храня в душе пылкую любовь к морю. Всего ему принадлежало четыре корабля: два клипера, шхуна и барк. Два судна нуждались в капитане. До сих пор Лодербек сдавал их в аренду на чартерной основе, но степень риска при таком положении дел была весьма высока, и он предпочел бы сдать корабли внаем какой-нибудь основательной судоходной компании, которая могла бы себе позволить разумный тариф страховой премии. Он отбарабанил названия кораблей на память, как отец перечисляет детей: клиперы «Добродетель» и «Южная Корона», шхуна «Королева бала» и барк «Добрый путь».

Так случилось, что компания «Балфур и Гарнетт» в тот момент испытывала острую нужду в клипере, размеры и возможности которого в точности соответствовали описанию Лодербека. От второго предложенного судна Балфур отказался: барк «Добрый путь» был слишком мал для его целей, но вот «Добродетель», по итогам осмотра и испытания, сможет благополучно совершать ежемесячные рейсы между Порт-Чалмерсом и Порт-Филлипом. Да, отвечал он Лодербеку, он найдет капитана для «Добродетели». Он приобретет страховку с хорошим тарифом и возьмет корабль в ежегодно возобновляемую аренду.

По годам Лодербек приходился Балфуру ровесником, и, однако ж, с самой первой встречи последний считался с ним, почти как сын – с авторитетом отца, – возможно, не без толики тщеславия, ведь те черты в характере Лодербека, которыми Балфур более всего восхищался, он тщательно взращивал в себе самом. Между ними возникло что-то вроде дружбы (слишком, правда, восторженной со стороны Балфура, чтобы перерасти в отношения тесные и близкие), и на протяжении последующих двух лет «Добродетель» беспрепятственно курсировала между Данидином и Мельбурном. К условию страхования, досконально продуманному и тщательно сформулированному, впредь ни разу не обращались.

В январе 1865 года Роберт Гарнетт заявил о своем намерении отойти от дел, продал свою долю партнеру и перебрался на север, где климат помягче. Балфур, сентиментальности, как всегда, чуждый, тотчас же отказался от недвижимости в центральной части гавани. Отагский бум шел на спад, и Балфур это знал. Долины уже изрыли вдоль и поперек, золотоносные россыпи рек скоро иссякнут. Он отплыл на побережье, приобрел голый участок земли в устье реки Хокитика, поставил палатку и принялся строить склад. Компания «Балфур и Гарнетт»

⁸ Эдвард Уильям Стаффорд (Edward William Stafford, 1819–1901) – выдающийся государственный деятель Новой Зеландии, трижды избирался на пост премьера (премьер-министра).

⁹ *Каувай* – распространенное новозеландское дерево с красивыми желтыми цветами в форме колокольчиков; этот цветок считается одним из национальных символов Новой Зеландии.

превратилась в компанию «Судоперевозки Балфура», Балфур купил вышитый жилет и шляпу-котелок, и вокруг него начал постепенно расти город Хокитика.

Когда спустя несколько месяцев барк «Добрый путь» встал на рейде у Хокитики, Балфур вспомнил название судна и опознал в нем собственность Алистера Лодербека. Из вежливости он представился капитану корабля Фрэнсису Карверу и с этого момента общался с ним вполне учтиво – номинально их связывало наличие общего знакомого, хотя Балфуру мистер Карвер показался сущим бандитом, и грузоперевозчик мысленно навесил на него ярлык мошенника. Это мнение не содержало в себе ни малейшего оттенка горечи. Балфур не испытывал благоговения перед силой воли – кроме как того типа, что демонстрировал Лодербек, перед этим притягательным сплавом личного обаяния и какой-то магии, – а проникнуться теплыми чувствами к негодяю он никак не мог. Слухи, что следовали за мистером Карвером по пятам, его не пугали, но и струну мальчишеского восхищения в душе не затрагивали. Карвер его просто-напросто не интересовал, и Балфур без лишних усилий взял и выбросил его из головы.

В конце 1865 года Балфур прочел в газете, что Алистер Лодербек собирается баллотироваться в парламент от округа Уэстленд. Несколькоими неделями позже грузоперевозчик получил от него письмо с новой просьбой о содействии. Лодербек писал, что в ходе кампании по завоеванию Уэстленда ему хотелось бы предстать жителем этого округа. Он просил Балфура снять ему временное жилье в самом центре Хокитики, обставить комнаты подобающим образом и обеспечить перевозку дорожного сундука с личными вещами: с книгами по юриспруденции, бумагами и тому подобным – всем, что для него принципиально важно в ходе избирательной кампании. Все пункты повестки дня были расписаны размашистым, цветистым почерком человека, который может себе позволить тратить чернила на причудливые завитушки. (При этой мысли Балфур улыбнулся: он любил прощать Лодербеку его разнообразные причуды.) Но сам Лодербек прибудет не на корабле. Вместо этого он приедет по суше, верхом преодолее горы и торжественно явится в нижней части долины Арахуры. Он предстанет перед избирателями не изнеженным политиком, который путешествует со всеми удобствами в каюте первого класса, но человеком из народа, измученным многочасовой скачкой, забрызганным грязью, – работягой, что трудится в поте лица своего.

Балфур дословно выполнил все распоряжения. Он снял для Лодербека апартаменты с видом на береговую линию Хокитики и зарегистрировал его имя во всех клубах, рекламировавших крэпс и американскую игру в шары. В местном универсальном магазине он заказал груши, рассольный сыр и засахаренный ямайский имбирь; заручился услугами парикмахера; абонировал ложу в оперном театре на февраль и март. Он сообщил редактору «Уэст-Кост таймс» о том, что Лодербек совершит переезд от Кентербери через альпийский перевал¹⁰, и подсказал, что сочувственное упоминание об этом отважном дерзании превосходно зарекомендует газету в глазах будущей администрации Лодербека, если он победит на выборах и войдет в парламент представителем Уэстленда, а скорее всего, так и будет. Затем Балфур отослал письмо в Порт-Чалмерс с указаниями капитану «Добродетели» забрать дорожный сундук Лодербека, как только его пришлют из Литтелтона¹¹, и переправить его в Хокитику на клипере следующим же рейсом до побережья. Покончив со всеми этими делами, Балфур взял бутылку крепкого пива в гостинице «Гридирон», улегся, задрал ноги, и осушил ее до дна, размышляя, что политика ему все-таки нравится – и речи, и избирательная кампания, – да, пожалуй, все это ему весьма по душе.

Но волею судеб прибытие Алистера Лодербека в Хокитику не сопровождалось фанфарами, как политик задумывал, излагая свои планы в письме к Балфуру. Его переход через Альпы в самом деле привлек внимание старателей побережья, имя его действительно пропе-

¹⁰ Южные Альпы – общее название горной цепи вдоль западного побережья Южного острова.

¹¹ Литтелтон – небольшой город-порт в Новой Зеландии на восточном побережье Южного острова, в одноименной бухте.

чатали на видном месте в каждой газете и в каждом бюллетене города, но в силу нескольких причин, нежели он рассчитывал изначально.

История, записанная дежурным полицейским и опубликованная следующим же утром в «Уэст-Кост таймс», сводилась к следующему. До пункта назначения оставалось уже каких-нибудь два часа езды, когда Лодербек и его помощники повстречали на пути отшельническую хижину. Со времени их последней трапезы минуло много часов, и близилась ночь; так что отряд спешился, намереваясь попросить о фляге с водой и (если хозяин хижины будет так любезен) о горячем ужине. Путники постучались; ответа не последовало, но судя по свету лампы и дыму над трубой – в хижине явно кто-то был. Дверь оказалась не заперта; Лодербек вошел. Владелец хижины сидел, завалившись на кухонный стол; он был мертв – причем умер он так недавно, рассказывал Лодербек сержанту, что чайник на плите еще не выкипел. По-видимому, отшельник упился до смерти. Одна его рука все еще обнимала почти пустую бутылку с чем-то спиртным, что стояла на столе напротив него; в комнате висел тяжелый дух алкогольных паров. Лодербек признал, что трое путников подкрепились-таки чаем и пресной лепешкой с плиты, прежде чем ехать дальше. Задержались они не дольше чем на полчаса: находиться в одной комнате с мертвецом не слишком-то уютно, хотя, по счастью, голову он уронил на руки, а глаза были закрыты.

На окраинах Хокитики маленький отряд столкнулся с новой задержкой. Уже в виду города они натолкнулись на бесчувственное тело: какая-то женщина лежала посреди улицы без сознания, промокшая насквозь. Жизнь в ней едва теплилась. Лодербек предположил, что ее чем-то опоили, но никакого внятного ответа от нее не добился, кроме стога. Он послал помощников за дежурным полицейским, вытащил несчастную из грязи и, дожидаясь возвращения своих спутников, размышлял о том, что начало его избирательной кампании положено довольно мрачное. Первые три знакомства, что он сведет в городе, будут судья, коронер и редактор «Уэст-Кост таймс». В течение двух недель после злополучного прибытия Лодербека избирательная кампания не вызвала в Хокитике никакого интереса, – по-видимому, рядом с такими событиями, как смерть отшельника и злоключения шлюхи (как вскорости выяснилось, именно такова была профессия женщины, найденной на дороге), парламентские выборы вообще не котировались. О переходе Лодербека через горы в газете «Уэст-Кост таймс» упоминалось в двух словах, зато рассказу Лодербека о том, как он обнаружил тело, отвели целых два столбца. Лодербек оставался невозмутим. Он ожидал выборов с той же хладнокровной неприужденностью, с какой встречал все удары судьбы и все ее подарки. Он твердо вознамерился победить, а значит, так оно и будет.

Утром того дня, когда Уолтер Мади прибыл в Хокитику, – тем самым утром, с которого мы начинаем историю Балфура, – грузоперевозчик сидел со своим давним приятелем в обеденном зале гостиницы «Резиденция», рассуждая о корабельной оснастке. Лодербек был в суконном костюме светлого желтовато-коричневого оттенка, а такому цвету влага на пользу не идет. Брызги дождя на его плечах еще не просохли, так что казалось, будто пиджак украшен эполетами; отвороты потемнели и заворсились. Но Лодербек был не из тех, в чьем случае мелкий изъян в одежде сказывается на общем впечатлении, скорее уж наоборот: во влажном костюме он смотрелся еще эффектнее. Руки он оттер с утра самым настоящим мылом, волосы умастил маслом; его кожаные гетры сияли, как начищенная медь; в петлице торчало какое-то местное растение – бледный, собранный в гроздь цветок, названия которому Балфур не знал. Недавний переезд через Южные Альпы окрасил щеки политика здоровым румянцем. В целом выглядел он превосходно.

Балфур смотрел на приятеля через стол, слушая лишь вполуха, как тот с жаром излагает свои доводы в защиту линейных кораблей: выставив ладони как грот и бизань, а солонка меж тем изображает фок-мачту. В любое другое время Балфур с головой погрузился бы в эту увлекательную дискуссию, но сейчас в лице грузоперевозчика читались сосредоточенность и

тревога. Он постукивал бокалом о стол, он ерзал на стуле и каждые несколько минут резко дергал себя за нос. Ибо он знал, что весь этот разговор о кораблях очень скоро свернет на тему «Добродетели» и того ценного груза, что корабль должен был доставить на побережье.

Упаковочный ящик с дорожным сундуком Алистера Лодербека прибыл в Хокитику утром 12 января, двумя днями раньше его самого. Балфур лично проследил за тем, чтобы все таможенные формальности были улажены, и отдал распоряжения доставить груз с причала на его склад. Казалось бы, распоряжения эти были выполнены. Но волею злого случая (тем более злого, что Балфур питал к Лодербеку столь большое уважение) упаковочный ящик исчез бесследно.

Обнаружив недостачу, Балфур пришел в ужас. Он лично занялся поисками: обошел всю набережную из конца в конец, справляясь о пропаже у каждой двери и записывая показания каждого грузчика, носильщика, матроса и таможенного чиновника, – но все труды его ни к чему не привели. Ящик как сквозь землю провалился.

Лодербек и двух ночей подряд не провел в своих апартаментах на верхнем этаже гостиницы «Резиденция». В течение последних двух недель он разъезжал по лагерям и поселкам вдоль всего побережья, знакомясь с людьми: этот предвыборный тур завершился только нынче утром. Будучи крайне занят и полагая, что «Добродетель» еще не прибыла из Данидина, он до сих пор не спрашивал про свой багаж, но Балфур знал, что вопрос вот-вот прозвучит, а как только это произойдет, он будет вынужден открыть правду. Он отхлебнул вина.

На столе между собеседниками громоздились остатки «перекуса» – этим словом Лодербек называл любую трапезу и любое блюдо, употребленное в неурочный час дня или ночи. Сам он наелся до отвала и уговаривал Балфура последовать его примеру, но грузоперевозчик снова и снова отклонял приглашение – ему кусок в горло не шел, в особенности же маринованный лук и жареная ягнячья печенка: от запаха этих двух блюд язык у него просто в трубочку сворачивался.

В качестве уступки приглашающей стороне, за чей счет он, собственно, обедал, он выпил целый кувшин вина и в придачу кружку пива – пьяным, как известно, море по колено, да только спиртное нимало не прибавило ему храбрости, зато накатила тошнота.

– Ну, еще кусочек печеночки, – предлагал Лодербек.

– Очень вкусно, – пробормотал Балфур. – Прямо во рту тает... но я уже наелся... моя комплекция не позволяет... уже наелся, благодарю вас.

– Это ж кентерберийская ягнятинка, – нахваливал Лодербек.

– Кентерберийская... да... превосходно!

– Икорка нагорий, Том!

– Благодарю вас, я уже сыт.

Лодербек на миг задержал взгляд на печенке.

– А ведь я бы мог сам пригнать стадо, – заметил он, меняя тему. – Вверх в горы и через перевал. Пять фунтов за голову, десять фунтов за голову... да я бы на этих продажах целое состояние составил! Сказали бы раньше, что в этом городе все мясо либо копченое, либо соловина, я б привел обедов на месяц! Мне б пару псов, я бы играючи справился.

– Да нет, это вам не в игрушки играть, – возразил Балфур.

– Уж я бы неплохой куш сорвал.

– Сбросьте со счета тех овец, что свернули себе шею на речных порогах, – фыркнул Балфур, – и тех, что потерялись, и тех, что уперлись и вперед идти не хотят. Да вы бы их часами пересчитывали, проклиная все на свете, да сгоняли вместе, да разыскивали по всем кустам. Благодарю покорно!

– Риск – благородное дело, – пожал плечами политик, – а путешествие и без того выдалось препаршивое. Уж хотя бы деньжат подзаработал по прибытии. Господь свидетель, меня бы, глядишь, радушнее встретили.

– Может, лучше коровы, – подсказал Балфур. – Коровье стадо куда послушнее.

– Лакомый кусочек по-прежнему вакантен, – напомнил Лодербек, пододвигая тарелку с печенкой к собеседнику.

– Никак не могу, – покачал головой Балфур. – Уже не лезет.

– Тогда ты забирай все, что осталось, Джок, старина, – обернулся Лодербек к помощнику. (Своих спутников он называл просто по имени, поскольку оба они носили одну и ту же фамилию Смит. Однако имена их отличались забавной асимметрией: один звался Джок, второй – Огастес.) – Заткни рот луковкой, и нам не придется больше слушать ерунду насчет этих твоих пропащих бригантин – так, Том? Заткнуть ему рот? – И Лодербек с улыбкой оборотился к Балфуру.

Балфур в очередной раз потянул себя за нос. Как это похоже на Лодербека, подумал он: этот человек заставляет согласиться с ним по самому пустячному поводу; требует единодушия там, где единодушие вообще неуместно, – и не успеешь оглянуться, как ты уже на его стороне и всю за него агитируешь.

– Луковкой, да, – кивнул Балфур и, уводя разговор от корабельной темы, заметил: – Во вчерашнем «Таймс» упоминалось про эту вашу девчонку на дороге.

– Никакая она не моя! – возразил Лодербек. – Да и ссылка – не ссылка, одно название!

– Автору нахальства не занимать, – продолжал Балфур. – Почитаешь его, так выходит, что весь город заслуживает порицания из-за этой девки... как будто все вокруг виноваты.

– А кто к нему прислушается? – презрительно отмахнулся Лодербек. – Никчемный писака, жалкий клерк провинциального суда, которому на любимую мозоль наступили!

(Клерком, о котором Лодербек отзывался столь пренебрежительно, был, конечно же, Обер Гаскуан, чья краткая проповедь в «Уэст-Кост таймс» десятью часами спустя привлечет внимание Уолтера Мади.)

Балфур покачал головой:

– Он выставляет дело так, словно это *наша* ошибка – коллективная, так сказать. Словно мы *все* должны были вовремя одуматься и принять меры.

– Жалкий клерк, – повторил Лодербек. – Целыми днями напролет выписывает чеки на чужое имя. У таких обо всем на свете есть свое мнение, да только кому оно интересно-то?

– И все-таки...

– И все-таки ничего. Упоминание пустяковое, аргументация смехотворна; даже говорить не о чем. – Лодербек забарабанил костяшками пальцев по столу, как судья постукивает молотком, давая понять, что терпение его на исходе.

Балфур, отчаянно пытаясь помешать разговору вернуться к прежней теме, заговорил снова, опережая политика:

– Но вы с ней виделись?

– С кем – с той девчонкой, подобранной на дороге? – нахмурился Лодербек. – Со шлюхой-то? Нет, конечно; с того вечера – ни разу. Хотя я слышал, она вроде оклемалась. Вы полаете, мне стоит ее провести? Вы ведь поэтому спросили?

– Нет, что вы, – покачал головой Балфур.

– Человек моего положения не может себе позволить...

– Конечно не может – ни в каком случае...

– Что, по-видимому, возвращает нас к пресловутой проповеди, – промолвил Лодербек на сей раз непривычно задумчивым тоном. – Именно об этом и вел речь наш клерк. До тех пор, пока не будут приняты определенные меры – пока не понастроят разных там богоугодных заведений, монастырей, домов призрения и так далее, – с кого спрашивать за такого рода ситуацию? Кто отвечает за такую вот девицу – которая одна как перст в целом свете – в таком вот месте?

Вопрос задумывался как риторический, но Балфур, стремясь поддержать разговор, с ответом не замедлил:

– Да никто не отвечает.

– Никто, вот как! – Лодербек удивленно изогнул брови. – Где ж ваш христианский дух?

– Анна попыталась свести счеты с жизнью – покончить с собой, знаете ли! Никто не несет за это ответственности, кроме нее самой.

– Вы называете ее Анной! – укоризненно отозвался Лодербек. – Вы с ней, выходит, на «ты»; я бы предположил, что в таком случае доля ответственности за нее приходится и на вас!

– Называть кого-то по имени еще не значит снабжать ее опиумом!

– Вы бы захлопнули перед нею дверь, потому что она опиумозависима?

– Я ни перед кем дверей не захлопываю. Если бы я нашел ее на дороге, то поступил бы в точности как вы. Совершенно так же.

– То есть спасли бы ей жизнь?

– То есть сдал бы ее полиции!

Лодербек нетерпеливо отмахнулся от уточнения.

– А что потом? – не отступался он. – Ночь в тюрьме, а потом? Кто защитит ее, когда она снова возьмется за свою трубку?

– Никто не может защитить человека от него самого – от его собственной руки, знаете ли! – досадливо парировал Балфур.

Ему такого рода дискуссии никогда не нравились; право же, они не намного лучше обсуждения сравнительных достоинств прямого и смешанного парусного вооружения. (Но с другой стороны, за прошедшие две недели Лодербек показал себя собеседником не из лучших: по тону – сущий деспот, то уклончив, то требователен. Балфур списывал это на расшатавшиеся нервы.)

– Духовное утешение – вот что он имеет в виду, – духовную поддержку, – встрял Джок Смит, пытаясь быть полезным, но Лодербек, вскинув ладонь, заставил его умолкнуть.

– Забудем про самоубийство – это отдельная тема, причем не из приятных, – промолвил он. – Но кто мог бы дать ей шанс, Томас? Вот в чем вопрос. Кто дал бы этой несчастной девушке возможность попробовать начать другую жизнь?

Балфур пожал плечами:

– Так уж вышло, что некоторым выпадают плохие карты. Но глупо рассчитывать, что совесть заставит человека жить той жизнью, которая по душе вам. Обычно обходишься тем, что есть: пытаешься удержаться на плаву.

Этим замечанием грузоперевозчик продемонстрировал свою чуждую милосердию предвзятость, что утяжеленным противовесом скрывалась за внешней живой, искрометной снисходительностью: ведь, как большинство предприимчивых натур, он своими свободами весьма дорожил и от других ждал того же.

Лодербек откинулся к спинке стула и оценивающе поглядел на Балфура сверху вниз.

– Она шлюха, – подвел итог Лодербек. – Это вы хотите сказать, так? Она всего-навсего шлюха.

– Не поймите меня превратно: я ничего против шлюх не имею, – возразил Балфур. – Зато не слишком люблю богоугодные заведения, равно как и монастыри. Унылые это места.

– Да вы меня никак нарочно подначиваете! – воскликнул Лодербек. – Благосостояние – вот показатель цивилизации, воистину лучший из всех показателей! Если мы хотим цивилизовать этот город, если мы хотим прокладывать дороги и строить мосты, если мы хотим закладывать основы будущего этой страны...

– Тогда неплохо бы дать нашим строителям дорог и мостов кой-чего для сугрева в постели ночами, – докончил за него Балфур. – Лопатить гравий – работенка не из легких!

Джок и Огастес рассмеялись, но Лодербек даже не улыбнулся:

– Шлюха – это морально-этическая проблема, Томас; давайте называть вещи своими именами. Тот, кто поставлен стражем на границе, обязан служить образцом! – (Это была прямая цитата из его недавнего предвыборного выступления.) – Шлюха – это морально-этическая проблема, и точка! Сточная канава для честно нажитого богатства!

– А ваше средство, – парировал Балфур, – хорошая дренажная труба для честно нажитого богатства, да богатство-то все равно утекает, а деньги – это деньги. Бросьте вы насчет богоугодных заведений, и давайте не будем постригать наших девчонок в монашки! Чертовски глупая затея, тем более что их тут явная недостача!

– И девчонок недостача, и с девчонками незадача, – фыркнул Лодербек.

– Ответственность за шлюх, скажете тоже! – воскликнул Балфур. – Чего доброго, они себе потребуют места в парламенте!

Огастес Смит отпустил скабресную шутку, все расхохотались.

Когда же смех поутих, Лодербек объявил:

– Давайте оставим эту тему. Мы тот день обсудили со всех сторон и во всех аспектах, и я, честно говоря, подустал. – Широким жестом он дал понять, что не прочь вернуться к предстоящему разговору. – Касательно корабельной оснастки. Я стою на том, что наше видение преимуществ зависит исключительно от того, с какой стороны посмотреть. Джок говорит с точки зрения бывшего морского волка, я – с точки зрения судовладельца и джентльмена. Я мысленно вижу план парусности; он видит деготь, паклю и ветер.

Джок Смит откликнулся на подначку привычно, но вполне добродушно, и спор возобновился.

В душе Томаса Балфура вновь всколыхнулось раздражение. Он так славно сострил на тему богоугодных заведений – Лодербек похвалил его отповедь! – и он был бы не прочь продолжать этот разговор в надежде снова блеснуть остроумием. А по поводу корабельной оснастки и ее преимуществ он явно ничего пикантного не скажет, равно как и Джок с Огастесом, равно как и сам Лодербек, угрюмо думал он. Но в обычае Лодербека было начинать и заканчивать диалог по собственной прихоти, перескакивая с одного предмета на другой только потому, что от какого-то вопроса он устал, или потому, что собеседник взял верх. За это утро политик трижды воспротивился смене темы, упрямо возвращаясь к трескучей болтовне о кораблях. Всякий раз, как Балфур заговаривал о местных новостях, политик заявлял, что ему до смерти надоели пустопорожние рассуждения об отшельнике и шлюхе, когда на самом-то деле, досадливо думал Балфур, ни одно из этих событий они так и не обсудили в подробностях и уж никоим образом – со всех сторон и во всех аспектах.

Эти внутренние переживания следовали определенному сценарию, пусть сам Балфур и не отдавал себе в этом отчета. Балфур так восхищался Лодербеком, что предпочитал скорее принижать себя, нежели критиковать своего кумира, даже в мыслях, когда эти двое расходились во мнениях; но на самоуменьшение всегда хочется возразить, а когда возражений не находится, накатывает раздраженная обидчивость. В течение последних двух недель Балфур не заговаривал о злополучной встрече Лодербека с покойником, этим Кросби Уэллсом, хотя обстоятельства смерти отшельника будили в нем немалое любопытство; и он ни словом не упомянул Анну Уэдерелл, девицу легкого поведения, найденную на дороге. Он вел себя совершенно пожеланиям Лодербека и ждал, что Лодербек отблагодарит его той же монетой, однако на такое внимание к чувствам ближнего Лодербек способен не был, и до поры этого не произошло. Но Балфур не замечал этого недостатка в своем кумире, он просто ждал, сгорая от нетерпения, и начинал уже дуться.

(Мы примирительно добавим, что дулся он несерьезно, и одного доброго слова от Лодербека хватило бы, чтобы вновь привести его в доброе расположение духа.)

Балфур слегка отодвинулся от стола, с детской демонстративностью выставя напоказ свое недовольство, и обвел глазами помещение.

Обеденный зал был почти пуст, учитывая неурочный час трапезы; сквозь раздаточное окошко Балфур видел, что повар снял передник и, положив локти на стол, сидит раскладывает пасьянс. Перед очагом, посасывая полоску вяленого мяса, устроился большеухий парень. Его, по-видимому, поставили там приглядывать за утюгами, что грелись на решетке над угольями, потому что каждые полминуты или около того он, послунив палец, подносил его к подставке, проверяя, горячо ли. За ближайшим столиком сидел священник – веснушчатый, нескладный, с курносом носом и отвисшей нижней губой, точно у слабоумного ребенка. Он уже позавтракал в одиночестве и теперь попивал кофе и почитывал какую-то брошюру, по-видимому репетируя проповедь на завтра, подумал Балфур, – читая, преподобный медленно кивал, словно отсчитывая ритм своего безмолвного выступления.

Большеухий парень в очередной раз послунил палец и дотронулся до утюга; священник перелистнул страницу; повар подровнял карту точно по краю колоды для рубки мяса; Балфур вертел в руках вилку. Наконец Лодербек сделал паузу в своей обличительной речи, чтобы пригубить вина, и Балфур не упустил возможности вставить слово.

– А говоря о барках, – промолвил он (до сих пор речь шла о бригантинах), – я за последний год частенько видел ваш «Добрый путь» по эту сторону отмели. «Добрый путь» – это ведь ваше судно, не так ли?

К вящему удивлению Балфура, эта реплика была встречена гробовым молчанием. Лодербек лишь наклонил голову, словно собеседник поставил перед ним серьезнейшую философскую проблему и ему хотелось поразмыслить над нею в одиночестве.

– Оснастка у него первоклассная, – похвалил Балфур. – Просто залюбуешься!

Помощники переглянулись.

– И это, безусловно, лишний раз подтверждает наш с вами довод, мистер Л., – промолвил Огастес Смит, нарушив наконец заколдованную тишину. – Даже барк маневреннее бригантины: половины команды хватает за глаза и суетни в два раза меньше. Не будет же он этого отрицать!

– Да, – отозвался Лодербек, словно очнувшись. И обернулся к Джоку. – Не будете же вы этого отрицать?

Джок усмехнулся с набитым ртом:

– Буду. У вас команда в два раза меньше, зато у меня – вполовину меньше снастей, так где, по-вашему, больше суетни? По мне, так ходкость куда важнее маневренности.

– Как насчет компромисса? – предложил Огастес. – Возьмем баркентину.

Джок покачал головой:

– Я уже говорил и повторю снова: из трех мачт одна точно лишняя.

– Зато скорость побольше, чем у барка. – Огастес тронул Лодербека за локоть. – Как насчет вашего «Полета фантазии»? У него ж косые паруса на грот-мачте, так?

Интуиция не подсказала Балфуру, что помощники стараются увести разговор от предложенной им темы; он подумал, что, вероятно, политик просто недослышал. Балфур возвысил голос и попытался снова:

– Так вот, я все о вашем «Добром пути». Этот барк здесь регулярно ходит. Оснастка, говорю, первоклассная. Я его частенько по эту сторону отмели вижу. Сдается мне, он и ходкий, и маневренный. Вот честное слово, кораблик что надо!

Алистер Лодербек вздохнул. Запрокинул голову, сощурился, глядя на балки; на губах его блуждала глупая улыбка – улыбка человека, к конфузу не привыкшего, позже понял Балфур. (Никогда прежде, вплоть до этого утра, ему не доводилось слышать, чтобы Лодербек признавался в какой-либо слабости.)

Наконец Лодербек проговорил, по-прежнему шурясь на потолок:

– Этот барк более не принадлежит мне. – Голос его звучал вымученно, словно из-за улыбки несколько истончился.

– Вот оно что! – подивился Балфур. – Махнулись никак – обменяли на посудину побольше?

– Нет, я его продал. Раз и навсегда.

– За золото?

Лодербек помолчал минуту и затем произнес:

– Да.

– Вот оно что! – повторил Балфур. – Вот просто взяли и продали. А покупатель кто?

– Капитан корабля.

– Ого-о! – весело выдохнул Балфур. – Здесь я вам не завидую. Про этого типа тут у нас разное рассказывают.

Лодербек не ответил ни слова. По-прежнему улыбаясь, он внимательно изучал оголенные балки потолка и зазоры между половицами этажом выше.

– Да уж, – повторил Балфур, откинувшись назад и заложив большие пальцы за отвороты пиджака. – Тут про него разное рассказывают. Фрэнсис Карвер! Вот уж кому не хотел бы я встать поперек дороги.

Лодербек изумленно воззрился на собеседника.

– Карвер? – повторил он, нахмурившись. – Вы хотите сказать Уэллс.

– Капитан «Доброго пути»?

– Ну да – разве что он перепродал судно.

– Дюжий такой здоровяк – темные брови, темные волосы, и нос сломан.

– Верно, – кивнул Лодербек. – Фрэнсис Уэллс.

– Не хочу с вами спорить, – заморгал Балфур. – Но этого человека зовут Карвер. Возможно, вы его путаете с тем парнем, который...

– Нет, – отрезал Лодербек.

– С отшельником...

– Нет.

– Ну, покойник наш – тот самый тип, которого вы обнаружили мертвым две недели назад, – не отступался Балфур. – Его звали Уэллс, видите ли. Кросби Уэллс.

– Нет, – в третий раз повторил Лодербек, чуть повышая голос. – Я ничего не путаю. Когда я подписывал договор о продаже, в документах фигурировало имя Уэллс. Всегда и везде – Уэллс.

Собеседники недоуменно глядели друг на друга.

– Ничего не понимаю, – произнес наконец Балфур. – И от души надеюсь, что вас не надули. Странное совпадение, не правда ли? Фрэнк Уэллс и Кросби Уэллс.

Лодербек замаялся.

– Не то чтобы совпадение, – осторожно проговорил он. – Я так понимаю, они братья.

– Кросби Уэллс и Фрэнк Карвер – братья? – расхохотался Балфур. – Даже вообразить такого не могу! Разве что через брак.

Лодербек вновь глупо заулыбался и принялся тыкать пальцем в какую-то крошку.

– Да кто вам такое сказал? – спросил Балфур, так и не дождавшись ответа.

– Право, не знаю, – отозвался Лодербек.

– Или Карвер упомянул что-то подобное, подписывая бумаги?

– Может, и так.

– Да уж! Ну, если вы так утверждаете... но, глядя на них, вот ни за что бы не поверил! – промолвил Балфур. – Один – высокий, внушительный, второй – недоросток никчемный, жалкий бродяга и мот!

Лодербек вздрогнул; пальцы его непроизвольно дернулись и сжались, словно ухватив добычу.

– Кросби Уэллс был бродягой и мотом?

– Ну вы же его видели тогда, в хижине, – махнул рукой Балфур.

– Я видел его мертвым, но не при жизни, – возразил Лодербек. – Странное дело: никогда не знаешь, как человек выглядит на самом деле; это ведь душа вдыхает в нас жизнь.

– О, – отозвался Балфур. И принялся обдумывать эту мысль.

– Мертвец выглядит сотворенным, – продолжал Лодербек. – Так статуя – творение рук человеческих. Ты смотришь на безжизненное тело, дивясь мастерству замысла, и поневоле задумываешься о мастере. Кожа – такая гладкая, такая прозрачная. Как воск, как мрамор – и все-таки не совсем такая; она не задерживает в себе свет, в отличие от восковой фигуры, и не отражает его, как камень. Матированная, как скажет художник. Без глянца. – Внезапно Лодербек отчаянно смутился. И выкрутился из положения, грубовато спросив: – А вот вы когда-нибудь видели свежего покойничка?

Балфур попытался свести все к шутке («Опасный вопрос, на золотых-то приисках!»), но политик ждал ответа, и в конце концов Балфур вынужден был признать, что свежих покойников не видел.

– «Видел покойника» – не совсем та формулировка, – добавил словно про себя Лодербек. – Надо было сказать: «Доводилось ли вам засвидетельствовать факт смерти?»

– Джок тронул его за шею, верно, Джок? – вмешался Огастес Смит.

– Эге, – подтвердил тот.

– Как только мы вошли, – уточнил Огастес.

– Разбудить его хотел, – объяснил Джок. – Не знал, что он уже концы отдал. Думал, просто спит. Но вот в чем штука-то: воротник был влажным. От пота то есть – пот еще не просох. Мы прикинули, он не далее как полчаса назад помер.

Он хотел было продолжить, но Лодербек, резко дернув подбородком, заставил его умолкнуть.

– Ничего не понимаю! – недоумевал Балфур. – Подписывался как Уэллс – надо же!

– Мы, должно быть, разных людей имеем в виду, – отозвался Лодербек.

– У Карвера на щеке шрам, вот тут. Белый и по форме вроде... вроде серпа.

Лодербек поджал губы, покачал головой:

– Шрама не помню.

– Но он темноволосый? Крепко сложен? С виду – грубая скотина?

– Да.

– Ничего не понимаю! – повторил Балфур. – Зачем бы человеку менять фамилию? Да еще эти братья!.. Фрэнк Карвер – и Кросби Уэллс!

Усы Лодербека зашевелились, как если бы он жевал нижнюю губу.

– Вы его знали? – осведомился он уже совсем другим голосом.

– Кросби Уэллса? Вовсе нет, – отозвался Балфур. Он откинулся на стуле, радуясь прямому вопросу. – Он строил лесопилку – далеко, на Арахуре; ну да вы ж видели хижину; вы там сами были. Он через меня грузы возил – оборудование, все такое прочее, – так что в лицо-то я его знал. Да покоится он с миром. У него в напарниках был туземец-маори. Они лесопилкой вместе занимались.

– Ну и как он вам – что за человек-то?

– В смысле, какой именно человек?

– Ну да, какого сорта? – Рука Лодербека вновь дернулась. Вспыхнув, он переформулировал вопрос: – Я хочу сказать, как он вам показался?

– Жаловаться не на что, – пожал плечами Балфур. – Занимался своим делом, в чужие не лез. По выговору вроде бы уроженец Лондона. – Он помолчал, затем заговорщицки наклонился вперед. – Конечно же, теперь, когда он умер, о нем чего только не рассказывают.

И вновь Лодербек не ответил ни словом. Как-то странно он себя ведет, отметил Балфур: красный от смущения и все больше отмалчивается. Он словно бы хотел услышать от Балфура

ответ на какой-то конкретный вопрос – и одновременно заставить его замолчать. Оба помощника, по-видимому, интерес к разговору утратили: Джок возил по тарелке кусок печенки, а Огастес, отвернувшись, наблюдал, как в окна хлещет дождь.

Балфур искоса следил за ними. Эти двое вращались вокруг Лодербек точно спутники вокруг планеты. Они спали в его комнате, подложив под голову по диванному валику, неотлучно следовали за ним повсюду и всегда говорили и действовали заодно, словно делили на двоих одну личность в придачу к имени. До сего дня Балфур считал их очень славными ребятами, компанейскими и понятливыми; он полагал, что их преданность Лодербеку весьма похвальна, пусть даже их вечное присутствие порою действовало ему на нервы. Но теперь? Он переводил взгляд с одного на другого и понимал, что уже не столь в этом уверен.

Лодербек почти ничего не рассказывал Балфуру о последнем этапе своего путешествия через Альпы двумя неделями раньше. Все, что Балфур знал о его ночном прибытии в Хоки-тику, он почерпнул главным образом из «Уэст-Кост таймс»: газета опубликовала сокращенную версию показаний, которые Лодербек в письменном виде предоставил полиции. Лодербек никто не подозревал в причастности к двум смертям, одной – фактической, другой – предотвращенной: из протокола коронера недвусмысленно явствовало, что Кросби Уэллс скончался от вполне естественных причин, а врач сумел доказать, что опиум, от которого едва не погибла Анна Уэдерелл, принадлежал ей самой. Но теперь Балфур задумался: а много ли правды в газетном отчете?

Он наблюдал, как Джок Смит гоняет кусок печенки по тарелке туда-сюда. Как странно, что Лодербек ни с того ни с сего вспыхнул любопытством к характеру Кросби Уэллса при жизни, а еще удивительнее то, что Кросби Уэллс, человек тихий, заурядный, не пользующийся ни малейшим влиянием, внезапно оказался связан родственными узами – да какими бы то ни было узами! – со скандально известным Фрэнсисом Карвером. Балфуру в это не верилось. А теперь вот еще эта шлюха на дороге. Речь идет о простом совпадении, или это происшествие имеет какое-то отношение к безвременной смерти Кросби Уэллса? И с какой стати Лодербек так упорно уходил от разговора об этих двух встречах – вплоть до сего момента?

Отчасти чтобы поддержать разговор, отчасти чтобы обуздать воображение, которое так и норовило голословно обвинить его друга во всех смертных грехах, Балфур проговорил:

– Итак, вы продали барк Карверу – думая, что зовут его Уэллс, – и он между прочим проболтался, что у него в заглавнике припасен братец Кросби.

– Сейчас уже не помню, – отозвался Лодербек. – Это с год назад было. Давным-давно!

– Но вот вы год спустя столкнулись с братом этого человека – только что умершим, тело еще остыть не успело! – продолжал Балфур. – По другую сторону Альп, ни больше ни меньше... в месте, где вы отродясь не бывали! Поразительная случайность, вы не находите?

– Лишь немощный разум верит в совпадения, – напыщенно произнес Лодербек. Оказавшись в непростой ситуации, он имел обыкновение изображать надменную снисходительность.

Балфур пропустил афоризм мимо ушей.

– Так которое из имен вымышленное? – размышлял он вслух, не сводя с политика глаз. – Карвер? Или Уэллс?

– Я напью кувшин, мистер Л.? – осведомился Огастес Смит.

Лодербек побарабанил по столу:

– Да, наливайте. Отлично.

– «Добрый путь» снялся с якоря недели две назад, – рассуждал Балфур. – Судно ходит туда-сюда от Кантона, верно? Чай возит? То есть мы Карвера еще долго здесь не увидим.

– Оставим эту тему, – заявил Лодербек. – Я перепутал фамилии. Наверняка перепутал. Не имеет значения.

– Минуточку! – воскликнул Балфур. Ему в голову пришла новая мысль.

– Что такое? – вскинулся Лодербек.

– Возможно, не все так просто. Учитывая, что продажа имущества покойного была обжалована. Для вдовы, вероятно, очень даже имеет значение, что у Кросби Уэллса где-то припрятан братец.

Лодербек вновь боязливо заулыбался:

– Для вдовы?

– Да-да, – многозначительно откликнулся Балфур и уже собирался было продолжать, но Лодербек поспешно его перебил:

– В хижине не было никаких следов жены – вообще никаких! По всей видимости, он – этот парень – жил один.

– В том-то и дело, – откликнулся Балфур.

Он уже хотел пояснить, но Лодербек снова вмешался:

– Вы говорите, что это важно – новости насчет брата. Но деньги мужа всегда наследует жена, разве что в завещании говорится иначе. Таков закон! Не понимаю, при чем тут брат. Отказываюсь понимать! – И он набычился, вызываясь глядя на собеседника.

– Так завещания нет, – откликнулся Балфур. – В том-то и проблема. Кросби Уэллс никакого завещания не оставил. Никто вообще не знал, есть ли у него семья. Когда он умер, непонятно было даже, куда извещение посылать, – видите ли, наличествовало только его имя: ни домашнего адреса, ни свидетельства о рождении, ровным счетом ничего. Так что его земля и дом отошли Короне... и, разумеется, Корона имеет полное право пустить их в продажу, так что они немедленно оказались выставлены на рынок и на следующий же день были куплены. Здесь у нас на рынке товар не задерживается, это я вам со всей авторитетностью говорю. И тут, еще чернила на договоре купли-продажи не просохли, объявляется жена! Никто ни о какой жене и знать не знал вплоть до того дня – а у нее, понимаете ли, и свидетельство о браке в полном порядке, и сама она подписывается как Лидия Уэллс.

Лодербек вытаращил глаза. Вот теперь Томас Балфур полностью завладел его вниманием.

– Лидия Уэллс? – проговорил Лодербек еле слышным шепотом.

Огастес Смит глянул на Джока и тут же отвернулся.

– Это в четверг случилось, – покивал Балфур. – Суд не нашел в ее документах, к чему придраться; хотя, конечно же, в Данидин послали запрос на всякий случай. И все же что-то тут не так. Свалилась точно снег на голову, хочет прибрать к рукам землю и дом, а ведь Кросби о ней даже не упоминал никогда. И вот еще что сомнительно: дама, черт ее подери, – высший класс! Как Кросби Уэллса угораздило жениться на такой красотке – о-го-го! – дорого бы я дал, чтобы разгадать эту тайну!

– Вы ее видели? Лидия здесь? Она здесь?

Имя прозвучало в его устах знакомо и привычно. Итак, Лодербек с ней знаком, выходит, он наверняка и покойного знал, подумал про себя Балфур.

– Ну да, – вслух подтвердил он, стараясь не выдать своих подозрений. – Прибыла в четверг на почтовом пароходе. Разодета в пух и прах, такая вся цаца, а по трапу-то вниз сошла, как бывалая морячка. Платье узлом завязала да через плечо и панталончики рукой придерживает. Все обручи да застешки на виду. Чтоб мне провалиться, если я знаю, как Кросби Уэллс заполучил такую штучку, – вот чтоб мне провалиться на этом самом месте!

Лодербек все еще никак не мог оправиться от потрясения:

– Лидия Уэллс – жена *Кросби* Уэллса!

– По крайней мере, так она утверждает. – Балфур взгляделся в лицо собеседника, а затем резко отставил бокал и подался вперед. – Послушайте, мистер Лодербек, – объявил он, хлопнув ладонью по столу между ними, – сдается мне, что-то мешает вам высказаться начистоту. Может, облегчите душу?

Эта простая просьба словно бы открыла шлюзы в сердце Алистера Лодербека. Подобно столь многим руководящим персонам, которые привыкли к постоянному сервису по высшему

разряду и потому редко остаются одни, Лодербек был склонен воспринимать обслугу в чисто утилитарном ключе. Безусловно, Балфур очень славный парень: сметливый делец, шумный весельчак, склонный к излишествам, любитель посмеяться, – но его ценность как человека сводилось к ценности назначенной ему роли; в представлении Лодербек он был легкозаменим. Что скрывалось за самоочевидными качествами, политик не давал себе труда выяснить.

Когда властелин впервые прозревает в своем подданном человека – возможно, и не равного себе, но, по крайней мере, живое существо, цельное и умалению не подлежащее, со своими слабостями и увлечениями, с подлинным прошлым и неопределенным будущим, – это всегда момент глубоко личный. Сейчас Алистер Лодербек остро пережил это осознание – и устыдился. Он вдруг понял, что Балфур предлагал ему дружбу, – а он принимал лишь содействие; что Балфур дарил его великодушием, – а он ценил в нем лишь полезность. Лодербек обернулся к помощникам.

– Ребятки, – сказал он, – я хочу поговорить с Балфуром один на один. Оставьте нас ненадолго.

Огастес и Джок поднялись от стола (одержав победу над соперниками, Балфур с непривычным для него торжеством отметил, что оба явно расстроены) и молча вышли из зала. Едва они скрылись за дверью, Лодербек глубоко выдохнул. Он плеснул себе еще вина, но пить не стал – просто держал бокал в ладонях, неотрывно глядя на него.

– Том, вы скучаете по Англии? – спросил он.

– По Англии? – Балфур поднял брови. – Ноги моей не было в солнечной Англии с тех пор, как... хм. С тех пор, как в волосах моих еще не пробилась седина!

– Да, конечно, – сконфуженно поправился Лодербек. – Вы же в Калифорнии старательствовали. Я и позабыл. – Он умолк, ругательски себя ругая.

– Здешний народ хлебом не корми, дай потолковать про дом родной, – промолвил Балфур. – Там лучше, где нас нет, как говорится.

– Да, – тихо произнес Лодербек. – Именно.

– Ба! – продолжал тот, ободренный согласием собеседника. – Ребята в большинстве своем так и живут, одной ногой уже на корабле. Намыли золотишка – и тотчас обратно. И что дальше? Обеспечит такой себя на всю жизнь, найдет девушку, хозяйством обзаведется – и о чем, как вы думаете, мечтает? Что во сне видит? Да золотые прииски! Грезит о тех временах, когда золотые «знаки» в руках держал! И все толковал о доме. О мамочке. О йоркширском пудинге и настоящем беконе. Вот так-то. – Балфур постучал бокалом о стол. – Англия – это Старый Свет, это наше отечество. По отечеству скучаешь – как же не скучать-то? Но возвращаться не возвращаешься.

Дождаясь, чтобы политик наконец заговорил, Балфур обвел глазами зал. Время близилось к одиннадцати, толпа желающих пообедать еще не начала просачиваться внутрь небольшими группками, но вскорости это произойдет: ведь была суббота, причем суббота, завершающая неделю проливного дождя. Парень, дежуривший у очага, ушел, прихватив с собою горячие утюги. Повар, отложив карты, рубил какую-то кость. Откуда-то из внутренних помещений вынырнули мальчишки-уборщики и теперь с шумом и тарарамом составляли тарелки. Священник за соседним столиком все еще сидел за своим давным-давно остывшим кофе, впиваясь глазами в брошюру и сосредоточенно поджав губы. Очевидно, что до соседей ему никакого дела не было, но Балфур на всякий случай пододвинул свой стул поближе к Лодербеку и понизил голос.

– Лидия Уэллс, – начал Лодербек, – хозяйка некоего заведения в Данидине, название которого я произнесу только единожды, и не больше, с вашего позволения. Это место зовется «Дом многих желаний» – звучит по-дурацки, на самом-то деле. Наверняка вам доводилось о нем слышать.

Балфур чуть наклонил голову, подразумевая, что с заведением близко незнаком, но и в полном неведении не пребывает. Речь шла об игорном доме самого что ни на есть упаднического толка: он славился своими высокими ставками и своими танцовщицами.

– Лидия была... моей доброй приятельницей в стенах этого заведения, – продолжал Лодербек. – Деньги тут ни при чем. Никаких денег из рук в руки не переходило – зарубите себе на носу. Потому что это чистая правда. – Он попытался ожечь Балфура взглядом, но судовладелец не поднимал глаз. – Как бы то ни было, – продолжил Лодербек спустя мгновение, – всякий раз, будучи в Данидине, я навещался к ней в гости.

Он подождал, словно приглашая собеседника высказаться, но Балфур упорно молчал. Через минуту Лодербек заговорил снова:

– Так вот, если помните, когда я впервые зашел к вам в контору, Том, мне требовался капитан для «Доброго пути». Вам корабль оказался без надобности; и в последующие месяцы я изрядно помучился, разыскивая надежного человека, чтобы заключить с ним контракт. На тот момент судно стояло на якоре в Данидине. «Королеву» надо было проконопатить, а я был на мели, как вы помните, – все потратил на ремонт «Добродетели». Счетов к оплате накопилось видимо-невидимо. В конце концов я принял скоропалительное решение и в частном порядке сдал «Добрый путь» в аренду парню по имени Рэксуорти: он думал наладить регулярное сообщение между Австралией и приисками Отаго. Он в военном флоте служил. Теперь-то, понятное дело, в отставку вышел. Корветом командовал в Крымской войне, на Балтике, крест Виктории заработал. Он где только не побывал. Говаривал, что, если бы к нему веревку прицепили, он бы весь мир узлом обвязал. Уволился-то он из-за подагры – тяжелой достаточно, чтобы уйти в этот долгосрочный отпуск, который, кстати, ему в любом случае причитался, но недостаточно, чтобы окончательно распрощаться с морем. «Добрый путь» подошел ему как нельзя лучше; он – моряк старой закалки, а суденышко-то у меня старомодное... После того я вернулся в Акароа и какое-то время о Рэксуорти ровным счетом ничего не слышал. Но я все мотался по острову из конца в конец, а когда в следующий раз завернул в Данидин, то влип в неприятности. Обнаружился муж. Лидия оказалась замужем. Пока меня не было, он вернулся домой.

– Кросби Уэллс? – сощурился Балфур.

Лодербек покачал головой:

– Нет, не он. Тот скот, которого вы знаете под именем Карвера. Мне он назвался Уэллсом. Фрэнсисом Уэллсом.

Балфур задумчиво покивал:

– Но теперь та же самая женщина утверждает, что она была замужем за Кросби Уэллсом. Кто-то тут явно врёт.

– Как бы то ни было...

– Врёт либо насчет брака, либо насчет имени, – подвел итог Балфур.

– Как бы то ни было, – раздраженно бросил Лодербек, – это как раз не важно на данный момент. Нужно рассказывать все по порядку. Я ведь даже не знал, что Лидия замужем. В игорном доме она, видите ли, пользовалась девичьей фамилией: Лидия Гринуэй; я понятия не имел, что она – Лидия Уэллс. Разумеется, как только объявился муж, я осознал, что был не прав. Я тут же сдал позиции. Попытался уладить дело честь по чести. Но этот парень вроде как загнал меня в угол. Я был членом Совета, только что получил пост управляющего. Сам недавно женился. Под угрозой оказалась моя репутация.

Балфур кивнул:

– Итак, он предстал перед вами обманутым мужем. Попытался лишний фунт-другой на стороне сшибить.

Губы Лодербека дернулись.

– Все было не так просто.

– Да полно, этот трюк стар как мир, – неуклюже посочувствовал Балфур. – Каждому мужчине этот страх знаком, вот на нем-то и играют, так что в конце концов шантаж оборачивается прямо-таки облегчением. Плати, и больше обо мне никогда не услышишь, все такое. Девчонка, понятное дело, обычно в доле. Он небось соврал вам, что она залетела.

Лодербек покачал головой:

– Нет. – Он вновь уставился на бокал в руке. – Он повел себя куда умнее. Денег он вообще не требовал – вообще ничего не просил. По крайней мере, до поры до времени. Он сообщил мне, что он – убийца.

Каретные часы на каминной полке пробили без пятнадцати час. Священник за соседним столиком поднял глаза, похлопал себя по бедру, извлек часы из кармана брюк, чтобы сверить время. Завел механизм, покрутил колесико, протер салфеткой циферблат, вновь убрал их в карман. А затем вернулся к брошюре: прикрыл глаза козырьком ладони, чтобы сузить фокус, и снова погрузился в чтение.

– Он отлично владел собою, – продолжал Лодербек. – И держался этак вежливо. Рассказал, что напарник убитого ему в затылок дышит. Кого он убил и почему, он не открыл: просто сказал, что его преследуют из-за этого убийства.

– А имен он не называл?

– Нет. Вообще никаких.

– А вы-то тут при чем? – нахмурился Балфур. – Я так понимаю, это чужая ссора. Или чужая бравада. Но в любом случае вас это не касается.

Лодербек наклонился ближе:

– Суть вот в чем. Он сказал, что меня засекли как его напарника или компаньона. Я «отмечен». Как только мститель его настигнет и заберет его жизнь... после того он придет за мною.

– «Отмечены»? – удивился Балфур. – Как именно «отмечены»?

Лодербек пожал плечами и откинулся назад:

– Не знаю в точности. Безусловно, я в игорном доме частенько бывал и с Лидией появлялся на людях, то там, то сям. Вероятно, за мной шпионили.

– Шпионить – это одно, – возразил Балфур. – Но метка... это ж вроде татуировки... как можно кого-то «отметить» без его ведома? Право, мистер Лодербек, вы чего-то недоговариваете! Выкладывайте уж все как есть!

Лодербек явно смутился:

– Ну так вот, вы про просверк слышали?

– Что-что?

– Ну, просверк. Кусочек стекла, или осколок зеркала, или драгоценный камень, закрепленный на конце сигары. Курить он не мешает, а когда сигара во рту, вот так, заметить его невозможно. Аферисты этим пользуются. Игрок за игрою курит: вынимает сигару изо рта, вот так, и держит ее в руке, а в просверке отражаются чужие карты. Или можно партнеру свои карты показывать, если игра двое на двое. Способ жульничества такой.

Балфур оттопырил два пальца, придерживая воображаемую сигару, и вытянул руку через весь стол.

– Однако чертовски неудобное жульничество, – откомментировал он. – Столько всего может помешать! А что, если вы прижимаете карты к себе? Или кладете на стол рубашкой кверху? Смотрите: если я протяну руку через стол, вот так... вы карты пододвинете к себе, верно? Ну, право, вы ведь отдернетесь!

– Не в деталях дело, – отмахнулся Лодербек. – Суть в том, что...

– И риск совершенно дурацкий, – гнул свое Балфур. – Как прикажете оправдать тот факт, что на конце сигары закреплено крохотное зеркальце?

– Суть в другом, – настаивал Лодербек. – Не в деталях дело. Суть в том, что этот Уэллс... ну то есть Карвер... сказал, будто держит меня под просверком.

Балфур все еще прогнул запястье и вскидывал локоть, шурясь на незримую сигару в пальцах. Теперь он наконец прекратил свое занятие и сжал кулак.

– То есть у него имеется какой-то способ подглядывать в ваши карты.

– Но я не знаю какой, – отозвался Лодербек. – По сей день не знаю. Это меня с ума сводит. – И он потянулся за кувшином с вином.

Балфур скептически изогнул брови. Это еще что за козырь такой? Туманное упоминание о какой-то там мести, никаких имен, никакого контекста и полная чушь насчет карточного жульничества? Для шантажа как-то маловато. Лодербек явно что-то скрывал. Балфур кивнул, давая понять, что собеседнику стоит наполнить бокал.

Лодербек отставил кувшин и продолжил:

– Перед уходом он попросил меня лишь об одном – всего-то навсего. В команде «Доброго пути» не хватало матроса – Рэксуорти уже дал объявление в газетах, и Уэллс об этом прослышал.

– Карвер.

– Да. Карвер об этом прослышал. И попросил меня замолвить за него словечко. Поутру спозаранку он собирался в порт, наниматься на корабль. Он попросил меня об услуге – честно и откровенно.

– И вы выполнили его просьбу?

– Выполнил, – удрученно признал Лодербек.

– Вот вам, видимо, еще один просверк, – промолвил Балфур.

– Вы о чем?

– Ну как же, еще одна связующая ниточка между вами – корабль.

Мгновение Лодербек обдумывал его слова, с видом весьма подавленным.

– Да, – признал он. – Но что я мог поделать? Он связал меня по рукам и ногам.

Балфура вдруг захлестнуло сочувствие к собеседнику, и он пожалел о своей недавней сварливости.

– Верно, – согласился он мягче. – Вы и в самом деле были в его власти.

– После этого ничего больше не происходило, – продолжал Лодербек. – Ровным счетом ничего. Я уехал обратно в Кентербери. И стал ждать. Я все ломал голову насчет этого треклятого просверка, аж сердце разрывалось. Признаюсь, я сколько-то надеялся, что Карвера убьют, что мститель до него таки доберется и я узнаю его имя прежде, чем он явится по мою душу. Я каждый день прочитывал «Отагского свидетеля» от корки до корки, надеясь увидеть имя негодяя в списке убитых, да простит меня Господь. Но нет, не дождался... Примерно год спустя – то есть около года назад, может, в феврале или марте прошлого года, – мне по почте приходит письмо. Годовой отчет о транзакциях от «Судоперевозок Данфорта», и заполнен он на мое имя.

– Данфорт? Джем Данфорт?

– Он самый, – кивнул Лодербек. – Я в жизни не пользовался услугами Данфорта – в том, что касается личной собственности, но, конечно же, я его знаю; он арендует часть грузового отсека «Доброго пути» для своих перевозок.

– И «Добродетель» тоже, время от времени.

– Да, время от времени еще и «Добродетель». Ладно, просматриваю годовой отчет. Вижу, снова и снова упоминается отправка транстасмановым маршрутом на «Добром пути», оформленная на имя Лодербека. На мое имя. Опять и опять, на западных рейсах через Тасманово море, – собственно, на каждом таком рейсе одно и то же: грузоотправитель Данфорт, грузоперевозчик «Добрый путь», капитан Джеймс Рэксуорти, одна отправка частного груза, стандартный размер, оплачена полностью Алистером Лодербеком. То есть мною. У меня просто

кровь в жилах застыла. Мое имя черным по белому и длинная колонка цифр... Сумма к оплате составляла ноль фунтов. Никаких задолженностей. Каждый месяц, как явствовало из документа, счет оплачивался наличными. Кто-то состряпал целый бизнес от моего лица и хорошие деньги к тому же за него платил. Я быстро просмотрел состояние своих собственных финансов: нет, никаких недостатков и уж точно не в размере восьмидесяти-девяноста фунтов за доставки. Такого рода медленную утечку средств я бы непременно заметил, откуда бы уж она ни шла. Но нет. Что-то тут было нечисто... Я поехал в Данидин, как только смог, – чтобы самому во всем разобраться. Это было... в апреле, кажется. Может, в мае. Словом, ранней осенью¹². Едва оказавшись в Данидине, я и на берег-то, почитай, не сходил, сразу помчался на «Добрый путь». Он стоял на якоре у самого причала, и трап был опущен. Я поднялся на борт; не встретил ни души. Я-то, понятное дело, собирался потолковать с Рэксуорти, но его нигде не было. А на полубаке я обнаружил Уэллса.

– Карвера.

– Ну да, Карвера. Он был один. В левой руке полицейский свисток, в правой – пистолет. И говорит мне: я ведь в любую минуту засвистеть могу. Контора начальника порта в пятидесяти ярдах от нас, и люк открыт настежь. Я молчу. Он говорит мне, что в грузовом отсеке «Доброго пути» стоит контейнер на мое имя и обширная документация связывает мое имя с такой вот отправкой за каждый месяц на протяжении всего последнего года. Все легально, все должным образом зарегистрировано. В глазах закона я плачу за эти отправки вот уже год, до Мельбурна и обратно, туда-сюда, туда-сюда, и, что бы я ни говорил, опровергнуть этот факт мне не удастся. «Ладно, а внутри-то чего?» – спрашиваю. Платья, говорит. Дамские моды. Целый ворох нарядов... «Платья-то зачем?» – говорю. Он ухмыляется гнусно так: «Ну право, мистер Лодербек, вы ж каждый месяц заказываете в Мельбурне модные тряпки вот уж целый год как! Вы вашу очаровательную полюбовницу Лидию Уэллс просто балуете, и все, кстати, подробно записано. Всякий раз, как сундук прибывает в Мельбурн, его тотчас везут к модистке на Берк-стрит, самой лучшей, понятное дело, и всякий раз, как сундук отправляется в обратный путь, он доверху набит самыми что ни на есть шикарными и дорогущими одежками, что только можно достать за деньги в этой части мира. Вам, мистер Лодербек, в щедрости не откажешь».

Голос Лодербека помрачнел.

– «А как так вышло, что отправки зарегистрированы на мое имя?» – спрашиваю. Он так и покотился со смеху. Говорит, да каждая крыса в Данидине знает Лидию Уэллс как облупленную и чем она зарабатывает на хлеб насущный. Ей всего-то и надо было, что сказать старине Джемму Данфорту, что я не жалею для нее ни бубенчиков, ни ленточек, но нельзя ли, пожалуйста, ее имени не упоминать – из уважения к моей бедной женушке? И Данфорт ей поверил. Оформлял все поставки на мое имя. Она платила наличными, говорила: это из моего кармана деньги; и никто мне ни словом не обмолвился! Деликатничали, понимаете ли; думали, мне добрую услугу оказывают, черт их дерь, не судите-де – и не судимы будете... Но это еще не все, далеко не все. Женские тряпки, чтоб им провалиться, – это так, цветочки. На сей раз, говорит он, в сундуке есть еще кое-что, кроме платьишек. «И что же?» – спрашиваю. «Целое состояние, – говорит, – краденое, все – самородное, высшей пробы». – «У кого украденное?» – спрашиваю. «Да у вашего покорного слуги, – отвечает, – притом моей собственной супружницей Лидией Уэллс», – и ну хохотать, потому что врет ведь как сивый мерин, они ж давно снюхались, эта парочка. Ладно, а у него-то откуда самородное золото в таком количестве, спрашиваю. Он говорит, у него участок есть по дороге на Данстан. «Задекларировано?» – спрашиваю. Он говорит: «Нет». А раз не задекларировано, стало быть, и налоги не уплачены, то есть эта отправка нарушает закон – или, по крайней мере, нарушит, как только «Добрый путь» выйдет в море завтра с приливом, согласно расписанию... Там, на полубаке, Карвер дает мне

¹² Осень в Новой Зеландии приходится на привычные нам весенние месяцы: март, апрель и май.

поразмислить обо всем об этом минуточку-другую. Я думаю о том, как все это выглядит сверху. А выглядит все это так: я за спиной мужа вот уже давненько ухлестываю за его женой. Она – моя любовница, тому есть доказательства. Все выглядит так, как если бы я украл целое состояние у злополучного мужа и теперь собираюсь вывезти золото в море. Выглядит все так, как если бы я организовал всю эту схему, чтобы разорить его и обанкротить. Налицо – прелюбодеяние, кража и даже преступный сговор. А главное – золото ведь не задекларировано. Меня того гляди обвинят в нарушении таможенных правил, уклонении от уплаты налогов, контрабанде, все такое. Мне светит пожизненное заключение, а у меня на остаток жизни совсем иные планы, Томас, совсем иные. Так что я спрашиваю его, что он хочет, и наконец он раскрывает карты. Ему нужен корабль.

– Он на тот момент – старший матрос?

– Да. Под началом у Рэксуорти, и теперь он хочет от Рэксуорти избавиться. Он все уже продумал: я, дескать, увольняю Рэксуорти нынче же вечером, расторгаю договор с командой и отписываю ему корабль бесплатно, безо всяких условий. Сами понимаете, это форменное оскорбление. Я смеюсь. Я говорю: нет. Но при нем этот треклятый свисток, и он за него уже вроде как берется, чтобы позвать начальника порта.

– А вы не потребовали показать вам золото в контейнере? – спросил Балфур. – Откуда вам было знать, что он не блефует?

– Конечно потребовал, – отозвался Лодербек. – Именно так я и сделал. О, этот парень все продумал, не могу не отдать ему должное. В сундуке лежало пять платьев. Все до одного – по моде прошлого сезона, в полном соответствии с его байкой; уже готовые для мельбурнской модистки, сами понимаете. Но слушайте дальше! Золото не просто валялось в сундуке как попало, под платьями. Его зашили в швы этих самых платьев. Небось сама Лидия и расстаралась: она преловко управлялась с иглой и ниткой. Вы бы ни о чем и не догадались, пока не вытащили бы платья и не почувствовали бы, какие они тяжелые. Но таможенному инспектору вытаскивать их и в голову бы не пришло, если, конечно, не подбросить ему наводку, чтобы знал, куда смотреть. А так, открываешь сундук, и сколь в нем ни шарить – модные платья, и ничего больше. Да уж, план отличный.

– Дайте-ка мозгами пораскинуть, – промолвил Балфур. – А если бы корабль отплыл по расписанию...

– Тогда бы Карвер «случайно» обнаружил сундук в грузовом отсеке и притворился бы, что впервые его видит. Притащил бы его к Рэксуорти, изображая ярость, и горе, и все что угодно. В конце концов, это платья его жены, а в документах стоит мое имя. Он бы потребовал возбудить против меня дело по обвинению в краже, и прелюбодеянии, и нарушении таможенных процедур, все вместе. «Добрый путь» не выпустили бы из гавани, завернули бы обратно на полпути к мысу. Тут-то полиция меня бы и сцапала, за ушко да на солнышко.

– Но ведь если бы такое произошло и вызвали бы полицию... вы могли бы просто-напросто все свалить на Лидию Уэллс, – предположил Балфур. – Она бы точно угодила в тюрьму...

– О да, разумеется, угодила бы, – оборвал его Лодербек. – Но я не собирался рисковать собственной свободой только для того, чтобы иметь удовольствие полюбоваться, как возмездие настигнет и ее тоже. Эти двое, конечно же, объединились бы против меня, если бы все это треклятое дело дошло до суда. И уж кому-кому, а ей бы все сочувствовали, сами понимаете: как же, прозрела, раскаялась, поддерживает законного мужа, и все такое прочее.

– Если он и впрямь ее законный муж, – указал Балфур. – Теперь вот выходит, что *Кросби* Уэллс...

– Ну да, ну да! – огрызнулся Лодербек. – Но тогда-то я этого не знал, верно? И не рассказывайте мне, как я должен был поступить и что должен был сделать. Терпеть этого не могу. Уж как карты легли, так легли.

– Прямо не знаю, что и думать. – И Балфур откинулся к спинке стула.

– Он меня в угол загнал. – Лодербек развел руками, признавая поражение. – Я отписал ему корабль.

Балфур на мгновение задумался.

– А где тем вечером был Рэксуорти?

– Да в треклятом игорном доме, – фыркнул Лодербек. – Небось повеселился на славу, и Лидия Уэллс тут же, под боком, ему на игральные кости дула!

– А он тоже втянут в заговор?

– Не думаю, – покачал головой Лодербек. – Тем вечером он ушел в увольнение на берег – там как раз какой-то флотский праздник приключился, вполне официальное событие. Ничего предосудительного. Да и впоследствии у меня никаких подозрений не зародилось.

– А чем он сейчас занимается?

– Рэксуорти? Водит треклятый «Дух Темзы» и скучает, как тигр в клетке. Этот человек пароходы терпеть не может. На меня зол как черт.

– А он знает, как все вышло?

– Я – лицо публичное! – возмутился Лодербек. – Если хоть кто-то что-то пронюхает, я погиб. Знает ли он? Разумеется, ни черта он не знает.

Собственная история внезапно вызвала у него всплеск раздражения, осознал Балфур. Подробный рассказ о том, как его одурачили, всколыхнул в душе жгучий стыд.

– Но продажа корабля – это общедоступная информация, – отметил Балфур спустя мгновение. – Об этом в газетах печатают.

Лодербек выругался.

– О да! – прорычал он. – Если верить газете, я продал треклятое судно за очень даже неплохую цену, причем в золоте. Разумеется, я из этой суммы ни единого пенни не видел. Золото осталось в том треклятом сундуке, а когда «Добрый путь» на следующий день отплыл в Мельбурн, на том конце груз забрали – как это происходило каждый месяц в течение прошлого года. И конечно же, сундук исчез. А я ничего тут не мог поделать, не навлекая на себя скандала. Одному Господу известно, где теперь это золото. А в придачу мерзавцу еще и корабль достался.

Лодербек сердито повертел в руках судок.

– А сколько, на ваш взгляд, на самом деле стоило то золото в сундуке?

– Я не старатель, – отозвался Лодербек, – но, судя по весу платьев, на пару тысяч по меньшей мере оно тянуло.

– И больше вы этого золота не видели.

– Нет.

– И ничего про него не слышали.

– Нет.

– А вы с этой девкой с тех пор виделись – ну, с Лидией Уэллс?

Лодербек хрипло рассмеялся:

– Лидия Уэллс – никакая не *девка*. Не знаю, что она такое, но не девка, Томас. Ни разу не девка.

Но на вопрос Балфура он не ответил.

– Вы же знаете, что она здесь, в Хокитике, – напомнил Балфур.

– Вы говорили, – сухо отозвался Лодербек, не прибавив к тому ни слова.

Что за непредсказуемый, норовистый скакун – низкопоклонство! В самый неподходящий момент он вскидывает голову и рвется из узды собственной работы! Благоговейное обожание Балфура, что так легко превратилось в раздражение, теперь стремительно перерождалось в презрение. Потерять так много – из-за *любовницы*! Из-за чужой жены!

Между тем презрение, при всей своей придиричивой критичности, – это эмоция, дарующая определенную ясность восприятия. Томас Балфур наблюдал, как его приятель осушил бокал, щелкнул пальцами, требуя подать еще вина, и преисполнился пренебрежения, а пре-

небрежение в свою очередь сменилось недоверием, а недоверие усилило проницательность. Отдельные детали в истории Лодербека упорно не состыковывались. Как насчет столь своевременной смерти Кросби Уэллса? Лодербеку еще предстояло отчитаться по поводу *этого* совпадения, а заодно и объяснить, почему он ни с того ни с сего так уверен, будто Карвер и Уэллс приходится друг другу братьями! И как насчет Лидии Уэллс, что примчалась в Хокитику требовать свое законное наследство, причем почти сразу же после смерти Уэллса, так что начальник порта, отчасти в шутку, полюбопытствовал, уж не установили ли в почтовом отделении Хокитики телеграф. Балфур нимало не сомневался: собеседник не открыл ему всей правды; чего он не знал, так это причины подобного замалчивания. Кого Лодербек защищает? Только ли себя? Или кого-то еще?

Лодербек хищно нахмурился. Он подался вперед и ткнул в стол указательным пальцем.

– А знаете, мне тут мысль в голову пришла! – воскликнул он. – Насчет Карвера. Если его в самом деле зовут Карвер, тогда сделка по продаже корабля недействительна. Нельзя подписывать документы чужим именем.

Балфур промолчал. Его внимание без остатка поглощали неожиданная переоценка собеседника и то критическое расстояние, что вдруг разверзлось пропастью сомнения между ними.

– И даже если он на самом деле Уэллс, – продолжал Лодербек, все больше оживляясь, – даже если это правда, Лидия не может быть замужем за обоими одновременно, так? Вы совершенно правильно сказали: все вранье либо насчет брака, либо насчет имени!

Мальчик-официант принес новый кувшин вина. Балфур наполнил бокалы.

– Разве что, – обронил он между делом, – она была замужем не за обоими одновременно. Может, она развелась с одним и вышла замуж за его брата.

Балфур употребил слово «брат» очень осторожно, но Лодербек, взволнованный этой вновь открывшейся возможностью, ничего не заметил.

– И даже в том случае, если Карвера действительно зовут Карвер, тогда подпись его подложная и сделка по продаже корабля не имеет силы. Говорю вам, Томас: так или иначе, но он у нас в руках. Так или иначе. Мы Карвера поймали: он запутался в собственной лжи.

Накатившее облегчение явно вскружило ему голову.

– Итак, теперь уже вы собираетесь на него поохотиться? – осведомился Балфур.

Глаза Лодербека сияли.

– Я его разоблачу, – объявил он. – Я разоблачу Фрэнсиса Карвера и верну себе «Добрый путь».

– А как насчет мстителя? – напомнил Балфур.

– Кого-кого?

– Ну, того парня, который преследовал Карвера. Который нацелил просверк на вас.

– Вообще глухо, – заверил Лодербек. – Небось он все это выдумал.

– То есть никого он не убивал? – небрежно уточнил Балфур. – То есть никакой он не убийца?

– Он – мерзавец, вот кто он такой, – отрезал Лодербек, грохнув кулаком по столу. – Мерзавец и лжец! И вор! Но я его возьму с поличным! Он мне за все заплатит!

– А как же выборы? – напомнил Балфур. – Как же Кэролайн? – (Так звали жену Лодербека.)

– Так этим всем мне рисковать незачем, – презрительно бросил Лодербек. – Я в неофициальном порядке с ним покваिताюсь. Поймаю его на той сделке. И пошантажирую – как он меня. Отплачу ему его же монетой.

Балфур, поглаживая бороду, не сводил с него взгляда:

– Ну что ж...

– Карвер наверняка уничтожил свой экземпляр купчей, если она – свидетельство мошенничества... пожалуй, надо бы мне свой собственный экземпляр нотариально заверить, на всякий случай.

– Ну что ж, – повторил Балфур. – Вероятно, нам стоит слегка сбавить темп.

Но Лодербек возбужденно подался вперед.

– Нужды нет – я могу прямо сию минуту приступить! – воскликнул он. – Я отлично знаю, где он, этот договор. В моем сундуке – в том упаковочном ящике, о котором я просил вас позаботиться.

В груди у Балфура стеснилось. К лицу прихлынула кровь. Он открыл было рот, чтобы ответить, и тут же малодушно закрыл снова.

– А «Добродетель» в порт уже заходила? – полюбопытствовал Лодербек. – Вы ее еще на прошлой неделе ждали, по-моему.

В ушах Балфура грохотал гром. Надо было рассказать о пропаже начистоту, как только они с Лодербеком остались наедине. «Дурак! – мысленно кричал он. – Дурак набитый!» Отчего бы просто-напросто не открыть Лодербеку правду? Никто не виноват в пропаже контейнера: это случайность, накладка с документами, скорее всего... груз найдется, рано или поздно, в самом неожиданном месте... может, слегка помятым, но не сильно пострадавшим. Наверняка же Лодербек все поймет! Если обо всем поведать спокойно, честно и откровенно... если признать свою вину... Но тут сердце его сбилось с ритма. А что, если сундук из истории Лодербека – тот самый, набитый дамскими нарядами, что весь год раз в месяц курсировал через Тасманово море, – и сундук с личными вещами Лодербека, включая жульнический договор, – тот, что недавно пропал с хокитикского причала, – как-то между собою связаны? Наверняка связь есть, ведь Балфур никогда прежде не терял грузовых контейнеров; за все его годы в бизнесе ни один не был украден! Сердце его забилося сильнее. В прошлом Фрэнсис Карвер уже шантажировал политика; что, если он снова за свое взялся? Что, если грузовой контейнер похитил Карвер? Ведь этот человек в порту Хокитики знает все углы и закоулки...

Лодербек оглядел стол, высматривая ломтик холодной закуски. Перемены в поведении Балфура он не заметил; Балфур же обдумывал этот новый вероятный сценарий со всех сторон.

– Так она уже прибыла – ну, «Добродетель»? – переспросил Лодербек, не проявляя и тени нетерпения.

– Нет, – отозвался Балфур.

Зал словно сжался от этой лжи.

– До сих пор не здесь? – удивился Лодербек. Он заприметил на тарелке, оставленной Джоком Смитом, восковую луковку и кинул ее в рот. – То есть я собственный клипер обгоняю верхом! Ну надо же! Надеюсь, никого там бездонная пучина не поглотила?

К нему вновь вернулось хорошее настроение; более того – у него голова кругом шла. Надежда на месть превосходно тонизирует дух!

– Нет, – повторил Балфур.

– Говорите, корабль еще в пути?

– Да... еще в пути. Именно, – признал Балфур, помешкав долю секунды.

– Он идет на запад от Данидина, так? Или вверх, через пролив?

Балфур покрылся холодным потом. Некоторое время он следил, как ходит ходуном челюсть жующего собеседника. И в конце концов выбрал маршрут более затяжной.

– Вверх, через пролив.

– Ну что ж. – Лодербек сглотнул. – Тут, полагаю, ничего не поделаешь. Таков уж он, судоходный бизнес. Но вы ведь меня известите, как только корабль войдет в гавань, – ладно?

– Да-да, разумеется. Конечно извещу.

– Буду ждать с нетерпением, – кивнул Лодербек. И, помявшись, добавил: – Послушайте... Том... вот еще что. Вы ведь понимаете... то, что я рассказал вам сегодня утром...

– Строжайшая конфиденциальность, – поспешно заверил Балфур. – Ни единой живой душе не проболтаюсь!

– Учитывая, что моя предвыборная кампания под угрозой...

– Да не нужно. – Балфур покачал головой. – Не нужно мне ничего объяснять. Я – молчок, ни гугу!

– Молодчага. – Лодербек отодвинулся вместе со стулом назад и хлопнул себя по коленям. – Итак, – объявил он. – Бедный Джок, бедный Огастес. Я был с ними вопиюще груб.

– Да, бедные, несчастные Джок с Огастесом, – откликнулся Балфур, жестом давая понять, что Лодербек свободен уйти; но Лодербек, напевая что-то сквозь зубы, уже потянулся за верхней одеждой.

Сердце Томаса Балфура неистово колотилось в груди. Он был непривычен к гнетущему бремени лжи, когда врун вдруг осознает, что произнесенное вранье связало его по рукам и ногам, и теперь он вынужден продолжать лгать и громоздить на первый из обманов новые, помельче, и, замкнувшись в себе, одиноко размышлять о совершенной ошибке. Балфуру суждено было страдать в оковах собственной неправды, пока грузовой контейнер не отыщется. Необходимо найти его как можно скорее – и без ведома Лодербека, равно как и без его помощи.

– Мистер Лодербек, – промолвил Балфур, – думается, вам следует какое-то время поиграть в политика. Ну, сами знаете – больше бывайте на людях, пожимая руки тем и этим. Партия-другая в кости. В шары опять же. В театр ходите. А это все из головы выбросьте.

– А вы чем займетесь?

– Схожу на пристань, порасспрашиваю народ. Что там Карвер затевает, куда подался.

По лицу Лодербека скользнула тень тревоги.

– Вы вроде говорили, он в Кантон отбыл. Разве нет? Чай возит?

– Но надо бы лишний раз удостовериться, – отозвался Балфур. – Мы должны быть ко всему готовыми.

Про себя он размышлял о пропавшем контейнере и новой вероятности того, что украл его Фрэнсис Карвер. (Но зачем бы Карверу мстить Алистеру Лодербеку дважды, если первый раз шантаж прошел без сучка без задоринки?)

– Вы с расспросами поосторожнее там, – посоветовал Лодербек.

– Да без проблем! – заверил Балфур. – Ребята с набережной Гибсона меня знают, и, как вы помните, я на «Добром пути» немало грузов возил. В любом случае лучше расспрошу я, чем вы.

– Да, лучше так, – кивнул Лодербек. – Да. Очень хорошо. Займитесь же этим.

На самом деле Алистер Лодербек, как человек со средствами, раздавать такого рода поручения был привычен. Ему вовсе не казалось странным, что Балфур посвятит субботу улаживанию чужих дел. Он ни на миг не задался вопросом, а не повредит ли Балфур собственной репутации, впутываясь в историю прелюбодеяния, шантажа, убийства и мести; ему и в голову не приходила мысль о том, как бы вознаградить Балфура за услугу. Все, что он чувствовал, – это невыразимое облегчение. Незримый миропорядок был восстановлен, – тот самый миропорядок, что гарантировал ему сваренное вкрутую яйцо на завтрак каждое утро и возможность не мыть посуду самому. Он потерял узел галстука и поднялся от стола новым человеком.

– Вы только держитесь подальше от Лидии Уэллс, – небрежно обронил Балфур. – Просто потому, что...

– Конечно-конечно, безусловно, – заверил Лодербек. Он подхватил перчатки левой рукой, пожал Балфуру руку – правой. – Мы этого подонка сцапаем, верно?

Внезапно Балфура осенило: Лодербек отлично знает, с помощью какого именно просверка Фрэнк Карвер держит его в своей власти. Балфур не смог бы объяснить, откуда снизошло на него озарение: он просто вдруг это понял, и все.

– Да, – заверил он, крепко пожимая руку Лодербеку. – Мы подонка сцапем – со временем.

Марс в Стрельце

Глава, в которой Коуэлл Девлин производит отнюдь не лучшее впечатление; Те Рау Тау-фаре предлагает ценные сведения за сходную цену; Чарли Фрост что-то заподозрил, а мы узнаем, за какое преступление много лет назад был осужден Фрэнсис Карвер.

Когда неугомонному духу поручено, да еще и под влиянием алкоголя, разгадать загадку для кого-то другого, сперва он берется за дело охотно и ревностно. Но энергии Томаса Балфура хватало ненадолго, если предприятие, на которое он подписался, не было его собственной задумкой. Его воображение уступало место досаде, а оптимизм сменялся причудливой разновидностью нерадивости. Он хватался за новую идею и тут же ее отбрасывал, хотя бы потому, что новизну она уже утратила; он кидался в разные стороны одновременно. Это ни в коем случае не свидетельствовало о непостоянстве, но скорее уж о характере, привычном к энтузиазму искреннему и пытливому и подделок не признающем, – и тем не менее успеху оно не способствовало.

Балфур уже собирался встать от стола и покинуть гостиницу «Резиденция», как вдруг ему пришло в голову, что жалко бросать просто так полкувшина преотличного вина. Он вылил все, что осталось, в свой бокал и уже поднес его к губам, как вдруг заметил поверх ободка, что священник за соседним столиком отложил свою брошюру и, скрестив на груди руки, неотрывно смотрит на него, Балфур.

Точно пойманный на краже ребенок, Балфур отставил бокал.

– Ваше преподобие, – промолвил он. (По зрелом размышлении, для того чтобы напиться, час и впрямь был довольно ранний.)

– Доброе утро, – отозвался священник, и по его акценту Балфур безошибочно распознал ирландца.

Балфур тут же расслабился и позволил себе забыть о хороших манерах: вновь взялся за бокал и осушил его до дна.

– Вашему другу очень посчастливилось, сдается мне, – отметил священник.

До чего ж не повезло ему с лицом – было в нем нечто от вечного мальчишки: этот сжатый рот, эта оттопыренная нижняя губа, эти мелкие зубы, как незрелые кукурузные зернышки. Его поневоле представляешь в шортиках и гольфах: жует хлеб со смальцем, тащит стопку учебников, перетянутых старым отцовским ремнем, стопка хлопает его по ноге. На самом-то деле ему все тридцать, может, даже сорок.

Балфур сощурился:

– Не припомню, чтобы мы вели разговор специально ради вас.

Незнакомец наклонил голову, словно признавая правоту собеседника:

– Безусловно, нет. И надеюсь, вообще не ради кого-либо стороннего.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что никому не пристало извлекать выгоду из подслушанных дурных вестей.

Меньше всего – представителю священства.

– Дурные вести, говорите? Вы только что сказали, что ему посчастливилось.

– Посчастливилось, что у него есть вы, – отвечал священник, и Балфур вспыхнул.

– Знаете, только потому, что разговор был конфиденциальный, а вы его втихаря подслушали, на исповедь он ни разу не тянет! – сердито заявил он.

– Вы совершенно правильно проводите различие между тем и этим, – похвалил священник по-прежнему любезно. – Но я вас услышал неумышленно.

– Что до вашего умысла, нарочно там или не нарочно, – откуда нам знать доподлинно?

– Вы говорили очень громко.

– Откуда нам знать про ваш умысел, я имею в виду?

– В отношении моих намерений, боюсь, вам придется положиться на мое слово – или на одежду священнослужителя, если моего слова вам недостаточно.

– И в чем же я должен положиться на ваши слово и рясу? В чем их достаточность или недостаточность?

– В том, что я вовсе не собирался вас подслушивать, – терпеливо пояснил священник. – В том, что я умею хранить тайны, если меня попросить.

– Считайте, что уже попросили, – отозвался Балфур. – Я и прошу. И бросьте мне тут рассуждать о везении и дурных вестях. Это только домыслы – ничего подобного вы не слышали.

– Вы правы. Я приношу свои извинения.

– Вашего мнения, сами понимаете, никто не спрашивает. И никто им не интересуется.

– Приношу свои извинения. Я буду молчать.

Балфур погрозил ему пальцем:

– Но вы от нас отстаньте лишь потому, что я вас прошу, а не из-за правил исповеди. Потому что это была никакая не исповедь.

– Безусловно, нет; мы в этом уже сошлись. – И уже иным тоном он добавил: – В любом случае исповедь – это католическая практика.

– Но вы ж католик. – Внезапно Балфур осознал, что пьян вдребезги.

– Я принадлежу к Свободной методистской церкви, – поправил священник, ничуть не обидевшись, но с мягким упреком добавил: – О человеке не так уж много можно сказать по акценту, видите ли.

– Так акцент-то у вас ирландский! – сдуру ляпнул Балфур.

– Мой отец родом из Тирона¹³. До того как перебраться сюда, я служил в Данидине, а еще раньше – в Нью-Йорке.

– В Нью-Йорке – ну и местечко!

Священник покачал головой:

– Любое место зачем-нибудь да нужно.

Балфур замялся. После этого увещевания он отчего-то уже не мог продолжать тему Нью-Йорка, но других предметов для разговора не видел, кроме разве того, о котором запретил священнику даже упоминать. Он посидел немного, хмурия брови, и наконец спросил:

– Вы тут остановились?

– Вы имеете в виду, в этой гостинице?

– Ну да.

– Нет. Вообще-то, мою палатку затопило, так что я тут завтракаю под крышей, – объяснил священник. Он указал рукой на остатки трапезы, давным-давно остывшие. – Как видите, я не слишком тороплюсь, чтобы подольше посидеть в сухости.

– А церкви у вас, значит, нет, чтобы там от дождя укрыться?

Вопрос прозвучал довольно грубо, и ответ на него Балфур знал загодя: на тот момент в Хокитике было только три церкви. Но его не оставляло чувство, что священник каким-то непонятным образом одержал над ним верх, и Балфур хотел было вновь стать хозяином положения – не то чтобы унижить собеседника, но поставить его на место.

Священник лишь улыбнулся, показав крохотные зубки:

– Пока еще нет.

– В жизни не слыхивал о свободных методистах. Это что-то новенькое, да?

– Новая практика, новая политика, – снова улыбнулся священник. – Учение-то старое.

Балфур решил про себя, что самодовольства этому человеку не занимать.

– Я так полагаю, вы приехали с миссией, – промолвил он. – Обращать язычников.

¹³ Тирон – историческое графство на севере Ирландии; входит в состав провинции Ольстер.

– Я заметил, вы очень любите строить предположения, – отозвался священник. – Вы еще ни одного вопроса не задали, не будучи заранее уверены в ответе.

Такого рода замечания Томас Балфур не жаловал: еще не хватало, чтобы его поучали, как именно следует выстраивать ход мыслей. Он отодвинулся от стола, давая понять, что ему пора идти.

– Удовлетворяя ваше любопытство, скажу, – продолжал священник, едва Балфур взялся за пальто. – Я назначен капелланом в новую тюрьму в Сивью. Но пока она строится... – он взял со стола брошюру и многозначительно похлопал ею по ладони, – я всего-навсего изучаю теологию.

– Теологию! – воскликнул Балфур, засовывая руки в рукава пальто. – Неплохо бы вам почитать чего-то повесомее! В чертовски непростой приход вы попали, помяните мое слово!

– Даже если и так, все мы Божьи дети.

Балфур сдержанно кивнул и повернулся было уходить. Но тут его осенила новая мысль.

– Если вы сочли наш разговор «дурными вестями», – промолвил он, – держу пари, вы нас довольно долго слушали.

– Да, – смиренно признал капеллан. – Это так. Мое внимание привлекло одно имя...

– Карвер?

– Нет: Уэллс. Кросби Уэллс.

– А что вам до Кросби Уэллса? – сощурился Балфур.

Капеллан замешкался. Правда заключалась в том, что он вообще не был знаком с Кросби Уэллсом, – и, однако ж, в течение двух недель после его похорон священник думал главным образом о нем и размышлял об обстоятельствах его смерти. Помолчав немного, он признал, что ему досталась печальная обязанность вырыть Уэллсу могилу и совершить над опущенным в землю гробом последний обряд, – но такое объяснение отнюдь не удовлетворило Томаса Балфура. Грузоперевозчик по-прежнему глядел на нового знакомого с явным недоверием и хищно сощурился, когда капеллан (который обычно под испытующим взглядом держался вполне невозмутимо) внезапно дрогнул и опустил глаза.

Капеллана звали – как обнаружит Уолтер Мади каких-нибудь девять часов спустя – Коуэлл Девлин. Он прибыл в Хокитику на клипере «Добродетель», взятом в аренду «Судоперевозками Балфура»: корабль привез, помимо разношерстных пассажиров, еще и лес, железо, разный крепеж, множество банок с краской, разнообразные галантерейные товары, несколько клеток со скотиной и огромное количество ситцев, а также пропавший ныне без вести грузовой контейнер с сундуком Алистера Лодербека, внутри которого ехала копия договора о купле-продаже барка «Добрый путь». «Добродетель» прибыла в Хокитику двумя днями раньше самого Алистера Лодербека; тем самым преподобный Коуэлл Девлин впервые оказался в Хокитике за два дня до смерти Кросби Уэллса.

Едва высадившись, он доложил о своем прибытии в полицейском управлении, и начальник тюрьмы Джордж Шепард сей же миг приставил его к делу. К своим официальным обязанностям Девлину предстояло приступить не раньше, чем достроят новую хокитикскую тюрьму на высоком уступе Сивью; а тем временем Девлин мог приносить посильную пользу в полицейском управлении как таковом и помогать в делах насущных работникам временной тюрьмы, где на тот момент содержались две женщины и девятнадцать мужчин. Девлину полагалось изо дня в день внушать им страх Божий и насаждать в их заблудших сердцах подобающее уважение к железному заграждению закона – или, по крайней мере, тюремщик так выразился. (Очень скоро Девлин обнаружит, что их с Шепардом педагогические представления радикально расходятся.) Совершив ознакомительную экскурсию по полицейскому управлению и с одобрением отозвавшись о стиле его работы, Девлин осведомился, не позволят ли ему обосноваться прямо в тюрьме, чтобы каждую ночь спать под одной крышей с преступниками и делить с ними хлеб насущный. Тюремщик воспринял эту идею с глубоким отвращением. Он не то чтобы ответил

решительное «нет», но помолчал, облизал губы бледным сухим языком и предположил, что Девлину лучше бы поселиться в одной из многих хокитикских гостиниц. Шепард также предостерег капеллана, что его ирландский акцент может навлечь на него разнообразные проявления политических чувств со стороны англичан, а соотечественники-ирландцы будут ожидать увидеть в нем собрата по католической вере. Под конец Шепард посоветовал ему осмотрительно выбирать знакомства и еще более осторожно – слова; к этому финальному заявлению присовокупил «добро пожаловать в Хокитику!» – и тут же с гостем распрощался.

Но на то, чтобы оплатить проживание в отеле на несколько месяцев вперед, у Коуэлла Девлина средств не доставало; кроме того, не в его привычках было разделять чей бы то ни было пессимизм насчет проявлений политических симпатий. Советов Шепарда он не послушался и предостережениям его не внял. Он приобрел стандартную палатку старателя, разбил ее футах в пятидесяти от береговой линии Хокитики и утяжелил коленкоровые карманы камнями. А затем вернулся на Ревелл-стрит, взял себе кружку легкого пива в самой битком набитой гостинице, какую только смог отыскать, и принялся представляться и англичанам, и ирландцам без разбора.

Коуэлл Девлин был во всех отношениях человеком, который «сделал себя сам», – но, поскольку этот эпитет редко употребляют по отношению к представителям духовенства, необходимо его здесь пояснить. Этот священнослужитель проживал настоящий момент, постоянно представляя и рисуя в воображении безмятежную фигуру будущего себя – таким, каким он вознамерился стать в один прекрасный день. Его теология тоже укладывалась в эту схему: он верил и надеялся и многим своим ученикам говорил об утопическом будущем, о мире, где ни в чем нет нужды. Проповедуя, он свободно смешивал язык предзнаменований с языком грез: в сознании Коуэлла Девлина реальность, какой он желал ее видеть, отнюдь не вступала в конфликт с реальностью как таковой. В характере кого-то иного такую склонность, возможно, назвали бы честолюбием, но идеальное представление Девлина о себе самом было непоколебимо и даже окрашено в мистические тона, а он давным-давно про себя решил, что всякому честолюбию он чужд. Как можно ожидать, он был подвержен приступам самого что ни на есть умышленного неведения и частенько оставлял без внимания наиболее горькие истины о природе человеческой, предпочитая те, что можно романтизировать с помощью фантазии либо воображения. Что касается этих последних талантов, тут Девлин не знал себе равных. Он был превосходным рассказчиком, а следовательно, успешным проповедником. Его вера, как и его представление о себе самом, отличалась цельностью, уравновешенностью и едва ли не всеведением в отдельных своих проявлениях – отчего, как уже отметил Балфур, он порою мог показаться чересчур самодовольным.

Четырнадцатого января в одиннадцать вечера – в день прибытия Алистера Лодербека в Хокитику – Коуэлл Девлин сидел по-турецки на полу хокитикской тюрьмы, беседуя с заключенными о святом Павле. Где-то ближе к закату полил дождь, и капеллан решил задержаться подольше в надежде, что ливень вот-вот стихнет: он в Хокитике еще не обжился и до поры не понимал упрямо-затяжного характера непогоды на побережье. Начальник тюрьмы работал в своем кабинете, его жена уже легла. Заключенные по большей части бодрствовали. Проповедь Девлина они слушали сперва вежливо, потом – с искренним интересом, а теперь, поощряемые капелланом, делились собственным опытом и философскими взглядами.

Девлин как раз гадал, не пора ли ему на боковую, и уже собирался с духом выйти на дождь, как вдруг с внутреннего двора донесся крик и в дверь громко постучали. Начальник тюрьмы, встряхнувшись, выбежал из кабинета в полотняном колпаке и с винтовкой в руках: такое сочетание должно было бы показаться смешным, но отчего-то не казалось. Девлин также поднялся и проследовал за Шепардом к двери. Они взгляделись в пелену дождя – и заметили у самой границы круга света, что ронял фонарь Шепарда, дежурного сержанта Эллиса Дрейка с женщиной на руках.

Шепард отворил дверь и пригласил сержанта заходить. Дрейк был жирным, гундосым парнем и звезд с неба не хватал; слышав его имя, всяк представлял себе не столько героя морских сражений, сколько самого обычного селянина, на которого сержант изрядно смахивал. Он втащил арестованную внутрь самым что ни на есть вульгарным способом – «ношей пожарника», то есть закинув на плечи, и без особых церемоний сбросил на пол.

А затем гнусаво доложил, что шлюха совершила либо общественное преступление, либо преступление против Господа; ее нашли в состоянии столь жалком и бессознательном, что трудно установить, идет речь об острой интоксикации или об умышленном причинении себе вреда, но он надеется (он приподнял шляпу), что за несколько часов, проведенных в тюрьме, дело прояснится. Сержант слегка подтолкнул бесчувственное тело носком сапога, словно подкрепляя тем самым свою мысль, и добавил, что инструментом ее преступления, по-видимому, послужил опий. Эта шлюха давно к нему пристрастилась; она частенько появлялась в общественных местах, будучи под явным его воздействием.

Начальник тюрьмы Шепард долго глядел на Анну Уэдерелл сверху вниз, следя, как пальцы ее сжимаются и хватают пустоту. Девлин, не желая нарушать здешние порядки каким-нибудь неуместным действием, ожидал вердикта тюремщика, хотя ему очень хотелось опуститься на колени и ощупать женщину, проверяя, сильно ли она пострадала. Священника крайне удручала мысль о попытке самоубийства: он считал, это самое страшное посягательство на душу, что только может совершить плоть. Трое мужчин неотрывно смотрели на шлюху, какое-то время все молчали. Затем Дрейк доверительно сообщил, что, если бы от него требовали конкретного обвинения, он бы предположил, что девица попыталась совершить преступление более чудовищное из двух; пусть начальник дождется, чтобы она в себя пришла, и сам ее расспросит. Шепард приподнял бесчувственную мисс Уэдерелл, как ему подсказали, усадил, прислонив к стене, и заковал в наручники. Затем удостоверился, что она может дышать и дыхание ее не слишком затруднено; справился с карманными часами и отметил, что час уже поздний. Девлин намек понял и надел пальто и шляпу, хотя, покидая тюрьму, он сочувственно оглянулся через плечо. Он бы предпочел, чтобы девушку устроили поудобнее. Но начальник тюрьмы уже пожелал ему доброй ночи, а в следующий миг дверь захлопнулась и в замке повернулся ключ.

Когда Девлин возвратился в полицейское управление назавтра поутру, Анна Уэдерелл все еще была без сознания; ее голова бессильно свесилась набок, рот слегка приоткрылся. На виске обозначился сине-фиолетовый синяк, скула болезненно опухла; это результат падения – или ее ударили? Но выяснять, что случилось, или расспрашивать начальника тюрьмы об обстоятельствах ареста девушки Девлину было некогда: обнаружилось, что ночью умер человек, и Девлина попросили сопровождать врача в долину Арахуры, помочь забрать останки покойного и, возможно, прочесть молитву-другую над телом. Умершего, как сообщил Шепард, звали Кросби Уэллс. По сведениям Шепарда, умер он своей смертью, от старости, немощи и пьянства; на данной стадии подозревать убийство причин не было. Уэллс, продолжал начальник тюрьмы, жил отшельником. Его запомнят как человека не злого и не доброго; знакомство с ним водили немногие, а родственников у него не осталось.

Капеллан и врач поднялись по взморью на север и, добравшись до устья реки Арахура, свернули вглубь острова. Хижина Кросби Уэллса, построенная в трех-четыре милих вверх по реке, самая что ни на есть простая по конструкции, представляла собою деревянную «коробку» под покатою крышей из кровельного железа, хотя Кросби Уэллс позволил себе немалую роскошь – в северной стене дома красовалось застекленное окно. Хижина хорошо просматривалась с Крайстчерчской дороги: она стояла на возвышении футов в двадцать над речным берегом, в окружении расчищенного участка земли.

В общем и целом жилище выглядело одиноким и заброшенным, тем более когда из комнаты вынесли завернутый в одеяла труп. Все поверхности были липкими, грязными, густо

покрытыми пылью. Валик в изголовье – весь в желтых пятнах, подушка подернулась плесенью. С балки свисал свиной окорок, растрескавшийся, маслянисто-засохший. По всему периметру выстроились пустые бутылки в оплетке. Бутылка на столе тоже стояла пустой; по-видимому, последнее, что покойный совершил в своей жизни, – это осушил сей сосуд, уронил голову на руки и уснул. В комнате нависал животный запах – запах одиночества, сочувственно подумал Девлин. Он опустился на колени перед плитой, выдвинул зольный ящик, намереваясь развести огонь и очистить комнату от запаха затхлости и тления, – и обнаружил лист бумаги, застрявший между решеткой и дном ящика.

По-видимому, кто-то (предположительно Уэллс) попытался сжечь документ, но закрыл дверцу плиты раньше, чем занялась бумага; лист лишь обуглился по краю, прежде чем провалиться сквозь щели колосника в нижний ящик, и почти не пострадал. Девлин вытащил его и обтряхнул пепел. Прочсть текст труда не составило.

В одиннадцатый день октября 1865 года сумма в две тысячи фунтов должна быть передана МИСС АННЕ УЭДЕРЕЛЛ, уроженке Нового Южного Уэльса¹⁴, МИСТЕРОМ ЭМЕРИ СТЕЙНЗОМ, уроженцем Нового Южного Уэльса, свидетелем чему выступает МИСТЕР КРОСБИ УЭЛЛС.

Напротив имени Уэллса стояла корявая подпись, а вот напротив второго имени так и осталось пустое место. Девлин изогнул брови. Тем самым документ был недействителен: ведь свидетель расписался раньше принципала, а принципал не расписался вообще.

Девлин вспомнил имя Анны Уэдерелл: это была та самая шлюха, которую доставили в тюрьму прошлым вечером, одурманенную опиумом. Он мгновение помешкал, нахмурился и внезапно сложил документ пополам и засунул между пуговицами под рубашку. И продолжил разводить огонь. Вернулся врач (он выходил задать корму лошадям); они посидели за чашкой чая, глядя сквозь застекленное окно на реку и на одетые облаками горы за нею. Снаружи лошади громко хрюпали содержимым торб и топотали копытами; на одеяле, накрывшем тело Уэллса, бисерным серебром поблескивала россыпь дождевых брызг.

Коуэлл Девлин не вполне понимал, что заставило его спрятать дарственную от врача, доктора Гиллиса. Может статься, на него так повлияла атмосфера безмолвия в доме умершего. Может статься, это сокрытие было своеобразным жестом уважения. А может, его любопытство пробудилось при виде имени Анны Уэдерелл – попытка самоубийства, найдена без сознания на Крайстчерчской дороге, – и он утаил документ из смутного желания защитить ее. Попивая чай, капеллан прокручивал в мыслях все эти вероятные сценарии. С доктором он так и не заговорил, тот тоже хранил молчание. Покончив с чаем, они помыли чашки, затушили огонь, закрыли дверь и вскарабкались в телегу, дабы доставить свой скорбный груз в полицейское управление Хокитики, где будет произведено вскрытие трупа.

Это было вполне в духе Коуэлла Девлина – не приписывать внятных мотивировок поступкам сомнительного характера, а вместо того пребывать в мечтательном замешательстве касательно своих побуждений в целом. Показательно было и то, что он не считал себя обязанным признаться в совершенном – ни тогда же, ни в течение последующих двух недель, потому что показал он похищенную дарственную лишь вечером 27 января, две недели спустя. Девлин считал себя человеком добродетельным, и эта самооценка оставалась перед лицом всех опровержений непоколебимой. Всякий раз, когда он поступал дурно или неблагоприятно, он просто-напросто отмахивался от этого воспоминания и обращал мысли к чему-то другому. По дороге обратно в Хокитику он ладонью прижимал документ к груди. Он нарушил молчание лишь для того, чтобы отметить: шторм разыгрался не на шутку; белопенные буруны с грохотом накатывали на берег совсем рядом с ними. Врач вообще не проронил ни слова. По воз-

¹⁴ Новый Южный Уэльс – штат в восточной части Австралии.

вращении в полицейское управление, когда тело Кросби Уэллса занесли внутрь, Девлин нерешительно подумал было, а не рассказать ли о дарственной начальнику тюрьмы Шепарду, но его отвлекла внезапная суматоха, и возможность была упущена. Как оказалось, Анна Уэдерелл начала приходить в себя.

Ее глаза задержались под веками, язык заворочался во рту; она что-то невнятно пробормотала. Жар, похоже, спал; на лбу и на носу выступили крупные капли испарины, а оранжевый шелк платья побурел у воротника и в подмышках. Девлин опустился на колени рядом с нею. Сжал ее ладони в своих – такие мягкие и нежные и совершенно ледяные на ощупь – и крикнул жене Шепарда принести воды.

Когда наконец девушка очнулась, казалось, она вырвалась из объятий смерти. Она запрокинула голову, завращала глазами, хрипло задышала. По-видимому, она сознавала, где находится, но остаточное действие опиума совсем ее измотало; у нее со всей очевидностью не осталось сил даже на то, чтобы удивиться. Она слабо попыталась высвободить руки; Девлин уступил. Он отметил, что ладони ее тотчас же легли на корсет, как если бы в животе у нее была колотая рана и она пыталась остановить кровь. Он заговорил, но девушка не ответила; вскоре она вновь закрыла глаза и погрузилась в сон. В другой части тюрьмы вспыхнула ссора, и Девлина призвали к исполнению его обязанностей; это и другие подобающие его сану дела поглощали его внимание вплоть до вечера.

В конце дня из здания суда явился секретарь – принять залог у тех злоумышленников, что смогли собрать нужную сумму. Заслышав новый голос, мисс Уэдерелл подняла темноволосую, взмокшую от жара голову и кивком подозвала чиновника.

(Секретарь тоже был новым лицом в городе: стройный, франтоватый, именем Гаскуан.) Шлюха вытащила промеж жалких косточек корсета несколько монет и вложила их, одну за одной, в протянутую ладонь. Девушку била крупная дрожь, глядела она униженно. Залог был зарегистрирован как внесенный, и начальник тюрьмы Шепард был обязан освободить девушку, что и сделал немедленно. На слушание ее дела в магистратском суде на следующий же день Девлин не пошел: ему поручили вырыть могилу для отшельника Кросби Уэллса. Позже он слышал, что девушка от защиты отказалась и, не споря, заплатила наложенный на нее штраф.

В день после похорон в хижине Кросби Уэллса было обнаружено золота на четыре тысячи фунтов: эта сумма ровно в два раза превышала названную в обгоревшей дарственной, которую Девлин с тех пор спрятал между страницами Библии, там, где заканчивался Ветхий Завет и начинался Новый. Но священник по-прежнему никому в том не признался и ни одной живой душе документ не предъявил. Он говорил себе, что, как только Анна Уэдерелл окрепнет – как только эпизод с неудавшимся самоубийством благополучно канет в прошлое, – он покажет дарственную ей, а на тот момент ему казалось разумным держать это знание при себе.

Теперь же, в обеденном зале гостиницы «Резиденция», Девлин положил руку на потрепанную кожаную обложку своей Библии, отмеченную лишь кентерберийским крестиком золотого тиснения. То был заградительный жест: пусть священник до поры и не знал, что вложенный внутрь документ, апокрифом втиснутый между Малахией и Матфеем¹⁵, окажется столь важен для Томаса Балфура, равно как и для разных прочих людей, но он ощущал необходимость хранить его в тайне. Он знал, что лист этот – дарственная на дар, так и не врученный, дополнение к завещанию, так и не составленному, – имеет некую ценность, и отчаянно не хотел с ним расставаться до тех пор, пока не поймет, какую именно.

– Рытье могил, – промолвил Балфур, снимая с крючка котелок и проводя пальцами вдоль полей. – Вот вам о чем почитать бы.

– Не знаю ни одного трактата на эту тему, – отозвался Девлин.

¹⁵ Т. е. между Книгой пророка Малахии (последней из Книг Ветхого Завета) и Евангелием от Матфея (первая из Книг Нового Завета).

– Ради вашего нового прихода, – продолжил Балфур, пропуская слова собеседника мимо ушей. – Очень пригодится.

Он надел шляпу, большим пальцем сдвинул ее со лба и повернулся уходить. У двери он замешкался:

– Не знаю вашего имени, преподобный...

– А я не знаю вашего, – парировал Девлин.

Повисла пауза – а в следующий миг Балфур рассмеялся, приподнял шляпу в знак уважения и вышел из залы.

* * *

Суббота в Хокитике была днем суматошно-деловым. Старатели толпами стекались в город, увеличивая общую численность населения почти до четырех тысяч человек, и шумливо и буйно заполняли дешевые мебелишки и гостиницы по Ревелл-стрит. Клерков магистратского суда захлестывала волна мелких исков и претензий по поводу прав на разработку, на торговцев обрушивались бессчетные заказы от богачей и ходатайства о кредите от бедняков, а на маклеров – залоги и задатки. Набережная Гибсона бурлила как улей: казалось, каждый час к месту приколачивают какой-нибудь деревянный каркас, навешивают новую дверь и новый магазин разворачивает вывеску – и полоса ткани надувается и хлопает под тасманским ветром. В субботу на колесе Фортуны можно было различить каждую спицу: люди поднимались все выше, выше, вот они уже достигли вершины, вот сорвались вниз, падают, упали, упокоились, – и тем вечером каждый старатель напивался либо от горя, либо от радости.

Сегодня, однако, проливной дождь разогнал с улиц почитай что всех: остались лишь самые стойкие, чьи дела не терпели отлагательств. Обычных толчеи и давки в Хокитике не наблюдалось. Несколько вымокших насквозь прохожих, что попались Балфуру по пути, жались под навесами гостиниц, прикрывая ладонями зажженные сигареты. Даже у лошадей вид был уныло-пораженческий. Они просто стояли, не двигаясь, во взболтанной жидкой грязи, с надежностью на морду отсыревшими кулками торб, и в полуприкрытых зазорах глаз не вспыхивало ни проблеска. Едва Балфур свернул на Ревелл-стрит, на него обрушился такой шквал дождя и ветра, что он вынужден был рукой прижать к голове шляпу. Согласно прогнозу погоды Саксби¹⁶, чьи сомнительные прорицания ежедневно публиковались в «Уэст-Кост таймс», ливень должен был прекратиться через один-три дня – Саксби предсказывал с размахом и позволял себе щедрый допуск на погрешность в ту или иную сторону. На самом-то деле специфика его колонки редко менялась: проливной дождь был столь же неотделим от самой природы Хоки-тики, как морозы и зной от Отаго или красная пыль от Викторианских холмов. Балфур ускорил шаг, плотнее запахиваясь в пальто свободной рукой.

На крытой веранде Резервного банка собралось десятка полтора людей, разбившись на группки по трое и четверо. Окна позади них подернулись жемчужно-серой дымкой. Балфур, щурясь под дождем, всмотрелся в лица, но никого знакомого не увидел. Рваная струйка дыма привлекла его взгляд вниз, к одиноко сидящей фигуре: под свесом карниза, спиной к сваям, на корточках устроился туземец-маори с сигарой в зубах.

Татуировка на его лице напомнила Балфуру карту ветрового режима. Две крупные спирали придавали полноту его щекам, от бровей к линии волос отходили лучи. Благодаря паре густых и темных завитушек с каждой стороны от ноздрей нос обретал почти надменную резкость. Губы были выкрашены в синий цвет. Одежда его состояла из сержевых брюк и твило-

¹⁶ *Стивен Мартин Саксби* – изобретатель одноименной системы предсказания погоды в Викторианскую эпоху, практиковал разновидность метеорологической астрологии, или псевдометеорологию – прогнозирование погодных условий на основе астрологических факторов.

вой рубашки апаш, расстегнутой на груди; на смуглой коже покоилась громадная подвеска – зеленый камень в форме лезвия топорика. Маори уже почти докурил свою сигару; при появлении Балфура он кинул окурочек на улицу, тот покатился по уклону и застрял, все еще дымясь, у влажной кромки травы.

– Парень, да ты ж тот самый маори! – воскликнул Балфур. – Напарник Кросби Уэллса. Туземец встретился взглядом с Балфуром, но не произнес ни слова.

– Как там, говоришь, тебя зовут? Звать тебя как?

– *Ko Te Rau Tauwhare toku ingoa*¹⁷.

– Чтоб мне пропасть, – буркнул Балфур. – Ты просто имя скажи. – Он свел ладони, изображая малое количество. – Просто имя, и все.

– Те Рау Тауфаре.

– Этого мне тоже не выговорить. – Балфур покачал головой. – А друзья тебя как зовут – твои белые друзья? Вот Кросби как тебя звал?

– Те Рау.

– Еще того не лучше, – вздохнул Балфур. – Дураком я буду, если попытаюсь такое произнести. А что, если я стану звать тебя Тед? Отличное британское имя, я считаю. Сокращенное от «Теодор» или «Эдвард», выбирай, что нравится. Эдвард – славное имечко.

Тауфаре не ответил ни словом.

– Я – Томас, – произнес Балфур, кладя руку на сердце. – Ты – Тед.

Он наклонился и потрепал Тауфаре по макушке. Тот вздрогнул, и Балфур, к вящему своему удивлению, тут же отдернул руку и отпрянул назад. Чувствуя себя распоследним идиотом, он выставил вперед ногу и засунул руки в карманы жилета.

– Тамати, – произнес Тауфаре.

– Чего-чего?

– На моем языке твоё имя звучит как Тамати.

– О, – с несказанным облегчением выдохнул Балфур. Он вытащил руки из карманов и, хлопнув в ладоши, скрестил их на груди. – Ты немножко говоришь по-английски – отлично!

– Я знаю очень много английских слов, – отозвался Тауфаре. – Мне говорили, я прекрасно владею вашим языком.

– Это Кросби тебя английскому подучил, Тед?

– Это я его учил, – возразил Тауфаре. – Я учил его *korero Maori*!¹⁸ Ты говоришь «Томас» – я говорю «Тамати». Ты говоришь «Кросби» – я говорю *korero mai*!¹⁹

Туземец усмехнулся, показав очень белые ровные зубы. По-видимому, это была шутка, так что Балфур на всякий случай улыбнулся в ответ.

– Языки мне никогда не давались, – заметил он, поплотнее кутаясь в пальто. – Мой старик всегда говорил: «Если это не английский, стало быть испанский». Тед, слушай: я страшно сожалею о твоём напарнике. О Кросби Уэллсе.

Тауфаре разом посерьёзшел.

– *Hei taumaharatanga*²⁰, – промолвил он.

– Да, точно, – отозвался Балфур, проклиная про себя стремление собеседника говорить непременно на родном языке, – чертовски оно неприятно. А теперь еще вся эта заваруха – ну, суэта вокруг наследства и все такое, и эта его жена. – И он выжидательно воззрился на Тауфаре сквозь дождь.

¹⁷ Меня зовут Те Рау Тауфаре (маори).

¹⁸ Говорить на языке маори! (маори)

¹⁹ Говори со мной! (маори)

²⁰ В памяти (маори).

– *He pouipati kakano rua*²¹, – промолвил Те Рау Тауфаре. Средним и указательным пальцем он дотронулся до подвески в виде топорика.

Видать, талисман какой-то, подумал Балфур; эти маори все с ними ходят. Кулон Тауфаре был размером почти с его ладонь и до блеска отполирован; сделанный из темно-зеленого камня со светло-зелеными разводами, он висел на шнурке, подогнанном так, чтобы узкая часть лезвия ложилась точно во впадину между ключицами.

– Слышь... – промолвил Балфур, тыкая пальцем в небо, – слышь, а где ты был, когда это случилось, Тед? Ты где был, когда Кросби умер?

(Может, этот парень подтолкнет его в нужном направлении; может, он чего-нибудь да знает. В городе с расспросами надо бы поаккуратнее, понятное дело, чтобы не возбудить лишних подозрений, но туземец-маори – вариант беспроегрышный; наверняка круг его знакомств очень и очень ограничен.)

Те Рау Тауфаре вскинул темные глаза на Балфура и придиричливо оглядел его с головы до ног.

– Ты вопрос понимаешь? – уточнил Балфур.

– Я понимаю вопрос.

Тауфаре отлично понимал, что Балфур расспрашивает про смерть Кросби Уэллса, а сам даже на похороны не пошел – на это жалкое подобие похорон, думал про себя туземец, передергиваясь от гнева и отвращения. Он понимал, что Балфур лишь худо-бедно изображает сочувствие, а сам даже шляпы не снял. Он понимал, что Балфур рассчитывает на какую-то выгоду: взгляд у него сделался хищным – так смотрят люди, предвкушая возможность заполучить что-то, ничего не дав взамен. Да, сказал себе Тауфаре, вопрос он понял.

Те Рау Тауфаре еще не исполнилось тридцати. Мускулистый красавец, он держался с уверенностью и энергией юности, что бурлит и ищет выхода; пыль в глаза он не пускал, но всем своим видом давал понять, что поразить или запугать его никому не удастся. Ему было присуще тайное, глубоко личное высокомерие, надежная основа уверенности в себе, что не нуждается ни в доказательствах, ни в объяснении, ибо, хотя он снискал себе славу воина и уважение своего племени, его представление о себе самом складывалось не из собственных достижений. Он просто знал про себя, что его красота и сила не имеют равных, знал, что превосходит многих других.

Такая самооценка Тауфаре изрядно тревожила: ему казалось, она свидетельствует о бездуховности. Он знал, что определенность самовосприятия – это признак ограниченности, а внешняя оценка вовсе не показатель подлинного достоинства, и, однако же, от самоуверенности избавиться не мог. Это его беспокоило. Тауфаре опасался, что он лишь декоративное украшение, скорлупка без ореха, пустая ракушка, что его мнение о себе самом – не что иное как тщеславие. Так что он приучил себя к жизни духовной. Он искал мудрости предков, чтобы усомниться наконец в себе. Как монах тщится преодолеть меньшие потребности плоти, так Те Рау Тауфаре тщился обуздать меньшие проявления воли – но невозможно подчинить себе волю, никак ее не изъявляя. Тауфаре так и не удалось достичь равновесия: научиться уступать своим порывам, одновременно борясь с ними.

Тауфаре принадлежал к племени поутини-нгаи-таху – народу, что некогда владел всем западным побережьем Южного острова, от отвесных скал южных фьордов до пальмовых и каменистых пляжей дальнего севера. Шесть лет назад Корона приобрела эту обширную полосу земли за три сотни фунтов, оставив поутини-нгаи-таху лишь реку Арахура, несколько участков по ее берегам и небольшой земельный надел в Мафере²², в устье реки Грей. На тот момент усло-

²¹ Букв. «двуслойный нефрит»: это присловье из языка маори может употребляться по отношению к человеку, чье настроение переменчиво, либо к человеку двуличному и лицемерному.

²² *Мафера* (досл. «устье широкой реки») – маорийское название города Греймут в районе Уэст-Коста на западном побережье острова Южный.

вия показались народу поуитини-нгаи-таху несправедливыми; теперь, шесть лет спустя, маори знали твердо: сделка явилась откровенным грабежом. Тысячи и тысячи старателей с тех пор слетелись на побережье на поиски драгоценного металла, и каждый купил лицензию на добычу золота за фунт и землю по десять шиллингов за акр. Прибыль уже немалая, а что говорить о ценности самого золота, которое таилось в реках и смешивалось с песком, – его колоссальную совокупную стоимость пока еще даже и не исчислили! Всякий раз, как Тауфаре задумывался о богатстве, которое должно было бы достаться его народу, у него в груди вскипал гнев – гнев такой жгучий и невыносимый, что он давал о себе знать острой болью.

Так что Короне, а не поуитини-нгаи-таху Кросби Уэллс заплатил свои пятьдесят фунтов, когда приобрел сто акров холмистой земли в восточном конце долины Арахуры – участок, густо заросший деревом тотара²³ (их мелкозернистая древесина хорошо поддавалась ножу и не разрушалась под воздействием соли и непогоды). Уэллс остался доволен покупкой. Две страсти, две любви подчиняли себе его жизнь: упорный труд и награда за таковой – виски, если удавалось его раздобыть, а если нет, то джин. Он поставил однокомнатную хижину с видом на реку, расчистил участок для сада и принялся строить лесопилку.

Те Рау Тауфаре частенько навещался в долину Арахуры, ведь он промышлял добычей *роупати*²⁴, а река Арахура была богата этим сокровищем – гладким молочно-серым камнем, что, будучи расколот, являл глазу стеклито-зеленое, тверже стали нутро. Тауфаре считался опытным резчиком, иные даже говорили – превосходным, но вот отыскивать камень на дне реки умел воистину виртуозно: здесь ему равных не было. Снаружи *роупати* выглядит настолько же тускло и заурядно, насколько ярко искрится внутри. Тауфаре, с его наметанным глазом, не нужно было ни скрести, ни раскалывать камни на речном берегу; он доставлял их в Маферу неприкосновенными – дабы благословить и разбить их, соблюдая торжественный ритуал.

Участок, приобретенный Кросби Уэллсом, граничил с землей поуитини-нгаи-таху – или, правильнее будет сказать, примыкал к тому земельному наделу, что с недавнего времени стал для поуитини-нгаи-таху последним оплотом. Как бы то ни было, очень скоро Те Рау Тауфаре столкнулся с Кросби Уэллсом, пойдя на стук топора, что звонким эхом прокатывался по долине из конца в конец: это Уэллс рубил дерево на растопку. Завязалось душевное знакомство, и встречи участились; со временем Тауфаре стал навещать Кросби Уэллса в его хижине всякий раз, когда оказывался в тех краях. Как выяснилось, Уэллс увлеченно изучал жизнь и культуру маори – так что посещения Тауфаре стали традицией.

Те Рау Тауфаре не упускал возможности просветить других касательно тех качеств, что лучше всего его характеризовали, и уж тем более – когда аудитория принималась нахваливать те стороны его личности, в которых он втайне сомневался, а именно его *таури*²⁵, его дух, его религию и его глубину. На протяжении многих месяцев Кросби Уэллс неустанно расспрашивал Тауфаре о его убеждениях и верованиях – как человека, и как маори, и как маори из племени нгаи-таху. Он признался, что Тауфаре – первый неевропеец, с которым ему довелось разговаривать; тем самым его любопытство было во всем сродни жажде. Тауфаре, надо отметить, за это время узнал о Кросби Уэллсе не так уж и много: тот редко заговаривал о своем прошлом, а Тауфаре не привык задавать много вопросов. Однако ж он видел в Кросби Уэллсе родственную душу и частенько это повторял, ибо, как все глубоко уверенные в себе люди, Тауфаре с удовольствием сравнивал себя с другими и такого рода сравнения воспринимал как самые что ни на есть искренние комплименты.

²³ *Подокарп тотара* – новозеландское вечнозеленое хвойное дерево с красной древесиной.

²⁴ Зеленый камень, т. е. нефрит (маори).

²⁵ Природа, жизненный принцип (маори).

Наутро после смерти Кросби Уэллса Тауфаре явился в хижину со снедью в подарок: так уж у них повелось, туземец приносил пищу, Уэллс выставлял выпивку, и такая договоренность устраивала обоих. На расчищенном пространстве перед хижинкой Уэллса он увидел отъезжающую телегу. Правил лошадьми хокитикский врач, доктор Гиллис, рядом сидел тюремный капеллан Коуэлл Девлин. Тауфаре никого из этих людей не знал, но вот взгляд его скользнул к телеге, и он заметил знакомую пару сапог, а под сложенным вдвое одеялом распознал знакомую фигуру. Тауфаре вскрикнул, потрясенно выронил подарок на землю; капеллан, сжалившись над ним, предложил туземцу сопроводить останки друга обратно в Хокитику, где тело готовят к погребению и предадут земле. Впереди, на месте возницы, Тауфаре уже не втиснется, но он может ехать на задке телеги, если не забудет вовремя подбирать ноги.

Хозяева гостиниц и владельцы лавок, стоя в дверях вдоль Ревелл-стрит, провожали глазами телегу, что с грохотом въехала в Хокитику и свернула на главную дорогу. Кто-то побежал следом, жадно разглядывая Те Рау Тауфаре, – а тот отрешенно, обмякнув всем телом, таранился по сторонам. Одной рукой он вяло обхватил Уэллса за лодыжку. Телега то и дело крепилась, труп перекашивался туда-сюда и подпрыгивал. Когда наконец показалось полицейское управление, Тауфаре не двинулся с места. Он так и остался сидеть, выжидая и по-прежнему придерживая Уэллса за лодыжку, пока остальные совещались.

Хокитикский бондарь согласился сколотить к похоронам сосновый гроб и соорудить круглое деревянное надгробие, на котором напишет краской имя Кросби Уэллса и две даты, между которыми пролегла его жизнь. (Насчет точного года рождения никто не был уверен, но на чистом листе в начале его Библии чернилами было вписано «1809»: как дата рождения это число выглядело вполне убедительно – тем самым Кросби Уэллсу оказывалось пятьдесят семь лет; именно эту цифру бондарь намеревался увековечить на деревянном надгробии.) А до тех пор, пока эти два заказа не будут выполнены и пока не выроют могилу, начальник тюрьмы распорядился положить тело Кросби Уэллса на полу его личного кабинета в полицейском управлении, подстелив лишь миткалевую простыню.

Когда же тело было убрано, а руки крестом сложены на груди, тюремщик вывел всех из комнаты и закрыл дверь, и коридор мягко заколыхался. Внутренние стены тюрьмы были из узорчатого ситца, туго натянутого и приколотенного гвоздиками к каркасу здания, и, когда балки скрипели под ветром или смещались от чьих-то тяжелых шагов или громкого хлопанья двери, стены разом вздрагивали, шли рябью, точно водная гладь, – так что стоило им затрепетать, и на ум сразу приходил двухдюймовый зазор между двойной тканью, это мертвое пространство в остовах здания, забитое пылью и испещренное движущимися тенями тех, кто находится в соседней комнате.

Кому-то надо побыть с ним, настаивал Тауфаре. Нельзя же бросить Уэллса одного, на холодном полу, чтобы там и свечи не горело, чтобы никто над ним не дежурил, не касался его, не молился над ним, не молился за него, не пел. Тауфаре попытался объяснить принципы *tangi*²⁶, вот только это были не принципы, а обряды, слишком священные, чтобы их объяснять или оправдывать: то, как следует поступать, как поступать должно. Пока тело не предано земле, дух еще не вполне его покинул, убеждал Тауфаре. Есть песни, есть молитвы... Начальник тюрьмы отчитал его, назвал язычником. Тауфаре разозлился. Кто-то должен побыть с ним до похорон, настаивал туземец. Я побуду. Кросби Уэллс был мне другом, был мне братом. Кросби Уэллс, парировал тюремщик, был белым, и, если только игра теней не ввела меня в заблуждение, никакой он тебе не брат. Похороны назначены на утро вторника; хочешь принести пользу, так помоги копать могилу.

Но Тауфаре остался. Он бдел на крыльце, а потом в саду, а потом в проулке между домиком начальника тюрьмы и полицейским управлением, и отовсюду его прогоняли. Наконец

²⁶ Оплакивание, погребальный обряд (маори).

Шепард вышел из тюрьмы, сжимая в руке пистолет с удлиненной рукояткой. Он пригрозил, что пристрелит Тауфаре, если еще раз увидит его в пределах пятидесяти ярдов от управления в любой час дня и ночи до того, как останки Кросби Уэллса предадут земле, помогут ему Бог. Так что Тауфаре отошел на пятьдесят ярдов, отсчитывая шаги, и уселся перед деревянным фасадом банка «Грей энд Буллер». С этого расстояния он нес стражу над телом своего старого друга и говорил ему слова любви в ту, последнюю ночь, прежде чем отлетит его дух.

– Когда Кросби умер, я был на Арахуре, – промолвил Тауфаре.

– Ты был в долине? – уточнил Балфур. – Ты был там, когда он умер?

– Я ставил ловушку на кереру, – объяснил Тауфаре. – Ты кереру знаешь?

– Птица какая-то, да?

– Да, очень вкусная. На жаркбе хороша.

– Допустим.

С Балфурова котелка закапало. Он снял его, выбил о ногу. Костюм его уже потемнел от серого до промокшего угольно-черного. Сквозь полупрозрачную рубашку просвечивала розовая кожа.

– Я ставил ловушку на закате, чтобы птицы поймались утром, – рассказывал Тауфаре. – Сверху, с хребта, дом Кросби хорошо виден. Тем вечером туда заходили четверо.

– Четверо? – повторил Балфур, вновь надевая шляпу. – А не трое? Один – на черном жеребце, высокий такой, и с ним еще двое, пониже, оба на гнедых кобылах? Это ж Алистер Лодербек и с ним Джок и Огастес. Эти люди обнаружили тело и сообщили в полицию.

– Я видел троих верховых, да, – неспешно кивнул Тауфаре. – Но еще раньше я видел одного пешего.

– Одного пешего – так! Ты ведь не врешь, правда, Тед? – внезапно заволновался Балфур. – Да, ей-богу, не врешь!

– Я не встревожился, – продолжал Тауфаре, – потому что я ж думать не думал, что Кросби Уэллс умер той ночью. Я о его смерти только утром узнал.

– Какой-то человек вошел в хижину один! – воскликнул Балфур. Он принялся расхаживать туда-сюда. – Еще *до* Лодербека! *До* прибытия Лодербека!

– Ты хочешь знать имя?

Балфур крутнулся на одной ноге.

– А ты знаешь, кто это был? – Он едва не кричал. – Боже милосердный, ну конечно! Говори скорей!

– Сторгуемся, – тотчас же отозвался Тауфаре. – Я назначу свою цену, дальше слово за тобой. Один фунт.

– Ты торговаться вздумал? – удивился Балфур.

– Один фунт, – повторил Тауфаре.

– Минуточку! – возразил Балфур. – Ты видел, как в хижину Уэллса в день его смерти вошел какой-то человек – именно в день его смерти, две недели назад? Ты действительно кого-то видел? И ты знаешь – знаешь совершенно точно, – кто это был?

– Я знаю имя, – заверил Тауфаре. – Я знаю человека. Без обмана.

– Без обмана, – согласился Балфур. – Но прежде чем я заплачу, я хочу удостовериться, что ты его действительно знаешь. Хочу быть уверен, что ты меня не разыгрываешь. Крупный такой тип, да? Волосы темные?

Тауфаре скрестил руки.

– Играем по-честному, – промолвил он. – Без обмана.

– Конечно по-честному, – заверил Балфур. – А как же.

– Сторгуемся. Я назначил свою цену: один фунт. Слово за тобой.

– Плотный такой, коренастый – да? Крепко сбитый? Я просто проверяю, понимаешь. Хочу убедиться, что ты мне не врешь. А тогда и сторгуемся. А то, может, это *ты* меня за нос водишь.

– Один фунт, – упрямо повторил Тауфаре.

– Это ведь Фрэнсис Карвер был, верно, Тед? Правильно? Это был Фрэнсис Карвер, капитан корабля? Капитан Карвер?

Балфур, конечно же, сказал наугад, но, похоже, попал в цель. Тауфаре оскорбленно вззрился на него и шумно выдохнул.

– Я предупреждал: без обмана, – укоризненно промолвил он.

– Так я ж не обманывал, Тед, – оправдывался Балфур. – Я просто сам это знал, понимаешь. Я просто забыл. Конечно же, в тот день Карвер побывал в хижине Кросби Уэллса. Это ведь он был, правда? Капитан Карвер? Ты ведь его видел? Ну, говори же – это ведь никакой не секрет, раз я и без того знаю.

Балфур жадно вгляделся в лицо собеседника, ища подтверждения.

Крепко сжав зубы, Тауфаре пробормотал едва слышно:

– *Ki te tuohu koe, me taunga teitei*²⁷.

– Что ж, Тед, ты мне сослужил чертовски добрую службу, и я в долгу не останусь, – заверил Балфур. К тому времени он уже промок насквозь. – Сам знаешь, если ж мне что-то понадобится, я к тебе приду, ни к кому другому. Тогда и подзаработаешь.

Тауфаре вздернул подбородок.

– Тебе нужен маори, – проговорил он, и это прозвучало утверждением, не вопросом. – Понадобится маори, приходи ко мне. За поденную работу я не берусь. Но если тебе нужен язык, я тебя многому научу.

О своем таланте резчика Тауфаре не упомянул. Он в жизни не продавал *роупати*. Не продавал и продавать не станет. Потому что нельзя назначить цену сокровищу, так же как нельзя за деньги купить *мана*²⁸ или торговаться с богами. Золото – не сокровище, это Тауфаре знал. Золото – оно как любой капитал, памятью не обладает: оно течет все вперед и вперед, прочь от прошлого.

– Ладно, но руку-то ты мне пожмешь, нет? – Балфур сжал сухую ладонь туземца в своей влажной ручище и энергично ее потряс. – Вот и молодчина, Тед – молодчина!

Но Тауфаре по-прежнему глядел крайне недовольно и поспешил высвободить руку, как только смог. Балфур испытал легкий укол сожаления. Не стоит настраивать парня против себя – в этом деле еще столько всего непонятного, подумал он. Есть шанс, что свидетельства Тауфаре в один прекрасный день понадобятся; есть шанс, что он знает что-нибудь об отношениях между Кросби Уэллсом и Фрэнсисом Карвером, в чем бы уж они ни заключались, – или между этими двумя и Лодербеком, если уж на то пошло. Да, надо бы туземца задобрить. Балфур пошарил в карманах. Наверняка найдется мелочь, сувенир какой-нибудь. Маори обожают сувениры. Пальцы нащупали шиллинг и монету в шесть пенсов. Балфур достал шестипенсовик.

– Вот, – сказал он. – Получишь вот это, если скажешь мне что-нибудь на языке маори. Как ты Кросби Уэллса учил. Идет, Тед? И мы заключим сделку, как ты хотел. Хорошо? И будем друзьями. Так что жаловаться тебе не придется.

Балфур вложил серебряную монетку в ладонь туземца. Тауфаре поглядел на нее.

– А теперь скажи... – Балфур потер руки. – А что значит... что значит «Хокитика»? Хокитика. Одно-единственное слово, все, о чем спрашиваю. Между прочим, цена хорошая, шесть пенсов за одно слово! По мне, так сплошная выгода!

²⁷ Если тебе суждено споткнуться, так пусть о высокую гору (маорийская пословица).

²⁸ Духовная, сверхъестественная сила, заложенная в человеке, предмете или месте (*маори*).

Те Рау Тауфаре вздохнул. Хокитика. Он понимал смысл, но вот перевести – не мог. Между двумя языками, английским и маори, такое частенько случается: слова одного языка не находят идеального соответствия в другом; нет у белых людей в точности такой травки, как *puha*²⁹, нет у белых людей такого хлеба, что напомнил бы *rewena pararoa*³⁰: при всей схожести аромата что-то всегда приближено, что-то выдуманно, а что-то теряется. Вот Кросби Уэллс это сознавал. Те Рау Тауфаре учил его *korero Maori*, вообще не используя английского: им в помощь были пальцы и выражения лиц, а когда Те Рау говорил что-то, чего Кросби Уэллс не понимал, звуки омывали его, словно молитвы, пока их значение не прояснялось, и тогда он мог заглянуть внутрь слова.

– Хокитика, – повторил Балфур. Он вытер мокрое от дождя лицо. – Ну же, приятель.

Наконец Тауфаре поднял палец и нарисовал в воздухе кружок. Когда кончик ногтя вернулся к исходной точке, он резко ткнул пальцем, обозначая место возврата. Однако ж нельзя отметить какую-то определенную часть круга, подумал он; отметить часть круга – значит разорвать его, так что кругом он уже не будет.

– Понимай вот так, – проговорил он, сожалея, что вынужден произносить слова на английском и определять существительное столь приблизительно. – Вокруг. А потом назад, к началу.

* * *

По субботам в полдень в Резервном банке всегда былолюдно. Здесь толпились старатели, держа в горстях золото; равноплечные рычажные весы, позвякивая, поднимались и опускались, драгоценный металл взвешивали и учитывали; младшие служащие бегали в архивы и обратно, сверяясь с документами на участки, отмечая выплату налоговых сумм, принимая гонорары. Вдоль стены, что выходила на улицу, выстроились четыре огражденные решеткой кабинки, где сидели служащие банка; над ними висела черная доска в золоченой раме – на ней писали недельное количество добытой руды, с подытогами по округам и суммарным итогом по району Хокитики в целом. Всякий раз, когда покупалась или помещалась в банк сумма в необработанном золоте, меловые цифры стирались и подытоживались заново – обычно под одобрительный гул собравшихся в зале, а порою, если сумма оказывалась впечатляющей, то и под аплодисменты.

Когда Балфур вошел в банк, внимание толпы было сосредоточено не на доске с цифрами, но на длинном столе напротив, где скупщики золота, опознаваемые по ярким медным футлярам на поясе, придирчиво осматривали предложенную к продаже руду. Скупщик работал медленно и неспешно. Он взвешивал в руке каждый из самородков, царапал и проверял металл на наличие примесей и рассматривал сквозь ювелирную лупу. Если металл был просеян, скупщик фильтровал его через матерчатые сита, проверяя, не смешаны ли чешуйки с песком или гравием, а порою стряхивал блестящий порошок в емкости с ртутью, убеждаясь, что металлы взаимодействуют как надо. Когда скупщик наконец объявлял, что золото чистое и подлежит оценке, старатель подходил поближе и называл свое имя. Тогда равноплечные весы бывали заново откалиброваны, так чтобы коромысло располагалось параллельно столу, и скупщик засыпал старательское золото в левую чашу. В правую чашу скупщик добавлял цилиндрические гирьки, одну за одной, пока наконец коромысло не начинало крениться, и вот чаша с золотом вздрагивала – и повисала в воздухе.

В то утро скупщик был только один – магнат с прилизанными волосами, в светло-зеленой охотничьей куртке и при желтом галстуке; это кричащее сочетание недвусмысленно выдавало

²⁹ Осот (*Sonchus arvensis*, *Sonchus oleraceus*) (маори).

³⁰ Традиционный хлеб туземцев-маори, делается на картофельных дрожжах.

бы в нем богача, даже если бы дела он вел один, безо всякой поддержки. Но тут же дежурил «золотой эскорт» Хокитики. Маленькая армия, одетая в мундиры инфантерии из десяти человек, надзидала за каждой куплей-продажей желтого металла. Позже они проследят за переносом слитков в бронированный фургон и обеспечат благополучную отправку золота с побережья. Охранники выстроились в ряд позади скупщика и по обе стороны от стола, за которым тот работал; каждый был вооружен массивной блестящей винтовкой «снайдер-энфилд» калибра 14,7 миллиметра и самого современного дизайна. Заряжалась она патронами длиной с указательный палец, такая пуля способна разнести человеческую голову в кровавое месиво. Балфур повосхищался «снайдер-энфилдом», когда эту модель впервые завезли в город, но сейчас при виде десяти вооруженных человек в этом замкнутом пространстве неуютно поежился. Зал был битком набит; сомнительно, чтобы кто-то из охранников сумел бы в такой тесноте вскинуть винтовку к плечу, не говоря уже о том, чтобы выстрелить.

Балфур протолкался сквозь толпу старателей к кабинкам банковских служащих. Большинство собравшихся довольствовались ролью зрителей и охотно перед ним расступались; так что очень скоро Балфур уже стоял в зарешеченной кабинке лицом к лицу с молодым служащим в полосатой рубашке и аккуратно сколотом шейном платке.

– Доброе утро.

– Мне хотелось бы узнать, приобретал ли когда-либо некий Фрэнсис Карвер право на добычу золота в Новой Зеландии, – проговорил Балфур.

Он снял шляпу и пригладил назад влажные волосы – никакой осязаемой пользы этот жест не принес, потому что ладонь тоже была мокра насквозь.

– Фрэнсис Карвер, он же капитан Карвер?

– Он самый, – кивнул Балфур.

– Я вынужден поинтересоваться: кто вы такой и почему запрашиваете эти сведения?

Банковский служащий говорил спокойно и невозмутимо, негромким, мягким голосом.

– Этот человек – владелец корабля, а я занимаюсь судоперевозками, – отвечал Балфур без запинки, вновь надевая шляпу. – Мое имя Том Балфур. Я подумываю о том, чтобы основать дочернее предприятие – по торговле чаем, перевозки от Кантона и обратно. Пока оно все на стадии прикидок. Я хочу узнать о Карвере больше, прежде чем сделаю ему деловое предложение. Во что вложены его деньги. Не случалось ли ему обанкротиться. Такого рода подробности.

– Думаю, вам стоило бы спросить самого мистера Карвера, – произнес банковский служащий все тем же нейтральным тоном, так что замечание прозвучало не грубостью, но любезно-небрежным комментарием. С тем же успехом он мог пройти на улице мимо сломавшегося фургона и учтиво отметить, что починить ось – это пара пустяков.

Балфур объяснил, что в данный момент Карвер находится в плавании и связаться с ним никак невозможно.

Чиновника это оправдание, по-видимому, не удовлетворило. Он внимательно изучил собеседника, тронул пальцем нижнюю губу. Но, вероятно, новых возражений к тому, чтобы выполнить запрос Балфура, не нашел. Он кивнул, пододвинул к себеgrossбух, сделал запись тонким четким почерком. Промокнул страницу (без особой необходимости, подумал про себя Балфур, ведь grossбух остался открытым), вытер кончик пера кусочком мягкой кожи.

– Подождите здесь, пожалуйста, – попросил он. Нырнул в низкий дверной проем, за которым находилось что-то вроде прихожей, и вскоре вернулся с увесистой папкой в кожаном переплете и с буквой «К» на корешке.

Балфур побарабанил пальцами. Банковский служащий нажал на зажим и открыл папку. Посетитель между тем пристально разглядывал его сквозь прутья решетки.

Что за разительный контраст являл этот юнец по отношению к достопамятному туземцу-маори на улице! Возрастом эти двое не сильно отличались, но если Тауфаре был мускулист, напряжен и горд, то этот молодой человек – по-кошачьи томен; двигался он с изнеженной

небрежностью, как если бы не видел необходимости расходовать силы на скорость и проворство, да и сберечь их нужды не видел. Сложения он был худощавого, темно-русые длинные волосы чуть вились на концах; он стягивал их ленточкой на затылке на манер китобоя. Лицо у него было округлое, глаза широко посажены, губы полные, зубы кривые и довольно крупный нос. Эти черты совокупно выражали честность и одновременно беспечность, ну а беспечная небрежность, которая требует многого, но источник свой назвать отказывается, становится разновидностью элегантности. Именно так Балфур собеседника и воспринял: как юношу весьма элегантного.

– Вот смотрите, – промолвил наконец банковский служащий, указывая на нужную страницу. – Видите: Карсвелл. А дальше – Кассиди. Ваш человек здесь не значится.

– То есть у Фрэнсиса Карвера нет лицензии на золотодобычу.

– Нет, в Кентербери нет. – Банковский служащий с глухим стуком захлопнул папку.

– А как насчет отагского сертификата?

– Боюсь, для этого вам нужно будет съездить в Данидин.

Расспросы зашли в тупик. В истории Лодербека золото из упаковочного ящика было (предположительно, конечно!) добыто в Данстане, а это отагский прииск.

– А на отагских золотоискателей вы, значит, документацией не располагаете? – разочарованно спросил Балфур.

– Нет.

– А если бы он приехал с отагскими документами? На таможне ведь была бы сделана соответствующая отметка – на момент его прибытия?

– На таможне – нет, – покачал головой банковский служащий. – Но если бы он намыл тут песка, ему бы пришлось его подсчитать и взвесить перед отъездом. Нельзя вывозить золото в другую провинцию или вообще из страны, не задекларировав его должным образом. Так что он пришел бы сюда. Мы бы попросили предъявить старательскую лицензию. И сделали бы пометку в этой самой книге, что он работает по документам Отаго, но на участке Хокитики. Однако никаких записей у нас нет, следовательно, как я только что сказал, можно с уверенностью предположить, что в здешних окрестностях он не старательствовал. А старательствовал ли в Отаго, я понятия не имею.

Банковский служащий говорил со сдержанной тревогой бюрократа, которого попросили объяснить какую-то рутинную подробность бюрократии, раз уж он ее рабочее колесико: он сдержан – поскольку чиновник всегда утешается доказательством собственной компетентности, а встревожен – поскольку необходимость в объяснении словно бы подрывала неким непостижимым образом систему, изначально наделившую его этой компетентностью.

– Ладно, – кивнул Балфур. – Тогда еще одно. Мне необходимо знать, не владеет ли Карвер долей в каком-либо золотодобывающем предприятии или, может быть, купил акции какого-нибудь частного участка.

В кротком лице чиновника промелькнула тень сомнения. Краткую долю секунды он молчал, и вновь показалось, будто он пытается измыслить повод отклонить просьбу Балфура, объявить ее неправомерной или выяснить, что за причина стоит за его расспросами. Он взирал на Балфура взглядом весьма проницательным, при всей его мягкости, – и Балфур, который всегда чувствовал себя неуютно под придиричивым осмотром, сердито хмурился. Но, как и в первый раз, банковский служащий взялся исполнить поставленную перед ним задачу. Он сделал очередную запись в гроссбухе, промокнул ее и, вежливо извинившись, отправился разбираться с новым запросом.

Возвратился он с выписками по паям и акциям – и явно взволновавшись не на шутку.

– Фрэнсис Карвер в самом деле задействован в этой области, – сообщил чиновник. – Портфелем ценных бумаг это не назовешь; тут только один участок. Похоже на частное согла-

шение. Карвер ежеквартально получает доход в размере пятидесяти процентов чистой прибыли с данного прииска.

– Пятьдесят процентов! – охнул Балфур. – А участок только один: ну надо же какая самонадеянность! И когда же совершена покупка?

– Судя по нашим записям, в июле шестьдесят пятого года.

– Так давно! – (Полгода назад! Получается, уже после продажи «Доброго пути»?) – А участок-то чей? Кто там владелец?

– Прииск зовется «Аврора», – сообщил банковский служащий, очень четко проговаривая название. – Владелец и разработчик...

– Эмери Стейнз, – dokonчил за него Балфур, кивая. – Да, я знаю это место – по дороге на Каньер. Отличные новости! Стейнз – мой хороший друг. Я потолкую с ним лично. Большое вам спасибо, мистер... э-э-э?

– Фрост.

– Большое вам спасибо, мистер Фрост. Вы мне чрезвычайно помогли.

Но чиновник глядел на Балфура как-то странно.

– Мистер Балфур, – промолвил он, – вы, должно быть, еще не слышали...

– Что-то не так со Стейнзом?

– Да.

Балфур напрягся:

– Он мертв?

– Нет, – покачал головой Фрост. – Он пропал.

– Что? Когда?

– Две недели назад.

Глаза Балфура округлились.

– Мне страшно жаль сообщать вам дурную весть, *если* вы и впрямь с ним в близкой дружбе.

Интонационную подначку Балфур пропустил мимо ушей.

– Пропал две недели назад! – повторил он. – И никаких разговоров по этому поводу? Почему я ничего не слышал?

– Уверяю вас, разговоров предостаточно, – отозвался Фрост. – На этой неделе в рубрике «Пропавшие без вести» сообщение каждый день печатают.

– Я частных объявлений никогда не читаю, – посетовал Балфур.

(Ну да, конечно; за последние две недели он неотлучно состоял при Лодербеке, разъезжал с ним по побережью вверх и вниз, помогая знакомиться с избирателями, и в «Коринфянина», где имел обыкновение посидеть вечером за кружкой пива и обменяться местными новостями с прочими горожанами, не заходя в).

– Может, он месторождение нашел, – предположил Балфур. – А что, глядишь, в этом-то и дело. Может, Стейнз наткнулся на богатую жилу где-нибудь в буше, и молчок – размечает втихаря участок.

– Может быть, – учтиво согласился банковский служащий, не прибавив к тому ни слова. Балфур пожевал губу.

– Пропал! – повторил он. – Ничего не понимаю!

– Я склонен думать, что эта новость покажется весьма важной вашему партнеру, – отметил Фрост, разглаживая страницу гроссбуха ладонью.

– Какому еще моему партнеру? – осведомился Балфур встревоженно; ему подумалось, что чиновник имеет в виду Алистера Лодербека, чье имя он постарался не упоминать.

– Ну как же – мистеру Карверу, – заморгал Фрост. – Ваш предполагаемый партнер в будущем, как вы только что меня уведомили, сэр. Мистер Карвер и мистер Стейнз имели сов-

местное капиталовложение. Так что если мистер Стейнз мертв... – Чиновник пожал плечами, не докончив фразы.

Балфур сощурился. Его собеседник, по-видимому, намекал, пусть и туманно, на то, что Карвер каким-то образом причастен к исчезновению Эмери Стейнза... причем доказательствами банковский служащий, конечно же, не располагал. В отношении Фроста к ситуации сомневаться не приходилось, и, однако ж, он не сказал ничего такого, за что его можно было бы призвать к ответу. Тон его голоса подразумевал, что Карвер ему не по душе, хотя на словах чиновник вроде бы выражал сочувствие насчет его возможных убытков. Балфур уже почти возмутился малодушностью этаких уверток, но вовремя вспомнил, что и сам притворяется. Он вовсе не собирался вступать с Карвером в партнерство, так что защищать его в споре нужды не было.

Но тут юный Фрост подавил улыбку, и Балфура захлестнула волна негодования: да молодой человек просто-напросто над ним насмехается! В его байку Фрост ни минуты не верил! Он отлично знал, что Балфур не собирается вести с Карвером никаких дел; знал, что эта ложь состряпана того ради, чтобы замаскировать собственную цель, а затем добавил к обидному разоблачению оскорбление пренебрежением, позабавился за его, Балфура, счет! Ему было досадно, что его видят насквозь, но насмешка казалась еще досаднее, тем паче со стороны человека, который целыми днями сидит в кабинке площадью три квадратных фута, подписывая чеки на чужое имя. (Эта последняя фраза принадлежала Лодербеку и смутно всплыла в памяти Балфура после утренней беседы, уже как собственная.) Внезапно всплыв, Балфур наклонился вперед и обхватил пальцами прутья решетки.

– Хорошо же, – тихо произнес он. – А теперь послушайте. Я точно так же не собираюсь иметь никаких общих дел с Карвером, как, скажем, вы. Я считаю этого типа бандитом и мошенником, и кем только не. Я играю против него, будь он проклят. Я не я буду, если не раздобуду на него просверк: что-нибудь, чем смогу воспользоваться.

– Что такое «просверк»? – удивился банковский служащий.

– Ерунда, не задумывайтесь! – рявкнул Балфур. – Я его замести пытаюсь. Сдать его полиции. Я подозреваю, он прибрал к рукам целое состояние с чужого участка. На тысячи и тысячи фунтов. Но это лишь догадка, а мне нужны веские доказательства. Надо с чего-то начать. Понятно? Вся эта моя история насчет капиталовложений – пустой треп. Чушь собачья. – Он свирепо зыркнул на чиновника сквозь прутья решетки. – И что? – сказал он, выждав мгновение. – Что, если так?

– Да ничего, – пожал плечами Фрост. Он привел в порядок разбросанные по столу бумаги и загадочно улыбнулся, поджав губы. – Ваш бизнес – это ваше дело. Я вам могу только пожелать удачи, мистер Балфур.

* * *

Новость насчет Эмери Стейнза потрясла Балфура не на шутку. Грузовые контейнеры и шантаж – это одно дело, думал он, но пропавший без вести человек – совсем другое. Это дело темное. Эмери Стейнз – хороший старатель и слишком молод, чтобы умереть. Балфур постоял немного перед зданием суда, тяжело дыша. Небольшая толпа возле банка рассосалась: все разошлись на ланч; ушел и туземец-маори. Дождь поутих до настырной мороси. Балфур оглядел улицу из конца в конец, не зная, куда податься. Он был глубоко удручен. Пропал, надо ж! Но люди просто так не пропадают! Парня наверняка убили. Других объяснений просто нет – если бедолагу вот уже две недели как не видно.

Эмери Стейнз был, вероятно, самым богатым человеком к югу от черных песков. Ему принадлежало больше дюжины участков, и на нескольких ствол шахты уходил на глубину тридцати футов по меньшей мере. Балфур, искренне восхищавшийся Стейнзом, лет ему дал бы

навскидку двадцать три – двадцать четыре; он был не настолько юн, чтобы оказаться недостойным своего счастья, и не настолько стар, чтобы предположить, будто добился он этого счастья не вполне честными методами. Собственно, такая мысль в голову Балфура вообще не закрадывалась. Стейнз от природы был наделен совершенно простодушной, располагающей к себе красотой – такой красоте, пылкой, искренней, исполненной надежды, нет нужды кричать о себе на всех углах. Он был приветлив, жизнелюбив и восхитительно смышлен. Даже просто вообразить себе, что он умер, – омерзительно! А уж допустить, что его убили, и того хуже.

В этот самый миг на Уэслейской церкви³¹ колокол прозвонил половину первого, всполошив птиц: стая с гвалтом взвилась над кустарной колокольной и черными точками разлетелась по небу. Балфур повернулся на звук; висок вдруг запульсировал болью. Его притупленные чувства обострялись с каждой минутой – следствие поглощенных поутру спиртных напитков, – и бремя взятой на себя ответственности ложилось на плечи все тяжелее. Задавать вопросы в интересах Лодербека ему уже не хотелось.

Он запахнулся в пальто, повернулся на каблуках и зашагал к Хокитикской косе – к своему привычному прибежищу. Он любил постоять на песке в непогоду, кутаясь в пальто и глядя вдаль, за лес мачт стоящих на якоре кораблей, что всем скопом раскачиваются туда-сюда, колеблемые то стремительным течением реки, то прибоем, то ветром – завывающим тасманским ветром, который ободрал кору с деревьев вдоль береговой линии, а кустарник пригнул к земле и изувечил. Балфуру нравилось яростное равнодушие бури. Он любил пустынные места, потому что от одиночества никогда не страдал.

Пока он брел, оскальзываясь, по топкому берегу к причалу, ветер внезапно стих. Улыбаясь, Балфур вгляделся в туман. Дождь лишил широкое устье реки всякой надежды на переливчатый отблеск: вода казалась матово-серой, как оловянное блюдо. При отсутствии ветра ходившие ходуном мачты тоже присмирели, сбавили прыть и теперь тяжело колыхались туда-сюда, туда-сюда. Это размеренное колебание действовало на Балфура успокаивающе. Он дождался, чтобы мачты почти застыли недвижно, и только тогда пошел дальше.

Набережная выгибалась вокруг устья реки навстречу косе – узкому песчаному выступу; с одной стороны в него бился пенный прибой открытого океана, с другой – бестолково плескалась река, воды которой лишились золота, зато смешались с солью. Здесь, на подветренной стороне косы, от набережной протянулся небольшой причал. Балфур спрыгнул на него, приземлившись на всю стопу, и сооружение дрогнуло под его весом. Двое портовых грузчиков, тоже промокших до нитки, сидели на причале метрах в двадцати; от толчка они встrepенулись и обернулись на звук.

– Порядок, ребята! – крикнул Балфур.

– Порядок, Том.

Один держал в руках отпорный крюк с медным наконечником: какое-то время назад он размахивал им, целя по чайкам, что пикировали за ужином на камни внизу; теперь он вновь взялся за свое праздное развлечение. Второй вел счет.

Балфур подошел поближе. Никто не проронил ни слова. Все наблюдали, как зачальные суда подпрыгивают на волнах вверх-вниз, да, шурясь, вглядывались в даль сквозь завесу дождя.

– Знаете, в чем загвоздка? – обронил наконец Балфур. – Здесь любой может начать все с чистого листа. Создать себя заново. Что это вообще такое – второе «я»? Что значит имя? Его подбираешь, как самородок с земли. Назовем этого – Уэллс, а этого – *Карвер*...

Один из грузчиков заозирался по сторонам:

– Ты с Фрэнсисом Карвером, что ли, повздорил?

– Нет-нет, – покачал головой Балфур.

– Стало быть, повздорил с парнем по имени Уэллс?

³¹ Церковь уэслианских методистов: образована в 1835 г., названа по имени основателя методизма Дж. Уэсли.

Балфур вздохнул:

– Да нет же – никто ни с кем не ссорился. Я пытаюсь кое-что выяснить, вот и все. Но потихоньку, не привлекая внимания.

Вновь прилетели чайки; грузчик ударил крюком – и промахнулся.

– Почти забагрил – крыло зацепил, – возвестил второй. – Это пятая.

Балфур заметил, что внизу, на гальке, лежит квадратик печенья.

Грузчик, нарушивший молчание первым, кивнул Балфуру:

– Так ты хочешь ущучить Карвера или того, второго?

– Ни того ни другого, – отмахнулся Балфур. – Не заморачивайтесь. Выбросьте из головы! И запомните хорошенько: я с Фрэнсисом Карвером не ссорился.

– Запомню, – кивнул грузчик. – Однако ж я так скажу: если тебе нужна компра, и втихаря, так спроси тюремщика.

Чайка круг за кругом подбиралась ближе; Балфур не сводил с нее глаз.

– Тюремщика? Это Шепарда, что ли? С какой бы стати?

– А с такой, что Карвер мотал срок под началом у Шепарда, – сообщил грузчик. – На острове Кокату³². Так все десять лет там и оттрубил. Карвер рыл котлован под сухой док – на каторжных работах, стало быть, вкалывал, – а Шепард приглядывал. Если тебе нужна компра на Карвера, так держу пари, начальник тюрьмы Шепард тебе ее добудет.

– На Кокату? – заинтересованно переспросил Балфур. – А я и не знал, что Шепард служил на Кокату.

– А вот служил. И в тот самый год, когда Карвер получил свободу, Шепарда перевели в Новую Зеландию – и он последовал за бывшим заключенным! Как вам такая невезуха?

– Да ваще мрак, – согласился второй грузчик.

– А ты откуда это знаешь? – спросил Балфур.

– Эту физиономию хочешь позабыть навсегда, тюремщикову то есть, за десять лет на нее посмотрелся, каждый день, мало не покажется, и вот стоило оказаться на свободе... – обращался грузчик к своему приятелю.

– Откуда ты это знаешь? – не отступался Балфур.

– Да я в подмастерьях ходил на тамошней верфи, – пояснил грузчик. – Эгей, да ты попал! Крюк с размаху пришелся чайке по спине.

– А ты, часом, не знаешь, за что Карвер сел?

– За контрабанду, – не задержался с ответом грузчик.

– Контрабанду чего?

– Опиума.

– В смысле, в Китай? Или из Китая?

– Понятия не имею.

– Но кто его посадил? Не Корона же.

Грузчик на миг задумался и пожал плечами.

– На самом деле не знаю, – отозвался он. – Мне казалось, речь шла о махинациях с опиумом. Но может статься, это просто слухи.

Балфур распрощался с грузчиками и побрел вверх по косе. Оказавшись наконец в одиночестве, он широко расставил ноги, засунул руки в карманы и устремил взгляд вдаль, над пенным ревушим океаном, – за винтовые подъемники и промасленные катки, за деревянный маяк на дальнем конце косы, за темные корпуса кораблей, разбившихся на отмели.

– Ага, вот оно, значит, как! – пробормотал он себе под нос. – Это уже кое-что – кое-что, факт! Выходит, Карвер – это его настоящее имя! Он не может пользоваться вымышлен-

³² Остров Кокату – крупнейший остров в Сиднейской гавани, где находилась исправительная колония; ее заключенные работали на постройке верфи.

ным – только не здесь, в Хокитике, под носом у тюремщика, под началом которого он каторжный срок отбывал! – Балфур пригладил усы большим и указательным пальцем. Однако ж вот вопрос. Что, ради всего святого, заставило его утверждать – притом оставляя письменное тому доказательство! – будто его зовут Фрэнсис Уэллс?

Сатурн в Весах

Глава, в которой Джозеф Притчард излагает свою теорию преступного сговора; Джордж Шепард делает взвешенное предложение, а Харальд Нильссен соглашается, пусть и неохотно, нанести визит А-Цю.

На этой стадии роль рассказчика у Балфура перехватили – и переход этот грузоперевозчиком был обозначен так: он зажег новую сигару, снова наполнил вином бокал и с энтузиазмом воскликнул:

– Поправьте меня, ребята, если я ошибаюсь!

Это воззвание было, по всей видимости, обращено к двум присутствующим: к Джозефу Притчарду, темноволосому джентльмену слева от Мади, чей сдержанный накал молчания, как Мади вскорости обнаружил, был вполне под стать сдержанному накалу его неторопливой речи, и еще к одному человеку, о чьем присутствии у нас не было повода упомянуть. Когда Мади впервые возник на пороге, этот второй играл в бильярд; теперь Балфур представил его, восхищенно ткнув в его сторону сигарой, как Харальда Нильссена, уроженца Христиании³³, до недавнего времени проживавшего в Бате, непревзойденного игрока в трехкарточный покер и чертовски меткого стрелка, – к чему сам Нильссен добавил, спеша присовокупить свои собственные похвалы, что у него дульнозарядный мушкет «энфилд», лучший во всей Британской империи, и ничего другого он даже и в руки не возьмет. Эти двое с превеликой охотой восприняли слова Балфура буквально: Нильссен – во имя тщеславия, ибо никак не мог допустить, чтобы ему отвели главную роль в сенсационной истории, а поактерствовать не дали; а Притчард – точности ради.

Так что мы оставим Томаса Балфура на причале: пусть так и стоит там, засунув руки в карманы, и шурится на дождь. Мы же обратим свой взгляд ярдов на двести севернее, к Аукционному двору на набережной Гибсона, где за помостом обнаруживается некрашенная дверь с надписью «Нильссен и К^о, комиссия торговля»: она ведет в личный кабинет.

Из почтения к гармонии вращающихся сфер времени мы продолжим наш рассказ в точности с того момента, где прервался Балфур: итак, Хокитика, суббота 27 января, без пяти минут час дня.

* * *

По субботам в полдень Харальд Нильссен обычно сидел в своем офисе перед стопкой контрактов, завещаний и накладных, каждые десять минут или около того похлопывая себя по груди – проверяя по серебряным карманным часам, не пора ли ему на ланч, каковой он вкушал с медицинской регулярностью каждый день в «Нонпареле». Нильссен рекомендовал этот режим всем, кто соглашался слушать, и свято верил в целебные свойства темной подливки, сдобы и эля; вообще-то, он на рекомендации не скупился, а зачастую ставил в пример свои собственные привычки – на благо другим, менее прозорливым людям. Споры доставляли ему особое удовольствие, особенно споры нелепого, гипотетического свойства; он просто обожал выстраивать абсурдные отвлеченные теории на материале узкого, тщательно разработанного круга своих собственных предпочтений. Такой подход с любовью поддерживали его друзья, находившие его занятым и забавным, и высмеивали недоброжелатели, считавшие его напыщенным эгоистом, но голоса последних в ушах Нильссена звучали довольно приглушенно, а сам он не слишком-то старался расслышать их получше.

³³ Христиания – название норвежского города Осло с 1624 по 1877 г. (дано в честь Кристиана IV, короля Дании и Норвегии с 1588 по 1648 г.).

Харальд Нильссен славился по всей Хокитике своей манерой броско одеваться. В тот день на нем был сюртук длиной до колена, с подбитыми угольно-черным шелком отворотами, темно-алый жилет, серый галстук-бабочка и кашемировые полосатые утренние брюки. Его шелковая шляпа, того же угольно-черного оттенка, что и сюртук, висела на стоячей вешалке рядом с его столом, а под ней притулилась трость с изогнутой ручкой и серебряным набалдашником. Завершающим штрихом к его костюму (ибо именно так воспринимал он свое повседневное платье: как костюм, нуждающийся в завершающем штрихе) была трубка: он курил толстый калабаш с обкусанным черенком, хотя его приверженность к этому приспособлению объяснялась не столько удовольствием от привычки, сколько возможностью эффектно порисоваться. Он частенько держал трубку в зубах, не зажигая, и говорил углом рта, точно комик, репетирующий замечание «в сторону», – это сравнение его вполне устраивало: если Нильссен гордился создаваемым им впечатлением, то лишь потому, что знал, сколь мастерски их создает. Однако ж сегодня чаша красного дерева была тепла, и мундштук он посасывал, заметно разволновавшись. Час ланча минул, но Нильссен о своем желудке даже не вспоминал, равно как и о румяной буфетчице в «Нонпареле», которая звала его просто «Гарри» и всегда оставляла для него самые вкусные краешки корочки от пирога. Нахмуясь, он разглядывал желтый документ, лежавший перед ним на столе. Нильссен был не один. Со временем он извлек изо рта трубку, поднял голову и встретил взгляд человека, сидевшего напротив.

– Я ничего дурного не сделал. Ничего противозаконного, – тихо произнес он.

Его норвежский акцент почти не давал о себе знать: прожив тридцать лет в Бате, он сделался британцем практически во всем, даже в интонациях.

– Вопрос в том, кому это выгодно, – отозвался Джозеф Притчард. – Вот чем правосудие заинтересуется в первую очередь. Ты, похоже, очень неплохо заработал на смерти этого человека.

– На легальной продаже его собственности! И продажей этой я занялся уже *после* того, как тело легло в землю!

– Легло, да еще не остыло, сдается мне.

– Кросби Уэллс упился до смерти, – напомнил Нильссен. – Не было никакого повода для коронерского расследования, никаких таких неожиданностей. Он был пьяницей и отшельником, и, когда я получил эти документы, я полагал, что имущество его невелико. Я про клад понятия не имел!

– Ты говоришь, это просто удачная сделка.

– Я говорю, что ничего противозаконного не совершал!

– Но кто-то – совершил, – возразил Притчард. – *Кто-то* за всем этим стоит. Кто знал про клад? Кто дождался, чтобы Кросби Уэллса зарыли на глубину шести футов, а потом втихую по-быстрому продал его землю – даже без аукциона? Кто документы подал? И кто подбросил ему под кровать мой пузырек с лауданумом?

– Ты говоришь «подбросил»?..

– Именно подбросил, – кивнул Притчард. – Я готов поклясться, что так. Я этому человеку ни драхмы³⁴ не продал. Я знаю своих покупателей в лицо, Харальд. Кросби Уэллсу я не продал ни единой драхмы.

– Ну так вот, пожалуйста! Ты же можешь это доказать! Предъявить записи и квитанции...

– Не стоит сосредотачиваться на нашей с тобой роли в этой интриге – надо глубже смотреть! – возразил Притчард. Когда он, разволновавшись, начинал говорить с пеной у рта, он не повышал голоса, а, наоборот, понижал. – Мы *повязаны*. Проследите цепочку событий достаточно далеко в прошлое, и вы обнаружите виновника. Все это часть единого целого.

– Ты хочешь сказать, все это было спланировано заранее?

³⁴ Драхма – 1/8 унции в аптекарском весе.

Притчард пожал плечами:

– По мне, так весьма смахивает на убийство.

– На сговор о совершении убийства, – поправил его Нильссен.

– А в чем разница?

– Разница в составе обвинения. Если речь идет о сговоре – нас осудят за преступный умысел, а не за преступные действия. Ведь Кросби никто не убивал, знаешь ли.

– Так нам сказали, – поправил Притчард. – Ты доверяешь коронеру, мистер Нильссен? Или возьмешь в руки лопату и откопаешь отшельника?

– Не говори таких ужасов.

– Я тебе больше скажу: ты в могиле найдешь больше, чем одно тело!

– Не надо, прошу тебя!

– Эмери Стейнз, – безжалостно гнул свое Притчард. – Какого дьявола с ним случилось, если его не убили? Уж не испарился ли он, часом?

– Конечно нет.

– Уэллс умер, Стейнз исчез. Все происходит в пределах каких-то нескольких часов. Два дня спустя Уэллса хоронят... а где лучше всего спрятать тело, как не в чьей-то могиле?

Джозеф Притчард всегда искал скрытых мотивов и подспудных истин, заговоры его завораживали. Он формировал убеждения, как другие люди формируют зависимости, – вера для него была что жажда – и подпитывал их всем эротическим пылом добровольного конфирманта. Этот экстатический восторг распространялся и на самоуважение. Стоило потревожить подземные воды его мыслей, и он решительно нырял в поток и погружался все глубже мощными, целеустремленными рывками, как если бы мечтал прикоснуться к ископаемым глубинам своих собственных темных фантазий, как если бы задумал утопиться.

– Пустые домыслы, – отмахнулся Нильссен.

– Они похоронены вместе, – настаивал Притчард. Он откинулся к спинке стула. – Жизнью ручаюсь.

– Да какая разница, что ты там себе навоображал, – что ты там ставишь на кон? – взорвался Нильссен. – Ты его не убивал. Ты вообще никого не уколошил. Эта смерть на чьей-то еще совести.

– Но кто-то явно хочет выставить виновным меня. И кто-то явно уже выставил *тебя* дураком набитым: ишь кинулся на наживку, а крючка-то и не заметил!

– Игра воображения!

– Суд очень заинтересуется этими играми.

– Да полно, – без особой уверенности возразил Нильссен. – Ты вправду думаешь, что суд...

– Понадобится? Не будь ослом. Эмери Стейнз здесь, в Хокитике, что принц крови. Как ни странно. Те, кто на процедуре опознания среди десятка пьяниц не разглядит комиссара полиции, и то знают Стейнза по имени. Разумеется, будет коронерское расследование. Да если бы он с лестницы свалился и сломал себе шею при дюжине свидетелей, все равно без расследования не обошлось бы. Нужен лишь какой-нибудь обрывок доказательства, чтобы увязать его пропажу с делом Кросби Уэллса, – вероятно, такой уликой послужит труп, как только его найдут, – и бац! – ты уже впутался. Ты – соучастник. Ты под судом. И как ты тогда станешь защищаться?

– Скажу, что я не... что мы не... сговаривались.

Но тут его захлестнуло ощущение полной беспомощности, и продолжать он не стал.

Притчард тоже молчал: ел глазами владельца кабинета и ждал. Наконец Нильссен продолжил, стараясь, чтобы голос его звучал невозмутимо-практично:

– Нам ничего не следует скрывать. Нужно пойти в суд самим и...

– И самим подставиться под обвинение? – Притчард понизил голос до шепота. – Мы половины игроков не знаем, парень! Если Стейнз убит – слушай, даже если ты во всем остальном мне не веришь, ты должен признать, что совпадение чертовски странное: исчез он в самый неподходящий момент. Если его пришили – а предположим, что так, – кто-то в городе должен быть в курсе.

Нильссен надменно выпрямился:

– Лично я не собираюсь стоять и ждать с веревкой на шее...

– Так я и не предлагаю вам стоять и ждать.

Торговец-оптовик слегка обмяк:

– А что тогда?

Притчард усмехнулся:

– Ты говоришь, у тебя петля на шее. Ну так и славно – следуй за веревкой.

– В смысле, обратно к банковскому служащему?

– К Чарли Фросту? Может быть.

Нильссен скептически сощурился:

– Чарли – не обманщик. Когда вдруг «обнаружился клад», он удивился ничуть не меньше прочих.

– Удивление симпровизировать легко. А что там насчет того парня, который землю купил? Некто Клинч, из гостиницы «Гридирон». Ему наверняка дали наводку.

– Поверить не могу, – покачал головой Нильссен.

– А ты попробуй.

– Как бы то ни было, – нахмурился Нильссен, – Клинч ни пенни не получит теперь, когда вдова о себе заявила. Вот о ком стоит задуматься-то.

Но насчет вдовы Притчард мнения пока не составил.

– Клинч ни пенни не получит: от Кросби Уэллса – пожалуй, – отозвался он. – Но поразмысли вот о чем. Стейнз сдает «Гридирон» Клинчу в аренду, верно?

– К чему ты клонишь?

– Всего лишь напоминаю, что о смерти кредитора должник никогда не горюет.

Нильссен побагровел:

– Клинч никогда не покусился бы на чужую жизнь. Никто из них на такое не пойдет. Чарли Фрост? Да брось, Джо! Он тише мыши.

– Глядя на человека, никогда не скажешь, на что он способен. И уж конечно, не скажешь, что он уже совершил.

– Такого рода домыслы... – начал было Нильссен, но снова замолчал, поскольку не знал, в какую форму облечь возражения.

Пропавшего старателя Эмери Стейнза Нильссен знал не то чтобы хорошо, хотя, если бы его спросили, он бы принял за уверять в обратном: Нильссен всегда претендовал на близкое знакомство, ежели таковое ему льстило, а Стейнз был как раз таким человеком, с которым Нильссену очень бы хотелось завязать тесную дружбу. Нильссена слепил и завораживал яркий блеск, а уж тем более блеск личности человека, которым он искренне восхищался. Эмери Стейнз, обладающий и молодостью, и непоколебимой уверенностью в себе, естественным образом возбуждал зависть. Вызвав в памяти его образ, Нильссен вынужден был согласиться с Притчардом: крайне маловероятно, что Стейнз уехал из Хокитики втайне, по своей воле, под покровом ночи. Его участки нуждались в постоянном присмотре и надзоре, на него работало более пятидесяти человек – что ж, его отсутствие обойдется в кругленькую сумму, подумал Нильссен, причем с каждым днем долг станет расти как снежный ком. Нет, Притчард был прав: Стейнза либо похитили, либо – что куда более вероятно – убили, а тело надежно спрятали.

На данный момент было известно, что Эмери Стейнза в последний раз видели где-то на закате дня 14 января: он шел на юг по Ревелл-стрит в направлении своего дома. Что случилось

после, не знал никто. Его цирюльник явился на следующее утро к восьми и обнаружил дверь незапертой; он сообщил, что постель была смята, как если бы в ней спали, но очаг остыл. Ничего из ценных вещей не пропало.

Врагов у Эмери Стейнза не было, насколько знал Нильссен. Нравом он обладал живым, веселым и очень открытым, а еще наделен был редким даром: умел поступать великодушно, одновременно выказывая смирение и кротость. Стейнз был очень богат, но в Хокитике богачей насчитывалось немало, в большинстве своем – куда более неприятных, нежели он. Безусловно, его нетипичная молодость вполне могла вызвать зависть в человеке постарше и более разочарованном, но зависть – слабый мотив для убийства, думал про себя Нильссен, если юношу действительно убили.

– Да кого бы угораздило поссориться со Стейнзом? – недоумевал Нильссен вслух. – Этот паренек просто излучает удачу; подобно царю Мидасу, он превращает в золото все, к чему прикасается.

– Удача – это не достоинство.

– То есть его из-за денег убили?..

– Оставим на минуту Стейнза. – Притчард подался вперед. – Тебе перепал изрядный кус состояния Кросби Уэллса.

– Ну да – я же сказал тебе, десять процентов, – подтвердил Нильссен, вновь обращая взгляд к желтой купчей на столе перед собою. – Комиссия с продажи его имущества, но теперь, когда завещание оспаривается, выплата недействительна. Мне придется вернуть эти деньги. Собственность продавать не следовало.

Нильссен тронул пальцем край документа. Он подписал эту купчую и ее копию за этим самым столом каких-то две недели назад – как сжималось его сердце, когда он выводил свое имя! В Хокитике продажа имущества покойного никогда не была прибыльным делом, но его бизнес отнюдь не процветал, и Нильссен в отчаянии хватался за что попало. Стыд какой (думал он) – объехать полсвета только для того, чтобы убедиться: удача его оставила; только для того, чтобы подбирать крошки у стола богатых счастливицев. Имя на документе – Кросби Уэллс – ничего ему не говорило. Насколько он знал, Уэллс был нелюдимым одиночкой, жалким бедолагой, напивался до одури каждый вечер и снов не видел. Нильссен подписал купчую с горьким чувством, с опустошенной душой. Теперь ему придется нанять лошадь, пожертвовать целым рабочим днем, ехать – куда? – к Богом забытой Арахуре и рыться в вещах покойника, как бездомный бродяга шарит в канаве в поисках еды.

И тут... в банке из-под муки, в коробке из-под пороха, в ящике для мяса, в мехах, в растрескавшейся раковине старого умывальника – оно... все такое блестящее, тяжелое, мягкое. Его комиссионные составили чуть больше четырех сотен фунтов; впервые за всю свою жизнь он был богат. Он мог бы собраться да уплыть в Сидней; он мог бы вернуться домой, мог бы начать все заново, мог бы жениться. Но воспользоваться своим шансом он не успел. В тот самый день, когда комиссию наконец-то выплатили, прибыла миссис Уэллс; в течение нескольких часов продажа имущества была обжалована, наследство оспорено, а на состояние наложил арест банк. Если апелляцию удовлетворят – а так, видимо, и случится, – Нильсену придется полностью вернуть комиссионные. Четыре сотни фунтов! Он столько за год не зарабатывал! Комиссионер провел пальцем по краю документа – и внезапно захлебнулся негодованием. Ему отчаянно захотелось, как хотелось уже столько раз за последнюю неделю, найти кого-то виноватого.

Но Притчард покачал головой: завещание покойника его не интересовало, равно как и его правовые последствия.

– Да выбрось ты это все из головы на минуту, – предложил он. – Давай вернемся к хижине. Ты видел клад своими глазами?

– Так я ж его и нашел, – не без гордости отозвался Нильссен. При этом воспоминании он слегка расслабился. – Эх, тебе б на такое взглянуть... кабы превратить это все в листовое золото, я б целиком бильярдный стол им покрыл вместе с ножками. Тяжесть несусветная. А блеску-то, блеску!

Но Притчард даже не улыбнулся:

– Ты говоришь, это был не песок и не самородки. Я правильно понимаю?

Нильссен вздохнул:

– Да, точно; это были спрессованные бруски.

– Спеченное золото, – кивнул Притчард. – А для этого нужно специальное оборудование и навык. Так кто же поработал кузнецом? Уж никак не Уэллс.

Нильссен помолчал. Такая мысль в голову ему не приходила. Манера Притчарда выдвигать свои аргументы с самонадеянной уверенностью была ему неприятна, но он поневоле отдавал аптекарю должное: тот обнаружил ряд связей, которые он, Нильссен, упустил из виду. Он задумчиво посасывал трубку.

В тонкостях разработки золотых месторождений Нильссен разбирался неважно. Он как-то попробовал свои силы в старательстве и нашел, что труд это тяжкий и неблагодарный: таскаешь из реки воду ведро за ведром, промывая руду, да отбиваешься от moskitov, что заползают под куртку, – пока совсем не обезумеешь и не запляснешь на месте. После у него ныла спина, жгло пальцы, а ноги распухли и отекали на много дней. А с щепоти песка, которую он унес домой, завязав в угол платка, взяли налог, и один и другой, и взвесили ее до малой частицы унции, и наконец дали за нее пять грязных шиллингов – невыразимое разочарование! – этой суммы едва достало, чтобы заплатить за наем лошади до ущелья и обратно. Больше Нильссен не пытал счастья. По своим природным задаткам и самоопределению он был человеком Возрождения: такие на любом избранном поприще привыкли ждать мгновенного успеха; если с первой же попытки навыком овладеть не удалось, то они от ремесла вообще откажутся. (К подобному подходу сам он относился не без юмора: он частенько рассказывал о своей неудаче в ущелье Хокитики, преувеличивая перенесенные неудобства, комично вышучивая деликатность своей конституции, – однако такое толкование он позволял только себе одному и заметно конфузился, если собеседник смотрел на дело с той же точки зрения или с ним соглашался.)

Теория, изложенная ему Джозефом Притчардом, в определенном смысле представлялась вполне логичной. Кто-то – возможно, что и несколько человек – наверняка знал про клад, спрятанный в доме Кросби Уэллса. Состояние было слишком огромным, а продажа имущества произошла слишком скрытно и спешно, чтобы вовсе отрицать такую вероятность. Далее, склянка с лауданумом, обнаруженная в непосредственной близости от трупа, наводила на мысль, что кто-то – возможно, тот же самый кто-то – побывал в хижине либо непосредственно до смерти отшельника, либо сразу после, предположительно с недобрыми намерениями. Склянка была от Притчарда: куплена в его лавке, этикетка надписана его же рукой, значит тот, кто лекарство принес, явно был жителем Хокитики и ехал на север, а не чужаком, направлявшимся на юг. Тем самым политик и его спутники, первыми обнаружившие тело Кросби и сообщившие о его смерти в городе, полностью исключались.

В глубине души Нильссен полагал, что Притчард прав, подозревая покупателя имущества, Эдгара Клинка, а также и банковского служащего Фроста. Он, в отличие от Притчарда, конечно же, не думал, что эти двое причастны к убийству Эмери Стейнза, но похоже было на то, что Клинка и впрямь действовал по наводке, раз купил хижину и землю Кросби Уэллса так поспешно, – уж в чем бы эта наводка ни состояла, Чарли Фрост наверняка о ней знал. Нильссен также признавал, что его собственное участие в деле, в которое он ввязался безо всякой задней мысли, наверняка покажется сомнительным беспристрастному стороннему наблюдателю, ведь он занес стеклянную склянку с лауданумом в свой регистр вместе со всем прочим (он

составлял список вещей, подлежащих продаже), и он в результате этой сделки обогатился на четыреста фунтов.

Однако сверх этих допущений (а ведь, в конце концов, это только допущения, основанные на сомнениях и личных впечатлениях) Нильссен не знал, что и думать. Притчард убеждал, что исчезновение Эмери Стейнза никак нельзя считать совпадением, – а это гипотеза; он утверждал, что Стейнз был убит, – а это догадка; он вообразил, что труп его спрятан в могиле Уэллса, – а это предположение; он счел возможным, что юридическое фиаско в связи с собственностью Уэллса было спланировано заранее как своего рода западня, как приманка, – а это Нильссену казалось уже чистой воды фантазией. Объяснить, откуда взялась склянка с лауданумом, Притчард не смог; ни мотива, ни правдоподобного подозреваемого он не предоставил... и, однако ж, комиссионер не находил в себе сил сбросить со счетов аргументы аптекаря, пусть манера их излагать ему весьма не нравилась.

Нильссен не разделял восторженной одержимости аптекаря сокровенными тайнами; искать правду он не стремился, в отличие от Притчарда. Тот становился сам не свой, когда заговаривал о собственных страстях: об эликсирах, которые составлял и пробовал под низким потолком своей лаборатории, о смолах и порошках, которые он покупал и продавал в непрозрачных банках. Ощущалось в нем что-то холодное и безжалостное, думал про себя Нильссен, возводя собственную неприязнь, как это часто за ним водилось, в принцип эстетического неприятия.

Наконец с недовольным видом – а он неизменно раздражался, когда аргументы собеседника доказывали несостоятельность его собственных, – Нильссен извлек изо рта трубку и изрек:

– Ну-с... может статься, у Уэллса были какие-то знакомства тут, в Резервном банке. Килларни, там, или кто-нибудь из представителей компании...

– Нет. – Притчард хлопнул по столу ладонью. Он давно ждал, чтобы Нильссен ошибся в своей догадке, и уже заготовил возражение: – Тут китаеза замешан. Готов на что угодно поспорить. В кумирне на Каварау всегда было полным-полно ребят без лицензии – они права на разработку промеж себя делят. Их друг от друга не отличишь, да и имена чужого языка поди разбери! Они там все в Чайнатауне подработать не прочь. Будь тут замешана компания, все бы выглядело...

– Чище? – с надеждой спросил Нильссен.

– Наоборот. Если нужно следы замечать, если входить вынужден через черный ход, а не через вестибюль, как обычно, – вот тогда и начинаешь принимать меры, чем-то жертвовать. Понимаешь? Человек изнутри вынужден считаться с пешками – со всеми элементами системы. А человек снаружи волен договариваться с дьяволом напрямую.

Таких выражений Нильссен терпеть не мог. Он вновь опустил взгляд на купчую.

– «Чайнатаунская кузня», – гнул свое Притчард. – Помяни мое слово. Там при горне только один парень работает. Звать Цю.

– Ты с ним поговоришь? – вскинул глаза Нильссен.

– Вообще-то, я надеялся, что с ним поговоришь ты, – признался аптекарь. – У меня сейчас с азиатами небольшая проблемка.

– Могу ли я спросить, в чем дело?

– Ох, да просто бизнес не заладился. Коммерческие тайны. Опиум. – Притчард перевернул руку ладонью вверх и уронил ее на колени.

– Ты ввозишь опиум из *Китая*? – нахмурился Нильссен.

– Ох господи, нет, конечно, – запротестовал Притчард. – Из Бенгалии. – Он на мгновение замялся. – Тут, скорее, частная ссора. Из-за той шлюхи, что едва не померла.

– Анна, – кивнул Нильссен. – Анна Уэдерелл.

Притчард насупился: он не хотел озвучивать ее имя. Он отвернулся и некоторое время следил, как под козырьком подъемного окна скапливаются и набухают дождевые капли.

Повисла недолгая пауза. И не успел еще Притчард заговорить снова, как Нильссена вдруг осенило: а ведь аптекарь любит ее, эту проститутку Анну Уэдерелл. Он прикинул про себя такую возможность, наслаждаясь своим открытием. Девушка и впрямь задевала в душе тайные струны: она двигалась с этакой усталой смертоносной томностью, точно недовольный лебедь, но нравом отличалась несколько более ветреным, нежели Нильссен ценил в женщинах, а ее красота (впрочем, Нильссен не назвал бы ее красивой: это слово он сберегал для непорочных девиц и ангельских образов) выглядела чересчур искушенной, на его вкус. А еще она курила опиум; в силу этой привычки ее черты всегда казались слегка смазанными, а сама она – бесконечно изнуренной. Неподобающее пристрастие, что и говорить, а теперь она еще и едва руки на себя не наложила. Да, подумал Нильссен, именно на такую девицу Притчард с легкостью западет; они бы встречались в темноте, и эти лихорадочные сближения несли бы в себе печать обреченности.

Но тут комиссионер просчитался. Нильссеновы догадки подкрепляли сами себя: он отдавал предпочтение доказательствам, которые лучше всего подходили к его жизненным принципам, и держался тех принципов, что проще всего доказывались. Он частенько разглагольствовал о добродетели и производил впечатление характера жизнеутверждающего и оптимистичного, но его вера в добродетель была вверена господину менее гибкому, нежели оптимизм. Кредит доверия, если воспользоваться расхожим выражением, – это дар случайный, а Нильссен слишком гордился своим интеллектом, чтобы отказаться от способности строить гипотезы. В его сознании кристаллические формы высоких абстракций покрывались защитной глазурью: он любил их разглядывать, дивиться их блеску, но ему никогда не приходило в голову снять их с каминной полочки резного дуба и пощупать, повертеть в руках. Он пришел к заключению, что Притчард влюблен, просто потому, что было так приятно обдумать и взвесить этот факт, придирчиво изучить субъекта и вернуться к своим неизменным убеждениям: что Притчард чужак каких мало, что Анна – погибшая женщина и что любить шлюх ни в каком случае не следует.

– Да, так вот, – продолжал между тем Притчард, – они прямо взбеленились из-за этой истории, представляешь! Тот узкоглазый парень, что держит курительню в Каньере, – А-Су его звать, – он пошел к Тому Балфуру, после того как эта шлюха занемогла, прямо весь такой расстроенный. Сказал Тому, что хочет посмотреть на мои экспедиторские отчеты и проверить последнюю поставку, что пришла мне на счет.

– А почему он не обратился к тебе напрямую? – удивился Нильссен.

Притчард пожал плечами:

– Небось думал, я какую-то пакость замыслил.

– Он решил, что ты ее отравил нарочно?

– Да. – Притчард снова отвел взгляд.

– Ну и что Том сказал? – подтолкнул его Нильссен.

– Он предъявил А-Су все мои учетные записи. Доказал, что там все чисто.

– То есть с документами все в порядке?

– Да, – коротко ответил Притчард.

Нильссен заметил, что задел гостя, и испытал злорадное удовольствие. Его понемногу начинало злить предположение, что они с Притчардом в равной степени окажутся замешаны в этом сговоре, если (или когда) обнаружится вероятное убийство Эмери Стейнза; ему казалось, что Притчард влип куда серьезнее, нежели он сам. Нильссен не имел никакого касательства к опиуму и иметь не желал. Опиум – это яд, истинное бедствие; он лишает людей разума.

– Послушай, – Притчард ткнул пальцем в поверхность стола, – тебе обязательно надо разговорить этого Цю. Я бы сам за дело взялся, если б мог, – я сунулся было в курительню, но

Су меня на дух не переносит. Цю – дело другое. Он парень порядочный. Спроси его про клад – не его ли это золото, а если да, то как оно оказалось в доме Уэллса. Можешь сегодня же во второй половине дня туда наведаться.

Нильссена больно задело, что им помыкают как мальчишкой-рассыльным.

– Не вижу, отчего бы тебе самому не поговорить с Цю, если поцапался ты с совсем другим парнем.

– Я под ударом. Считаю, что я на дно залег.

Про себя Нильссен назвал его поведение несколько иначе. А вслух с капризной раздражительностью (лучшая защита!) осведомился:

– С какой бы стати этому китаезе со мной откровенничать? – И отодвинул от себя желтую купчую.

– По крайней мере, ты для них – человек нейтральный, – отозвался Притчард. – Ты не давал им повода составить о себе то или иное мнение, верно?

– Это сынам Небесной империи-то? – Нильссен вновь затянулся; табачный лист почти весь превратился в пепел. – Нет, не давал.

– Перед именем нужно произносить «А» – «А-Цю». Это у них вроде как «мистер». – Притчард помолчал мгновение, не сводя глаз с собеседника, и наконец добавил: – Вот о чем еще подумай. Если *нас* подставили, то *его*, возможно, тоже.

При этих словах в дверь постучали. Конторский служащий явился с известием, что в приемной ждет Джордж Шепард и просит его принять.

– Джордж Шепард, начальник тюрьмы? – переспросил Нильссен не без дрожи, искоса глянув на Притчарда. – Он не объяснил зачем?

– По обоюдновыгодному делу, так он сказал, – отозвался клерк. – Мне его ввести?

– Я ухожу, – тут же вскочил на ноги Притчард. – Так ты к нему навещаешься, к этому парню по имени Цю? Ну, скажи, что навещаешься.

– Это мне в Каньер тащиться, да? – вздохнул Нильссен, вспоминая про ланч и про буфетчицу в «Нонпареле».

– Да туда всего с час пути, – возразил Притчард. – Но только смотри не перепутай: тебе нужен такой тощий коротышка, чисто выбритый; ты его домишко узнаешь по торчащей трубе от кузни. Ну, жду известий. – И он вышел за дверь.

* * *

Кабинет Нильссена внезапно показался слишком тесным для тяжелого, негибкого поклона, что Джордж Шепард отвесил при входе. Комиссионер непроизвольно вжался в кресло, но тут же, чтобы сгладить впечатление, вскочил на ноги, протянул руку и воскликнул:

– Мистер Шепард – да-да, пожалуйста! Я до сих пор не имел чести ознакомиться с вашим делом, сэр... но надеюсь, что смогу оказаться вам бесполезен в ближайшем будущем... Присаживайтесь, будьте так добры.

– Я вас, конечно же, знаю, – отозвался Шепард, усаживаясь на предложенный ему стул.

Видя, что трубка Нильссена дымится, он извлек из кармана свою собственную. Нильссен передал через стол свой кисет и шведские спички. Повисла краткая пауза: Шепард набил чашечку табаком, умял его хорошенько, чиркнул спичкой. Трубка его была неглубокой, из корня вереска, с аккуратным янтарным колечком между мундштуком и черенком. Он пыхнул раз-другой, убедился, что табак занялся, и откинулся на стуле, оценивающе глянув налево, затем направо, словно пытаясь свыкнуться с планировкой помещения.

– Понаслышке, – добавил Шепард; он был из тех людей, что, дав ход мыслям, всегда доканчивают фразу. Набрав полный рот дыма, он разом выдохнул. – Тот парень, что как раз уходил. Как бишь его?

- Его зовут Джо Притчард, сэр, – Джозеф. У него аптека на Коллингвуд-стрит.
– Ах да.

Шепард помолчал, обдумывая в уме свое дело. Бледные лучи дня косо ложились на рабочий стол Нильссена и замораживали клубы табачного чада, нависавшие над его головой, – каждая спиралевидная прядь застывала в воздухе: так кварц сохраняет в себе извилистую золотую жилу и являет ее взгляду. Нильссен ждал. И думал про себя: «Если меня осудят, этот человек будет моим тюремщиком».

Назначение Джорджа Шепарда начальником хокитикской тюрьмы почти не встретило возражений у тех, кто жил и старательствовал в пределах его юрисдикции. Шепард был человеком спокойным, внушительным, двигался неспешно; эта его повадка словно бы постоянно подчеркивала ширину его плеч и весомость его рук; ходил он размашистым, размеренным шагом, а если и говорил (что случалось нечасто), то распевным, мощным, низким басом. Манеры его, напрочь лишённые и искры юмора, к себе не слишком-то располагали, но суровость в его профессии считалась достоинством, и его никогда в жизни не обвиняли в пристрастности либо предвзятости, что, как соглашались все избиратели, несомненно, делало ему честь.

Если Шепард и служил объектом досужих шуток, то разве что гипотетического плана, касавшихся главным образом его отношений с женой. Этот брак, по всей видимости, совершался в полном молчании, при мрачной решимости с его стороны и робкой пассивности – с ее. Женщина называла себя «миссис Джордж», и то еле слышным шепотом; у нее был растерянный, панически-испуганный вид истязаемой зверушки, что видит клетку там, где никакой клетки нет, и сжимается от любой неожиданности. Миссис Джордж почти не показывалась за пределами тюрьмы, разве что по редким торжественным случаям, когда, вся красная от смущения, семенила по Ревелл-стрит следом за начальником Шепардом. Они с мужем прожили в Хокитике четыре месяца, прежде чем хоть кто-то прознал, что у нее есть имя – Маргарет; хотя произнести его в присутствии бедняжки означало напугать ее до полусмерти: она тут же обращалась в бегство.

– Я пришел к вам по делу, мистер Нильссен, – начал Шепард, стискивая чашку трубки в кулаке и прижимая ее к груди. – Наше нынешнее здание тюрьмы ничуть не лучше загоня для скота. Света мало, воздуха не хватает. Чтобы проветрить, мы приоткрываем дверь на цепочке, а я караулю на пороге, с винтовкой на коленях. Помещение совершенно непригодно для жилья. У нас нет средств справляться с... более опытными преступниками. С более изощренными преступлениями. Как, скажем, убийство.

- Нету... то есть да, да, вы правы, – закивал Нильссен. – Безусловно.

Помолчав немного, Шепард продолжил:

– Простите мне мой пессимизм, но, мне сдается, в Хокитике наступают темные времена. Этот город стоит на грани. В холмах по-прежнему царит закон прииска, а здесь – что ж, мы все еще захолустье Кентербери, но вскорости станем лучшим украшением его короны. Уэстленд отделится, а Хокитику ждет процветание³⁵, но, прежде чем преуспеть, ей придется достичь примирения внутри себя.

- Достичь примирения?
– Примирить варварство и законность.
– Вы имеете в виду туземцев – племена маори?

В голосе Нильссена послышались восторженные нотки: он питал романтическую страсть к тому, что сам называл «родоплеменной жизнью». Когда маорийские каноэ поднимались по ущелью Буллер живым воплощением мощи и слепящего великолепия, он наблюдал за этим зрелищем издали – во власти благоговейного восхищения. Воины казались ему могучими

³⁵ Уэстленд – избирательный округ в пределах Уэст-Коста, но в 1873 г. он ненадолго стал самостоятельной провинцией со столицей в Хокитике.

и грозными, их женщины – непостижными, их обычаи – первозданно-жуткими. В его завороченности было больше ужаса, нежели почтения, но к этому ужасу его тянуло возвращаться снова и снова. На самом деле, поехать в Новую Зеландию Нильссена впервые сподвигла случайная встреча с бывалым моряком в придорожной гостинице близ Саутгемптона, похвалившимся (не слишком-то правдоподобно, как выяснилось позже) своим знакомством с первобытными племенами «Южных морей». Матрос был голландцем и куртку носил укороченную, выше бедер. Он обменивал железные гвозди на кокосовые орехи, он позволял островитянкам ласкать ладонями его белокожую грудь, а однажды подарил узел островному мальчишке. («Что за узел?» – взмолился Нильссен, подходя ближе; оказалось – турецкая оплетка. Нильссен не знал, что это такое, и моряк нарисовал в воздухе петли цветочного узора.)

Но в ответ на восклицание Нильссена Шепард лишь покачал головой:

– Я не использую слово «варварский» применительно к коренному населению. Я имею в виду саму землю. Золотодобыча – дело грязное; человек начинает мыслить как вор. А здесь условия достаточно тяжкие, чтобы старатели дошли до крайности.

– Но ведь на рудниках можно создать условия более цивилизованные.

– Вероятно – когда реки окончательно истощатся. Когда старатели уступят место плотинам, и драгам, и золотодобывающим компаниям, когда вырубят леса... тогда – вероятно.

– Вы не верите в силу закона? – нахмурился Нильссен. – Уэстленд скоро получит место в парламенте, знаете ли.

– Вижу, я неясно выразился, – отозвался Шепард. – Вы мне позволите начать сначала?

– Сделайте одолжение!

Начальник тюрьмы тут же заговорил, не меняя ни позы, ни тона.

– Когда два свода законов существуют одновременно, – заявил он, – человек неизбежно воспользуется одним, чтобы поносить второй. А теперь представьте себе старателя, который считает, что правильно и справедливо подать жалобу в магистратский суд на свою собственную потаскушку, ожидая, что закон будет соблюден, но сам он под него не подпадет. Ему отказали в справедливости, вероятно, даже обвинили в блудном сожительстве с девицей; и теперь он бранит и закон, и девицу. Закон не может отвечать за его старательские представления о том, что правильно, а что нет, так что он берет восстановление справедливости в собственные руки – и душит девицу. В былые дни он уладил бы свою ссору с помощью кулаков – таков был закон прииска. Вероятно, потаскушка бы погибла, а может, и выжила бы, но в любом случае он поступил бы так, как считал нужным. Но теперь – теперь он считает, что его святое право требовать справедливости оказалось под угрозой, и действует, исходя из этого. Он вдвойне зол – и ярость его проявляется вдвойне. И я вижу примеры тому всякий день.

Шепард, откинувшись назад, вновь вложил в рот трубку. Держался он невозмутимо, но светлые глаза так и буравили хозяина кабинета.

Нильссен никогда не упускал возможности выстроить гипотезу:

– Да, но, продолжая вашу логическую цепочку, вы же не отдаете предпочтения закону прииска?

– Закон прииска – филистерский и подлый, – спокойно возразил начальник тюрьмы Шепард. – Мы не дикари; мы – цивилизованные люди. Я не считаю закон несовершенным; я лишь хочу указать, что происходит, когда сталкиваются варварство и законность. Четыре месяца назад мои заключенные были пьяницы и карманники. А теперь я вижу пьяниц и карманников, которые исполнены негодования, помнят о своих правах и произносят праведные речи, как будто их судят несправедливо. Они в ярости.

– Но опять же, в завершение, – настаивал Нильссен. – После того, как потаскушку придушили, а ярость старателя иссякла. Разве гражданское право не вмешается и не приговорит этого человека? И конечно же, в итоге итогов он понесет справедливое наказание?

– Нет – если этот человек устроит целую кампанию в защиту своих старательских прав, – отозвался Шепард. – Никто не держится свода закона так ревностно, как тот, на чей свод закона покусились, мистер Нильссен, и что может быть свирепее орды разъяренных людей? Я прослужил тюремщиком шестнадцать лет.

Нильссен откинулся на стуле.

– Да, – промолвил он, – я понимаю вашу мысль. Сумерки между старым миром и новым – вот что несет в себе опасность.

– Со старым миром должно покончить раз и навсегда, – отрезал Шепард. – Я не потерплю шлюх и не потерплю тех, кто к ним таскается.

Автобиография Шепарда (если бы такой документ когда-либо был составлен, то оказался бы строг, назидателен и немногословен) не содержала в себе неизбежную главу, в которой юноша ведет разгульную жизнь и сбивается по молодости лет с пути истинного; с момента женитьбы его воображение не рисовало ничего, кроме квадратной фигуры миссис Джордж, чей образ действий был столь знаком и столь упорядочен, что он мог бы карманные часы выставлять по ее суточным ритмам. Его поведение оставалось неизменно безупречным, и, как следствие, его способность к сочувствию была невысока. Профессия Анны Уэдерелл его совершенно не завораживала; у него не сохранилось мальчишеских воспоминаний о нежности или смущении, чтобы он смягчился в отношении нюансов ее ремесла. Глядя на нее, он видел лишь перечень ошибок, ветреный ум и удручающее отсутствие каких-либо ценных задатков. То, что потаскушка попыталась наложить на себя руки, не казалось ему ни событием из ряда вон выходящим, ни поводом для огорчения; в данном конкретном случае он даже счел бы смертельный исход наилучшим благом. Мисс Уэдерелл, в конце концов, жила под властью опийного дракона – наркотика, что служил мажордомом при слабоумном короле, и она ревниво хранила сей трон.

Справедливости ради стоит отметить, что из семи добродетелей начальник тюрьмы Шепард склонялся к четырем главным. Он был хорошо осведомлен о христианской доктрине прощения, но лишь как о принципе, который полагается изучать и которому должно следовать. Мы вовсе не собираемся принижать его религию, напоминая: для того чтобы научиться дарить прощение, сперва должно о нем попросить, а начальник тюрьмы Шепард в жизни никого ни о чем не просил. Он молился за душу мисс Уэдерелл, как за всех вверенных ему мужчин и женщин, но его молитвы были скорее продиктованы долгом, нежели надеждой. Он верил, что душа обитает в теле и, следовательно, осквернение тела – это насилие над душой; согласно этой весомой теологии участь обыкновенной шлюхи и впрямь была незавидна, а уж Анна Уэдерелл, истощенная жертва жестокого обращения, являла собою зрелище воистину жалкое. Он вовсе не хотел видеть ее в аду, но про себя полагал, что спастись ей не дано.

Духовная судьба мисс Уэдерелл и способ, посредством которого девица попыталась определить ее раз и навсегда, Шепарда не занимали, равно как не интересовали и плотские ее прелести. Здесь Шепард расходился с большинством мужчин Хокитики, которые (как Гаскуан заметит Мади какими-то семью часами позже) вот уже две недели судачили главным образом об этом. Истощив первую тему, они возвращались ко второй, что позволяло длить беседу до бесконечности.

Трубка Нильссена догорела. Он выбил чашку о край стола, высыпал пепел и принялся набивать ее заново.

– Я так понимаю, Алистер Лодербек намерен все изменить к лучшему, – сообщил он, развязывая шнурки кисета свободной рукой. – Ну то есть если его все-таки изберут.

Шепард ответил не сразу.

– А вы следите за предвыборной кампанией?

Нильссен, возясь с кисетом, не заметил заминки. Когда тюремщик переступил порог кабинета, Нильссен испугался за себя и насторожился, но он обычно недолго пребывал в замешательстве. Шепардова теория законности разбередила его интеллектуальные способности,

несказанно его порадовала – и он снова взял себя в руки. Захватывающий ритуал набивания трубки – потрепанная истертость кожаных завязок, сухой пряный аромат табака – отчасти привел в порядок его чувства.

– Да, разумеется, – ответствовал он, не поднимая глаз. – Каждый день речи читаю, и с неослабным вниманием. Лодербек ведь сейчас здесь, в Хокитике, – верно?

– Здесь, – кивнул Шепард.

– Думаю, место он получит, – промолвил Нильссен, растирая щепоть табака между пальцами. – «Литтелтон таймс» его поддерживает.

– Вы его высоко ставите?

– Туннели и железные дороги, он ведь на них ставку делает? – откликнулся Нильссен. – Прогресс, цивилизация, все такое. Сдается мне, ваш образ мыслей очень даже созвучен Лодербековой кампании. – Он чиркнул спичкой.

Шепард собирался уже ответить, но замялся:

– Я обычно не говорю о политике в чужом кабинете, если меня о том не попросят, мистер Нильссен.

– О, будьте так добры, – вежливо откликнулся Нильссен, резким движением загасив спичку.

– Но с вашего позволения, я скажу так. – Шепард кивнул массивной светловолосой головой. – Мне тоже кажется, что Лодербек получит и место в парламенте, и пост управляющего тоже. За ним – сила характера, и, конечно же, его связи с коллегией адвокатов и с Советом провинции наилучшим образом свидетельствуют о его репутации и опыте.

– Для него ведь это повторное избрание, – перебил Нильссен, который очень даже часто говорил о политике в чужих кабинетах и на минуточку позабыл, что дал гостю разрешение высказаться начистоту. – Его все знают.

– Знают – в его собственных кругах, – кивнул Шепард. – Он блюдет интересы Кентербери, и его туннели и железные дороги, цитируя вас же, – это Литтелтонский туннель и проект железнодорожного сообщения между Крайстчерчской дорогой и Данидином. Как управляющий Советом, он перераспределит средства, которые еще не вложены в этот туннель и эту дорогу, – а иначе он поступить и не может, надо же выполнять предвыборные обещания.

– Насчет управляющего вы, вероятно, правы, – отозвался Нильссен, – но, как член парламента, он же будет *представлять* Уэстленд?..

– Лодербек – уэстлендец только по избирательному округу, – возразил Шепард. – Я его не виню – я сам отдам ему голос, мистер Нильссен, – но старательской жизни он не знает.

Нильссен собирался было перебить, так что Шепард энергично продолжил, чуть повысив голос:

– Так вот, я подхожу к делу, ради которого наша встреча и состоялась. Я получил разрешение комиссара полиции начать строительство новой тюрьмы – в стороне от полицейского управления, на террасе к северу от города. Вы ведь помните, что Хокитикскую дорогу расчищали заключенные? Я намерен и здесь поступить так же: использовать труд своих же заключенных на постройке тюрьмы в Сивью.

Такая перспектива показалась Нильсену весьма справедливым воздаянием; он улыбнулся.

– Однако ж, как вы уже отметили, – продолжал Шепард, – Алистер Лодербек делает упор на транспорт: в своем обращении к Совету он отстаивал необходимость использовать труд заключенных на постройке и ремонте Крайстчерчской дороги. Путь через Альпы все еще опасен: непригоден для всадника и уж тем более для кареты.

– То есть последнее слово в этом вопросе за управляющим? – уточнил Нильссен. – Разве вы не вправе воспользоваться услугами своих же собственных заключенных?

– Увы, – вздохнул Шепард. – Я поставлен держать их взаперти, и только.

Вошел клерк, неся кофе на деревянном подносе. Он был не на шутку взволнован: к Нильссену нечасто заглядывали посетители и уж тем более столь интригующие персоны, как Притчард (прославленный своим опиумом) и Шепард (прославленный своей женой). Клерк аккуратно расставил на подносе кофейник и блюдца и торжественно внес его, растопырив локти и выпрямив спину. Нильссен одобрительно кивнул: у них обычно не водилось, чтобы клерк прислуживал нанимателю, но Нильссен остался доволен впечатлением, по-видимому произведенным на гостя. Клерк опустил поднос на подсобный столик и принялся разливать кофе. Он надеялся, что собеседники возобновят разговор, пока он все еще в кабинете, и старался не торопиться, остро пожалев внезапно о плавающих на поверхности крупинках цикория: он добавил их в кофе из соображений экономии, и теперь эта неприятная зернистая плесочка словно бы укоряла его за необоснованные претензии.

За его спиной Шепард проговорил:

– Кстати, мистер Нильссен, а что вам известно про Эмери Стейнза?

Повисла пауза.

– Я знаю, что он пропал, – отозвался Нильссен.

– Пропал, да, – кивнул Шепард. – Его вот уже две недели как не видели. Очень странный случай.

– Я не слишком хорошо его знаю, – поспешил уточнить Нильссен.

– Да что вы?

– Я с ним знаком, но не в дружбе.

– А.

Нильссен едва не закашлялся и наконец взорвался:

– Альберт, ты наконец закончил?

Клерк водрузил кофейник на стол:

– Вам оставить поднос, сэр?

– Да-да, и ступай уже, бога ради, – отозвался Нильссен.

Он качнулся к протянутой чашке, так что кофе выплеснулся в блюдце, и поставил ее с глухим стуком. Вторую чашку клерк подал Шепарду; тот к ней даже не прикоснулся – просто молча указал на стол перед собою.

– Скажу вам прямо, как на духу, – объявил Шепард, едва за разочарованным клерком закрылась дверь. – Я намерен начать работы по возведению тюрьмы тотчас же, еще до выборов, чтобы, когда Лодербек вступит в должность, строительство уже шло полным ходом. Я отдаю себе отчет, что кому-то может показаться, будто я нарочно пытаюсь сорвать ему избирательную кампанию. Я пришел к вам, рассчитывая на ваше сотрудничество – и ваше благоразумие.

– И что же вам нужно? – осторожно осведомился Нильссен.

– Строительные материалы и, возможно, десять-двенадцать рабочих, начать копать траншеи под фундамент, – объяснил Шепард, извлекая из нагрудного кармана документы. – Я могу предложить вам комиссионные по вашим обычным ставкам. Место для застройки уже куплено и одобрено. Вот архитектурный эскиз.

– Это оригинал? Или копия? – Нильссен забрал бумаги из здоровенной ручки Шепарда и развернул их.

– Оригинал. Никаких копий нет, – отозвался Шепард. – Я с этими документами, разумеется, не расстаюсь – всегда ношу при себе.

– Разумеется, – согласился Нильссен, потянувшись за очками.

– Я обратился к вам, – продолжал Шепард, – а не к Кохрану, или Моррисону, или к другому конкуренту, чей бизнес, уж простите, в настоящий момент развивается куда успешнее вашего... обратился к вам лишь отчасти благодаря вашей репутации человека энергичного и компетентного.

Нильссен вскинул глаза.

– Позвольте мне высказаться начистоту, – промолвил Шепард. – Вопрос этот щекотливый, я понимаю и постараюсь выразиться как можно деликатнее. Мне стало известно, что вы заработали комиссию в размере многих сотен фунтов на юридическом оформлении продажи имущества мистера Кросби Уэллса.

Нильссен вздрогнул, но Шепард, подняв руку, призвал его к молчанию.

– Не компрометируйте себя, заговорив прежде, чем дослушаете меня до конца, – предостерег он. – Я скажу вам в точности, что мне известно. Тело покойного, прежде чем его предали земле, побывало в полицейском управлении; поскольку у мистера Уэллса не было ни друзей, ни родных, мы сами отдали ему последний долг. Мне выпала печальная обязанность осмотреть тело; я же присутствовал, когда врач осматривал жизненно важные органы в поисках признаков насильственной смерти. Доктор Гиллис пришел к заключению, что причиной смерти явился алкоголь; я небольшой специалист в данном вопросе, поэтому мог лишь согласиться с его вердиктом. Доктор Гиллис тщательно исследовал содержимое желудка и кишечника покойного, где обнаружили не только остатки еды и спирта, но и следы лауданума, хотя и в недостаточном количестве, чтобы возбудить подозрения. Я не верю, что причиной отравления Кросби Уэллса послужило что-либо, кроме алкоголя... Так вот, покойника не успели еще толком помянуть, а земля и лесопилка Уэллса были уже проданы. Землю, как вы знаете, востребовал банк – и ее практически тотчас же откупил некий мистер Эдгар Клинч; притом что сделка абсолютно законна, тем не менее любопытно, как быстро собственность перешла из рук в руки. Я так понимаю, вас затем пригласили очистить дом покойного и продать его вещи, причем ваш гонорар составлял определенный процент от их общей стоимости; вы взялись за этот заказ и вскорости обнаружили большое количество золота – где, говорите, оно было спрятано, в банке из-под муки? – на сумму в четыре тысячи фунтов. По местному выражению, «билет домой». Так вот, мистер Нильссен, вам бы тогда и уйти со своими комиссионными, на тот момент составившими изрядный кус, однако ж все предприятие оказалось сорвано, когда сошла с корабля и заявила о себе вдова мистера Уэллса. Она на неделю опоздала к похоронам, но зато явилась как раз вовремя, чтобы оспорить продажу его имущества и любую сделку как следствие этой продажи... Как я сказал, я не верю, что Кросби Уэллса отравили, – продолжал Шепард. – Но я также не верю, что золотой клад принадлежал ему и уж тем более его вдове. Появление вдовицы Уэллс – та еще странность в истории и без того странной, на мой вкус. – Он помолчал. – Не сказал ли я чего-либо, что, как вам известно или как вам кажется, не соответствует истине? Можете не отвечать, если не хотите.

– Вы собираетесь меня шантажировать? – выдавил из себя Нильссен.

– Ничуть не бывало, – отозвался Шепард. – Но согласитесь, что это пахнет сговором.

– Соглашаюсь.

– Я не детектив, – промолвил Шепард, – и никакой склонности к этой сфере деятельности не питаю. И мне дела нет до того, много ли вы знаете. Но мне нужна новая тюрьма, и я вижу шанс, выигрышный для нас обоих.

– Так назовите его, сэр.

– Вдова Уэллс подала апелляцию, оспаривая продажу имущества своего покойного мужа, – напомнил Шепард. – На рассмотрение апелляции, безусловно, уйдет не один месяц, как это водится в делах юридических, а тем временем деньги будут на депонировании в банке. В конце концов, полагаю, продажу аннулируют, и, если не обнаружится преступного сговора, вдовица заберет клад себе. Между прочим, я за последние месяцы несколько раз беседовал с Кросби Уэллсом, и он совершенно точно ни разу не упоминал о том, что женат, – ни при мне, ни при ком-либо из моих знакомых.

Нильсену представилась кошка, что треплет лапкой какого-то мелкого грызуна, втянув когти. Он ни в чем не провинился, ничего дурного не сделал и все же *чувствовал* себя виноватым; чувствовал, что скомпрометирован, как если бы во сне совершил какое-то страшное

преступление и, проснувшись, обнаружил, что подушка запятнана кровью. Он не сомневался, что в любой момент тюремщик его уличит, но в каком преступлении, он до поры не знал. Какое такое слово употребил Притчард? *Соучастник*. Да, он остро ощущал свою причастность.

Еще мальчишкой Нильссен утянул драгоценную пуговицу из шкатулки с «сокровищами» своего двоюродного брата. Пуговица была с обшлага военной куртки, латунно-желтая, с выгравированной на ней гибкой и грациозной лисой: лиса бежала, раскрыв пасть и прижав уши назад. Выпуклая и круглая, пуговица с одной стороны слегка потускнела, словно владелец то и дело поглаживал ее пальцем по краешку и со временем глянец поистерся. Двоюродный брат Магнус, кривоногий, рахитичный, одной ногою стоял в могиле; так что делиться игрушками его не заставляли. Но Нильссен так воцарился в этой пуговице, что однажды ночью, пока Магнус спал, прокрался к нему в комнату, отпер шкатулку и умыкнул сокровище; он походил немного по темной детской взад-вперед, вертя добычу в руках, чувствуя ее тяжесть, проводя пальцем по фигурке лисицы, ощущая, как металл согревается в его ладони, пока на него не накатило не то чтобы раскаяние, но забрезжившая усталость, опустошенность, и он возвратил пуговицу на место. Кузен Магнус так ничего и не узнал. Никто ничего не узнал. Но на протяжении многих месяцев и лет, да что там, десятков лет, долгое время спустя после смерти Магнуса эта кража занозой сидела в его сердце. Всякий раз, произнося имя двоюродного брата, он, словно наяву, видел залитую лунным светом детскую; он заливался румянцем без видимой причины; он порою щипал себя или ругался сквозь зубы при этом воспоминании. Ибо хотя человека судят по поступкам его, по тому, что он сказал или сделал, сам человек судит себя по намерениям, по тому, что хотел бы предпринять, что мог бы сказать или сделать, – и суждение такое неизбежно затрудняют не только размах и масштаб фантазии индивида, но и его постоянно меняющиеся критерии сомнений и самоуважения.

– По моим оценкам, сделку окончательно аннулируют никак не раньше апреля, – объяснял Шепард с той же несокрушимой серьезностью. – Тем временем – в сущности, немедленно – я предлагаю вам вложить всю сумму вашей комиссии в строительство моей тюрьмы.

Нильссен изумленно поднял брови.

– Но эти деньги не мои, – второй раз за день повторил он. – Их уже отозвали де-юре, если не де-факто. Как только апелляционная жалоба вдовы будет удовлетворена и сделку по продаже имущества признают недействительной, мне придется полностью вернуть комиссионное вознаграждение.

– Совет спонсирует вашу ссуду с прибавлением процентов, – отозвался Шепард. – В конце концов, постройка тюрьмы финансируется за счет бюджета; к тому времени, как ваше комиссионное вознаграждение затребуют обратно, я смогу привлечь средства из Резервного банка и заплатить вам. Мы составим контракт; вы вольны назвать свои условия. Вашим капиталовложениям гарантируется полная безопасность.

– Если в вашем распоряжении бюджетное финансирование, – возразил Нильссен, – тогда зачем вы вообще обращаетесь ко мне? На что вам сдались эти четыреста фунтов?

– У вас – наличные; речь идет о частной инвестиции, – объяснил Шепард. – Мое финансирование было одобрено Советом, но пока что не выплачено; если я стану сидеть сложа руки до тех пор, пока средства не выделят и не переведут на счет тюрьмы, мне придется ждать, пока три десятка работников банка перекладывают мой контракт по тридцати столам с одного на другой и обратно. Настанет март, а то и апрель, выборы уже завершатся.

– И Лодербек получит своих заключенных, – кивнул Нильссен.

– Вот именно; и в придачу выкачает куда больше из бюджета округа.

– Хорошо же, – отозвался Нильссен. – Предположим, что я соглашаюсь и вы получаете свою тюрьму. Но вы сказали, что мы *оба* на этом выгадаем.

– Ну да, – сощурился Шепард. – Вы получаете неплохой заказ, мистер Нильссен. Комиссионное вознаграждение по вашим стандартным ставкам за рабочую силу, и железо, и древесину, и гвозди, и самые разные мелочи. Законную прибыль – вот что вы выгадаете.

Нильссен не видел, к чему тут придраться (спору нет, вот уже много недель он не получал заказов настолько выгодных), но от шепардовской манеры ведения дел чувствовал себя не в своей тарелке. Тюремщик произнес слово «убийство» и назвал это преступление «изошренным»; он дождался свидетеля в лице Альберта и в его присутствии спросил про Эмери Стейнза, а рассказывая про историю с Уэллсом, устроил целое представление, не позволяя Нильсену вставить хоть слово, чтобы торговец-оптовик себя не скомпрометировал, заговорив слишком рано или сказав слишком много, – как будто у того и впрямь совесть была нечиста. Шепард обращался с владельцем кабинета как с преступником.

– А если я откажусь от вашего предложения, что тогда? – осведомился Нильссен.

Шепард растянул губы в редкой улыбке, впечатление от которой осталось довольно злое.

– Вы непременно хотите усмотреть в моем предложении шантаж, – отозвался он. – В толк не возьму почему.

Нильссен недолго выдерживал взгляд тюремщика.

– Я дам вам ссуду и предоставлю свои услуги на комиссионной основе, – наконец произнес он. Голос его звучал еле слышно. Он пододвинул к себе архитектурский эскиз. – Будьте так добры подождать минуту, я составлю список нужных вам материалов.

Шепард наклонил голову и наконец-то взял со стола быстро остывающую чашку кофе. Блюдце он придерживал с превеликой осторожностью; в его здоровенной ручище фарфор казался немыслимо хрупким: того и гляди кулак сожмется и одним движением раздавит его в пыль. Шепард осушил чашку и поставил ее в точности на прежнее место на Нильсеновом рабочем столе. А затем вновь вложил в рот трубку, скрестил руки и выжидающе замер. Тишину нарушало лишь прерывистое царапанье Нильсенова пера.

– Я выпишу вам чек в понедельник утром, – наконец произнес Нильссен, выводя окончательную сумму. – Мы можем дать заявку на подряд в понедельничном номере газеты – я немедленно пошлю записку Левенталю. Я бы посоветовал, чтобы рабочие пришли записываться сюда, на Аукционный двор, ровно в десять, – это даст людям шанс прочесть газету и всем рассказать о прочитанном. К полудню понедельника, если погода позволит, мы уже сможем начать работы на строительном участке.

Шепард сощурился.

– Вы сказали – Левенталь? Бен Левенталь – это который еврей?

– Ну да, – заморгал Нильссен. – А где и разместить объявление, как не в газете? Если хотите, можно, конечно, напечатать рекламные листки или бюллетени, но «Таймс» читают все.

– Надеюсь, мы договорились, что инвестиция вашего комиссионного вознаграждения – это строго конфиденциальное дело.

– Договорились, сэр. – Повисла пауза. – Честное слово, – добавил Нильссен и тут же пожалел о сказанном.

– Вероятно, нам стоило бы добавить в договор отдельную статью на этот счет, – небрежно обронил Шепард. – Для вящего спокойствия.

– Вы можете положиться на мое благоразумие, – отозвался Нильссен и снова вспыхнул до ушей.

– От души надеюсь, что и впрямь могу. – Шепард встал и протянул руку.

Поднялся на ноги и Нильссен; джентльмены обменялись рукопожатием.

– Мистер Шепард, – внезапно окликнул его Нильссен, когда гость уже собирался было уходить, – вот вы говорили про варварство и законность, мир старый и новый...

– Было дело. – Шепард невозмутимо глядел на него.

– Мне бы очень хотелось услышать, как такой образ мыслей применим ко всей этой истории – к имуществу, к «золотому кладу» и вдове Уэллс.

Шепард надолго задумался.

– Золотой клад, «билет домой», – это возможность полного преобразования, мистер Нильсен, – изрек он наконец. – Отыскав самородок, человек может выкупить собственную жизнь. Таких обещаний в мире законности не дают.

После того как Шепард ушел, Нильсен еще долго сидел в своем офисе, снова и снова прокручивая в мыслях предложение тюремщика. В груди его зрели семена сомнения. Он чувствовал, что упустил какое-то связующее звено, – как если бы нашел в старой жилетке, в кармане для часов, завязанный узлом и скомканный носовой платок и, хоть убей, никак не мог вспомнить, что именно этот узел должен подсказать ему: что за поручение, что за обязанность, и где он вообще находился, когда завязал уголки и спрятал платок у самого сердца. Он побарабанил пальцами; он потерял лацкан. В окна хлестал дождь. Серые тени в комнате сдвинулись: солнце садилось в тучи. Внезапно Нильсен встал, подошел к двери, чуть приоткрыл ее.

– Альберт! – крикнул он сквозь щель.

– Да, сэр! – откликнулся клерк из приемной.

– Кросби Уэллс – ну этот, покойник...

– Сэр?

– Кто нашел тело? Напомни мне.

– Группа людей, сэр, – отозвался Альберт.

– Ты помнишь эту историю?

– Ее в газетах пропечатали – могу найти, если надо.

– Просто расскажи, что знаешь.

– Маленький отряд остановился подкрепиться и обнаружил мистера Уэллса мертвым: он, как я понимаю, только-только испустил дух. Сидел себе за кухонным столом – так в газетах говорится.

– А как нашедшего звали? – Но Нильсен уже все понял. Он прижался лбом к дверному косяку: его затошнило.

– Да это тот самый парень, который за уэстлендское место борется, – отозвался Альберт. – Он сам из Кентербери. Вы с ним на прошлой недели встречались в «Звезде». Звать Алистер Лодербек.

* * *

Минут десять спустя Нильсен появился в дверях приемной и сдернул с вешалки цилиндр с таким громким треском, что клерк аж подпрыгнул на стуле. Нильсен сжимал в руке трость с видом весьма свирепым, перехватив ее посередине, словно дубину. И был бледен как полотно.

– Мне визитеров в «Нонпарель» отправлять? – крикнул Альберт вслед оптовому торговцу.

– Нет, оставь меня в покое! Скажи им, пусть подождут. Скажи, пусть приходят в понедельник! – рявкнул Нильсен с порога, не обернувшись.

Он вышел из проходной и решительно зашагал по набережной, но, дойдя до своей любимой пирожковой на углу, даже не задержался. Лишь поплотнее запахнулся в пальто и свернул прочь от моря, в направлении Каньера и золотых приисков.

Скорпион восходит в полночь

Глава, в которой аптекарь отправляется на поиски опиума, мы наконец-то знакомимся с Анной Уэдерелл, Притчард теряет терпение и звучат два выстрела.

Покинув офис Нильссена, Джозеф Притчард вернулся в свою лабораторию на Коллингвуд-стрит отнюдь не сразу. Вместо того он направился в «Гридирон», одну из шестидесяти или семидесяти гостиниц, выстроившихся вдоль Ревелл-стрит, на ее самом оживленном и людном участке. Это заведение, с его канареечно-желтой отделкой и «ложными» жалюзи, щеголявшее ярким фасадом даже в дождь, служило местом постоянного проживания мисс Анны Уэдерелл, и, хотя у нее было не в обычае принимать гостей в этот час дня, Притчард в свою очередь не привык вести дела, сообразуясь с чьим бы то ни было режимом, кроме своего собственного. Он протопал вверх по ступеням и потянул на себя тяжелую дверь, даже не кивнув старателям на веранде; те расселись рядком, закинув ноги в сапогах на поручень, – кто резал по дереву, кто чистил ногти, кто сплевывал табак в грязь. Притчард мрачно проследовал в вестибюль; старатели проводили его взглядами, явно забавляясь про себя, и, едва за ним с глухим стуком захлопнулась дверь, отметили: вот человек, твердо намеренный разобраться, что к чему.

Притчард вот уже много недель не видел Анны. О ее попытке самоубийства он узнал лишь из третьих рук, от Дика Мэннеринга, который, в свою очередь, передал дальше вести, полученные от китайца А-Су, хозяина опиумной курильни в Каньере. Анна частенько занималась своим ремеслом в каньерском Чайнатауне, и по этой причине Анну в обиходе прозвали Китайская Энни, каковое прозвище повредило ее репутации в одних кругах и изрядно поспособствовало в других. Притчард не принадлежал ни к какому лагерю – он мало интересовался чужой личной жизнью, так что его и не раззадорило, и не оттолкнуло известие о том, что потаскушку особенно жалует А-Су и что, как позже сообщил Притчарду Мэннеринг, узнав о том, как она едва не погибла, китаец впал в истерику. (Мэннеринг не говорил на кантонском диалекте китайского языка, зато знал несколько иероглифов, включая «металл», «хотеть» и «умирать», – достаточно, чтобы вести пиктографическую беседу с помощью блокнота, уже так густо покрытого пометками и пятнами от долгого использования, что владелец мог выстраивать изощренные риторические фигуры, просто отлистав страницы назад и ткнув пальцем в старую ссору, бывшее соглашение или давнюю сделку купли-продажи.)

Притчарда рассердило, что Анна не обратилась к нему напрямую. В конце концов, он – аптекарь и к югу от реки Грей по крайней мере единственный поставщик опиума в курильни Уэст-Коста, эксперт в вопросе передоза. Анне следовало зайти к нему и спросить совета. Притчард ни на минуту не верил, что Анна пыталась покончить с собой, вот не верил – и все. Он не сомневался, что наркотик ей дали насильно – либо так, либо в дурман что-то добавили с целью повредить девушке. Притчард попытался изъять остаток партии из китайской курильни, чтобы исследовать вещество на предмет яда, но взбешенный А-Су в этой просьбе отказал, недвусмысленно возвестив (опять же через Мэннеринга) о своем твердом намерении никогда более не вести дел с аптекарем. Угроза Притчарда не испугала: в Хокитике у него была обширная клиентура, а продажа опиума составляла лишь очень небольшой процент его дохода, – но его профессиональное любопытство удовлетворено не было. Так что теперь ему требовалось лично расспросить девицу.

Притчард вошел в вестибюль; хозяина гостиницы «Гридирон» на месте не оказалось, вокруг царила дребезжащая пустота. Но вот глаза Притчарда привыкли к темноте, и он разглядел слугу Клинка: прислонившись к конторке, тот читал старый номер «Лидера», одновременно проговаривая слова и водя пальцем от строчки к строчке. На стойке, там, где движение его пальца отполировало дерево до блеска, тускнело жирное пятно. Слуга поднял глаза и кивнул аптекарю. Притчард бросил ему шиллинг; тот ловко поймал монету и прищелкнул

ею по тыльной стороне ладони. «Решка!» – крикнул паренек, и Притчард, уже двинувшись вверх по лестнице, фыркнул от смеха. Если задеть его чувства, Притчард разъярялся не на шутку; и прямо сейчас он действительно был разъярен. В коридоре царила тишина, но он на всякий случай приложил ухо к двери Анны Уэдерелл и на мгновение прислушался, прежде чем постучать.

Харальд Нильссен был прав в своих догадках: отношения Притчарда с Анной Уэдерелл были несколько более надрывны, нежели его собственные, однако он ошибался, полагая, что аптекарь влюблен в девушку. На самом деле предпочтения Притчарда были насквозь традиционно-консервативны и даже инфантильны. Он бы скорее запал на молочницу, нежели на проститутку, сколь бы глупа и скучна ни была первая и эффектна – вторая. Притчард ценил чистоту и простодушие, скромное платье, тихий голос, кроткий нрав и умеренность притязаний – иначе говоря, контраст. Его идеальная женщина должна была являть полную его противоположность: насквозь понятна там, где сам он непостижим, спокойна и сдержанна там, где сам он не таков. Она станет для него чем-то вроде якоря, свыше и извне, станет лучом света, утешением и благословением. Анна Уэдерелл, при всех ее крайностях и увлечениях, слишком походила на него. Не то чтобы Притчард ее за это ненавидел – но жалел.

В общем и целом, в том, что касалось прекрасного пола, Притчард был весьма сдержан. Он не любил болтать о женщинах с другими мужчинами: эта привычка, по его мнению, недалеко ушла от вульгарного паясничанья. Он помалкивал, и в результате приятели верили в его многочисленные успехи, а женщины усматривали в нем глубокую, загадочную натуру. Он был по-своему хорош собой; дело его процветало; он считался бы весьма завидным женихом, если бы работал чуть меньше, а в обществе бывал чуть больше. Но Притчард терпеть не мог многолюдные разношерстные компании, где от каждого мужчины ждут, что он выступит как бы представителем своего пола и игриво представит все свои достоинства на тщательное рассмотрение присутствующих. В толпе он задыхался, делался раздражительным. Он предпочитал узкий круг немногих друзей, которым был безоглядно предан – как по-своему был предан Анне. Та доверительная близость, что он ощущал, будучи с ней, объяснялась главным образом тем, что мужчина не обязан обсуждать своих девок с другими; проститутка – дело личное, это блюдо полагается вкушать в одиночестве. Одиночества он в Анне и искал. Она дарила ему покой уединения; будучи с нею, он неизменно держал дистанцию.

По-настоящему Притчард любил один-единственный раз в жизни, однако уже шестнадцать лет минуло с тех пор, как Мэри Мензис стала Мэри Феркин и перебралась в Джорджию, к жизни среди хлопка, краснозема и (как навоображал себе Притчард) мешкотной праздности – следствия богатства и безоблачных небес. Не умерла ли она, не опочил ли мистер Феркин, народились ли у нее дети и выжили или нет, сильно ли она постарела или выглядит моложе своих лет, Притчард понятия не имел. В его мыслях она так и осталась Мэри Мензис. Когда он видел ее в последний раз, ей шел двадцать шестой год, на ней было простенькое узорчатое муслиновое платье, волосы собраны в локоны у висков, на запястьях и пальцах – никаких украшений. Они сидели у коробчатого окна – прощались.

«Джозеф, – сказала она тогда (а он позже занес ее слова в блокнот, чтобы запомнить навсегда), – Джозеф, сдаётся мне, ты с добром всегда в разладе. Хорошо, что ты за мной никогда не ухаживал. Так ты станешь тепло вспоминать меня. Ты бы не смог, сложишься все иначе».

По ту сторону двери раздались быстрые шаги.

– О, это ты, – вот и все приветствие, которым удостоила его Анна.

Она была разочарована – верно, ждала кого-то другого. Притчард молча переступил порог и затворил за собою дверь. Анна вошла в поделенный начетверо прямоугольник света под окном.

Она была в трауре, но по старомодному покрою платья (юбка колокол, лиф с мысиком) и выцветшей ткани Притчард догадался, что шилось оно не на нее, – видимо, чей-то подарок

или, что еще более вероятно, подержанная вещь от старьевщика. Он заметил, что подол был выпущен: полоса у самого пола шириной в два дюйма выделялась более густо-черным цветом. Странно было видеть проститутку в трауре – все равно что прифрантившегося священника или ребенка с усами; прямо-таки с толку сбивает, подумал Притчард.

Ему вдруг пришло в голову, как редко он видел Анну иначе, нежели при свете лампы или при луне. Цвет ее лица был прозрачен до голубизны, а под глазами пролегали глубокие фиолетовые тени – словно ее портрет написали акварелью на бумаге, недостаточно плотной, чтобы удерживать в себе влагу, и краски растеклись. Ее черты, как сказала бы матушка Притчарда, были сплошь угловатые: очень прямой лоб, заостренный подбородок, узкий, геометрически четкий нос – скульптор изваял бы его четырьмя взмахами руки: по срезу с каждой стороны, один по переносице и вдавленная снизу ямочка. Губы у нее были тонкие, глаза – большие от природы, но приглядывалась она к миру подозрительно и нечасто прибегала к их помощи обольщения ради. Щеки у нее были впалы, так что просматривалась линия челюсти – так просматривается обод барабана под туго натянутой мембраной кожи.

В прошлом году она забеременела, это состояние согрело восковую бледность ее щек и придало полноты жалостно-худым рукам, и такой она Притчарду очень нравилась: округлый живот и набухшие груди, спрятанные под бессчетными ярдами батиста и тюля – тканей, что смягчали ее облик и придавали ей живости. Но где-то после весеннего равноденствия, когда вечера сделались длиннее, а дни ярче и багряное солнце зависало совсем низко над Тасмановым морем на много часов, прежде чем наконец кануть в красные морские волны, ребенок погиб. Его тельце давно завернули в ситец и погребли в неглубокой могилке на уступе в Сивью. О смерти младенца Притчард с Анной не заговаривал. В ее номер он заглядывал очень нерегулярно, а когда заходил, то вопросов не задавал. Но, узнав эту новость, он оплакал ее наедине с собою. В Хокитике было так мало детей – трое-четверо, не больше. Им радовались, как радуются, заслышав знакомый акцент в речи или завидев у горизонта долгожданный корабль: они напоминали о доме.

Притчард ждал, чтобы Анна заговорила первой.

– Тебе нельзя здесь оставаться, – заявила она. – У меня деловая встреча.

– Я тебя не задержу. Просто про здоровье хотел спросить.

– О! – взорвалась она. – Мне этот вопрос осточертел – просто осточертел!

Притчард не на шутку удивился ее вспышке:

– Давненько я к тебе не зааживал.

– Да.

– Но я тебя на главной улице видел – сразу после Нового года.

– Городишко у нас маленький.

Он шагнул ближе:

– От тебя морем пахнет.

– Вовсе нет. Я вот уже много недель в море не купалась.

– Тогда, значит, штормом и бурей. Вроде как, когда на улице метель метет,ходишь в дом – и вносишь с собой холод.

– Что это ты себе думаешь?

– Что я себе думаю?

– С какой стати ты заговорил поэтическим слогом?

– Поэтическим?

(У Притчарда была прескверная привычка в разговоре с женщинами отвечать на вопрос вопросом. Мэри Мензис как-то раз на нее пожаловалась – давным-давно.)

– Сентиментальным. Затейливым. Не знаю. Не важно. – Анна потеревла манжет платья. – Я уже выздоровела, – сообщила она. – И следующий свой вопрос можешь не задавать. Я

вовсе не собиралась совершать ничего такого противного природе. Трубочку хотела выкурить, как всегда, а потом заснула, ничего больше не помню, проснулась в тюрьме.

Притчард положил шляпу на шкаф.

– И с тех пор тебя только и делают, что травят.

– Со свету сживают.

– Бедная ты.

– Сочувствие еще хуже.

– Ну что ж, тогда я сочувствовать не стану, а, напротив, проявлю жестокость, – промолвил Притчард.

– Мне все равно.

Казалось, говорит она с безразличным сожалением. Притчард разозлился было и собирался уже дать волю гневу, но вовремя напомнил себе, что он тут по делу.

– И кто же твой клиент? – осведомился гость, чтобы ее поддеть.

Анна отошла было к окну – и теперь изумленно полуобернулась:

– Что?

– Ты сказала, у тебя деловая встреча. Кто же это?

– Да нет никакого клиента. Мы тут с одной дамой договорились пойти шляпки посмотреть.

Притчард хмыкнул:

– Я, знаешь ли, про кодекс чести проституток наслышан. Тебе нет необходимости лгать.

Анна изучающее рассмотрела его словно бы с огромного расстояния – словно для нее он был лишь пятнышком на горизонте, далекой тающей точкой. Наконец она заговорила – медленно, точно обращаясь к ребенку:

– Ну конечно, ты ж не знал. Я этим делом покамест больше не занимаюсь.

Притчард изогнул брови и, скрывая изумление, рассмеялся:

– То есть ты теперь честная женщина? Шляпки, цветочки в ящиках, все такое? Без перчаток на улицу не выходишь?

– Только пока я ношу траур.

При этом ответе, высказанном просто и тихо, Притчард осознал, как глупо выглядит со своим нелепым смехом, и в груди у него стеснилось от досады.

– А Дик что по этому поводу говорит? – полюбопытствовал Притчард, имея в виду работодателя Анны мистера Мэннеринга.

Анна отвернулась.

– Он недоволен, – признала она.

– Да уж еще бы!

– Джо, я не хочу с тобой это обсуждать.

– Что ты имеешь в виду? – ошетинился Притчард.

– Я ничего не имею в виду. Ничего особенного. Просто я устала о нем думать.

– Он тебя обижает?

– Нет, – покачала головой Анна. – Не то чтобы.

Притчард хорошо разбирался в проститутках. Есть жеманницы, они изображают, будто до глубины души шокированы, манерничают, сюсюкают; есть дебелые, услужливые тетехи, они носят ниспадающие рукава до локтя в любую погоду и всех называют «мальчиками»; есть пьянчуги, плаксивые и жадные, с растрескавшимися, покрасневшими костяшками пальцев и слезящимися глазами; и, наконец, есть категория, к которой принадлежала и Анна, – непостижимые натуры, то ясные и прозрачные, а то яркие, искрометные; их манера держаться говорит об утонченном страдании, о несчастье настолько законченном и совершенном, что оно заявляет о себе как о невозмутимом внутреннем достоинстве. Анна Уэдерелл была больше чем темная лошадка – она была сама тьма или плащ тьмы. Она была безмолвной прорицательницей, думал

про себя Притчард, – жрицей, что знает не мудрость, но порок; какие бы жестокости ты ни совершил, ни сказал и ни наблюдал своими глазами, она явно повидала много чего похуже.

– А ко мне ты почему не пришла? – проговорил он наконец: ему хотелось обвинить собеседницу хоть в чем-нибудь.

– Когда?

– Когда тебе поплохело.

– Я была в тюрьме.

– Ну, после.

– И чем бы ты мне помог?

– Я бы, вероятно, избавил тебя от многих неприятностей, – коротко отозвался Притчард. – Я мог бы доказать, что в опиум подмешали яд, если бы ты позволила мне свидетельствовать в твою пользу.

– Ты знал, что опиум отравлен?

– Это всего лишь догадка. А как же иначе, Анна? Разве что...

Анна снова отошла от него, на сей раз к изголовью кровати, обхватила пальцами железную шишку. Стоило ей двинуться, и Притчард снова почувствовал ее запах – запах моря. Сила этого чувства его просто ошеломила. Ему пришлось сдержать порыв шагнуть к ней, последовать за нею, вдохнуть ее всей грудью. Ему чудился запах соли, и железа, и тяжелый, металлический привкус ненастья... низко нависшие облака, подумал он, и дождь. И не просто море: *корабль*. Запах просмоленных канатов, штормовая влажность выбеленного тикового дерева, промасленная парусина, свечной воск. У Притчарда слюнки потекли.

– Отравлен, значит. – Анна покосилась на гостя. – И кем же?

(Возможно, это сработала сенсорная память – всего-то-навсего случайное эхо, что вдруг растекается по всему телу, а затем так же мгновенно гаснет. Притчард прогнал докучную мысль.)

– Тебе наверняка приходила в голову такая возможность, – нахмурился он.

– Наверное. Ничего не помню.

– Вообще ничего?

– Помню, села с трубкой. Нагрела булавку. После – ничего.

– Я-то верил, что ты не самоубийца, что ты ничего дурного не замышляла. Я ни на минуту в этом не сомневался.

– Ну что ж поделаешь, – отозвалась Анна, – если некоторые от этой мысли отделаться никак не могут.

– Да, действительно – никак не могут, – быстро откликнулся Притчард. Он чувствовал, что над ним взяли верх, и на всякий случай отступил на полшага назад.

– Я ничего не знаю про яд, – заверила Анна.

– Если бы я мог подвергнуть проверке то, что осталось от порции, я бы сказал тебе, подмешано ли к веществу что-то еще, – объяснил Притчард. – За этим я и пришел. Хотел узнать, нельзя ли откупить у тебя обратно небольшое количество, чтоб глянуть, в чем там дело. А-Су со мной даже не здоровается.

Анна сощурилась:

– Ты хочешь подвергнуть его проверке – или подменить вещество?

– Ты это о чем еще?

– Может, ты следы заметаешь.

Притчард негодуя вспыхнул:

– Какие еще следы? – Анна промолчала, и он повторил вопрос: – Какие еще следы?

– А-Су считает, это *ты* подмешал туда яду, – наконец выговорила Анна, не сводя с гостя глаз.

– Ах, он так считает? Чертовски сложный обходной способ, признаться, если бы мне и впрямь хотелось лишить тебя жизни.

– Может, ты *его* хотел убить?

– И потерять клиента? – Притчард понизил голос. – Послушай, на братские чувства и все такое я не претендую, но с азиатами я не ссорился и ссориться не собираюсь. Ты слышишь? У меня нет причин желать кому-либо из них зла. Вообще никаких.

– Палатку на его участке снова изрезали. В прошлом месяце. И все его снадобья погибли.

– Уж не думаешь ли ты, что это сделал я?

– Нет, не думаю.

– Тогда в чем фокус? – не отступался Притчард. – Анна, выкладывай! Что происходит?

– Он думает, ты занимаешься рэкетом.

– Травлю узкоглазых? – фыркнул Притчард.

– Да, – кивнула Анна. – И это не такая уж глупая мысль, знаешь ли.

– Ах вот как! И ты с ним согласна, да?

– Я этого не говорила, – возразила девушка. – Это не я так считаю...

– Ты считаешь меня сварливым старым пнем, – отозвался Притчард. – Я знаю. Анна, я и впрямь сварливый старый пень. Но я не убийца.

Убежденность проститутки развеялась так же быстро, как подчинила ее себе. Анна вновь отпрянула, шагнула в сторону, к окну, рука ее потянулась к плетеному кружеву воротника, затеребила его. Притчард тут же смягчился. Он узнал этот жест: это характерное движение, свойственное не ей одной, но любой девушке.

– Ну как бы то ни было, – проговорил он примирительно. – Как бы то ни было.

– Ты не так уж и стар, – сказала Анна.

Ему отчаянно хотелось к ней прикоснуться.

– А потом еще эта проблема лауданума – несчастный случай с Кросби Уэллсом, – промолвил он. – У меня эта история из головы не идет.

– Что еще за проблема лауданума?

– Под кроватью отшельника нашли флакон с лауданумом. Мой.

– Закупоренный или открытый?

– Закупоренный. Но наполовину пустой.

Анна явно заинтересовалась:

– Твой – в смысле, он принадлежал тебе лично или просто был куплен в твоей аптеке?

– Куплен, – объяснил Притчард. – И куплен не Кросби. Я этому человеку в жизни ни драхмы не продал.

Анна задумчиво прижала ладонь к щеке:

– Очень странно.

– Эх, старина Кросби Уэллс. – Притчард делано рассмеялся. – При его жизни никто и никогда о нем вообще не задумывался, а теперь вон как вышло.

– Кросби... – проговорила Анна и вдруг, неожиданно-негаданно, расплакалась.

Притчарду захотелось шагнуть к ней, раскрыть объятия, утешить девушку. Она пошарила в рукаве в поисках платка; Притчард ждал, сцепив за спиной руки. Она плакала не о Кросби Уэллсе. Она ж его даже не знала. Плакала она о себе.

Разумеется, думал Притчард, это неприятно – когда тебя судят за попытку самоубийства в суде по мелким искам, и травят все кто попало, и обсуждают в «Таймс» как какую-то диковину, и сплетничают о тебе за завтраком и между партиями в бильярд, словно душа человеческая – это общее достояние и база для судебного разбирательства. Притчард не сводил с Анны глаз: вот она высморкалась, тонкими пальцами неловко затолкала платок обратно в рукав. Нет, это не просто усталость – это горе совсем иного рода. Она, похоже, не столько измотана и затравлена, сколько разрывается надвое.

– Ничего, пустяки, – наконец проговорила Анна, взяв себя в руки. – Не обращай на меня внимания.

– Если бы я только мог взглянуть хоть на кусочек, – гнул свое Притчард.

– Что?

– Ну, дурман – я б его у тебя откупил. Я вовсе не собираюсь ничего подменять; ты можешь дать мне совсем чуть-чуть, вся порция мне не нужна.

Девушка резко качнула головой, и Притчард внезапно понял, что в ней изменилось. Он шагнул вперед, за три стремительных шага преодолев разделяющее их расстояние, и схватил ее за рукав.

– Где вещество? – потребовал он. – Где смола?

Анна отдернула руку.

– Я ее съела, – заявила девушка. – Последние остатки доела вчера вечером, если хочешь знать.

– Нет, быть того не может!

Притчард последовал за ней, развернул ее за плечи лицом к себе. Большим пальцем приподнял ей подбородок, запрокинув голову, и взглянул в ее глаза.

– Ты врешь, – объявил он. – Ты чиста.

– Я его съела, – повторила Анна, рывком высвобождаясь.

– Ты опиум обратно А-Су отдала? Он его забрал?

– Еще раз повторяю: я его съела.

– Да брось ты! Анна, не лги мне!

– Я не лгу.

– Ты съела порцию отравленной смолы – и глаза у тебя ясные, как рассвет?

– А кто говорит, что опиум был отравлен? – сощурилась девушка.

– И даже если не был...

– Ты *знаешь* доподлинно, что опиум был отравлен? Ты *уверен*?

– Я ни черта не знаю об этом треклятом деле и тон твой мне не нравится! – рявкнул Притчард. – Да ради бога, я всего-навсего хочу получить назад кусочек той порции, чтобы ее проверить!

Анна вновь встрепенулась:

– И кто же, интересно, его отравил, а, Джо? Кто пытался меня убить? Твои предположения?

– А-Су, может статься, – взмахнул рукой Притчард.

– Обвинить обвинителя? – Анна рассмеялась. – Именно такую игру преступник и ведет!

– Я пытаюсь помочь тебе! – в бешенстве рявкнул Притчард. – *Я помогаю* пытаюсь!

– Нечего тут помогать! – закричала Анна. – Помогать тут некому! В последний раз: это не попытка самоубийства, Джозеф, и – никакого – чертова – *яда*!

– Тогда объясни мне, как ты, полумертвая, оказалась посреди Крайстчерчской дороги?

– *Я не могу этого объяснить!*

Впервые за этот день Притчард прочел в ее лице подлинные чувства: страх и ярость.

– Ты тем вечером курила трубку – как всегда?

– Как всякий день после того, как внесла залог.

– А сегодня?

– Нет. Говорю же: вчера вечером я съела все, что осталось.

– В котором часу?

– Поздно. Может, в полночь.

Притчарду захотелось сплюнуть.

– Не делай из меня дурака. Я сколько раз видел тебя и под кайфом, и под отходняком. Прямо сейчас ты трезва, как монахиня.

Ее лицо исказилось.

– Если ты мне не веришь, уходи.

– Нет. Не уйду.

– Черт тебя подери, Джо Притчард.

– Черт подери *тебя*.

Анна снова расплакалась. Притчард отвернулся. Где она его прячет? Он шагнул к гардеробу, открыл, стал перетряхивать содержимое. Платья на вешалках. Нижние юбки. Кальсоны, по большей части изодранные и замызганные. Платки, шали, корсеты, чулки, ботинки на пуговках. Ничего! Он отошел к комоду, где на треснувшей фарфоровой тарелке стояла спиртовая лампа, – ее опиумная лампа, надо думать, и тут же – скомканная пара перчаток, расческа, подушечка для булавок, вскрытая упаковка мыла, разнообразные склянки с кремами и пудрой. Эти предметы он поочередно брал в руки и ставил на место; он задался целью перевернуть комнату вверх дном.

– Что ты делаешь? – вознегодовала Анна.

– Ты его прячешь и не говоришь мне почему!

– Это мои вещи.

Притчард расхохотался:

– Памятные подарочки, да? Ценные сувениры? Антиквариат?

Он рывком выдвинул ящик из комода и перевернул его на пол. С грохотом посыпались мелочи и безделушки. Монеты, деревянные катушки ниток, ленты, обтянутые тканью пуговицы, портновские ножницы. Выкатились три пробки от шампанского. Мужская кисточка для бритья – она, верно, где-то ее стибрила. Спички, косточки для корсета. Билет, по которому она приехала в Новую Зеландию. Смятые клочки ткани. Зеркальце в посеребренной оправе. Притчард разгреб кучу. Вот Аннина трубка, и где-то должна быть от нее коробочка или, может, мешочек, а внутри – вощеную бумагу завернута смола, точно магазинная ириска. Он выругался.

– Скотина, – произнесла Анна. – Ты омерзителен.

Не обращая на нее внимания, Притчард подобрал трубку.

Трубка оказалась китайской работы; сделанная из бамбука, она была длиной с Притчардово предплечье. Чашка располагалась дюймах в трех от конца, выдавалась вперед, как дверная ручка, и крепилась к дереву с помощью металлической скобы. Притчард взвесил трубку в руках, держа ее, как флейтист – флейту. Затем принялся. По краю чашки загустел темный нагар, как если бы к трубке прикладывались, причем недавно.

– Ну, доволен? – спросила она.

– Придержи язык. Игла где?

– Здесь. – Она указала на кусок ткани среди жалкого мусора на полу, с воткнутой в него длинной шляпной булавкой, почерневшей на конце.

Притчард обнюхал и булавку. Затем вставил ее в отверстие в чашке и повращал, держась за кончик.

– Ты ее сломаешь.

– Значит, окажу тебе услугу.

(Притчарда удручало и шокировало Аннино пристрастие к наркотику – но почему бы? Он и сам частенько покуривал опиум. Обычно в Каньере, у А-Су, в маленькой хижине: Су завесил ее восточными тканями, обеспечивая неподвижность воздуха, чтобы его драгоценные лампы не мигали на сквозняке.)

Наконец Притчард отшвырнул трубку – небрежно, так что чашка со звоном ударилась о половицу.

– Скотина, – повторила Анна.

– Ах, скотина, значит?

Притчард бросился на нее, не то чтобы собираясь причинить ей боль, но просто схватить за плечи и потрясти хорошенько, пока не скажет правду. Но он был неуклюж, Анна вывернулась, и в третий раз за день ноздри Притчарду защекотал густой солоноватый запах океана и, как ни странно, металлический привкус холода – как будто в лицо ему ударил ветер, как будто над его головой лопнул парус, как будто в воздухе повеяло штормом. Он дрогнул.

– Отвали! – приказала она. Она заслоняла лицо руками, неплотно сжав пальцы в кулаки. – Я серьезно, Джозеф. Я не потерплю, чтобы меня называли лгуньей. Отвали и убирайся.

– Я буду называть тебя лгуньей, если ты, черт тебя побери, лжешь.

– Отвали.

– Говори, где ты прячешь опиум.

– *Отвали!*

– И не подумаю, пока не скажешь! – заорал Притчард. – А ну говори, ты, шлюха непутевая!

В отчаянии он снова бросился на нее; глаза ее полыхнули огнем, и в следующее мгновение она запустила руку под корсаж и достала однозарядный дамский пистолет. Совсем крохотный, не длиннее Притчардова пальца, но с расстояния двух шагов такой вполне смог бы разнести ему грудь. Притчард инстинктивно вскинул руки. Оружие смотрело назад, дуло торчало вверх, едва не упираясь в Аннин подбородок, так что ей пришлось развернуть пистолет, чтобы он лег ей в руку, – но тут одновременно произошло три события. Притчард отпрянул назад и споткнулся о край ротангового коврика; за его спиной распахнулась дверь и кто-то вскрикнул; и Анна, полуобернувшись на голос, подалась вперед – и выстрелила себе в грудь.

Выстрел из миниатюрного пистолета прозвучал глухо и даже неприметно, словно высоко над палубой топсель лопнул. Звук казался эхом самого себя: как если бы настоящий выстрел прогремел где-то очень далеко, а этот шум – не более чем отголосок. Притчард сдуру крутнулся на месте и развернулся к Анне спиной, чтобы оказаться лицом к лицу с новым участником событий. В голове у него помутилось; он отстраненно отметил, что вошедший – это Обер Гаскуан, новый секретарь магистратского суда. Притчард знал Гаскуана довольно поверхностно. Недели три назад клерк пришел к нему в лабораторию и попросил отпустить ему по рецепту лекарство от расстройства кишечника; как ни смешно, Притчард задумался об этом сейчас. Интересно, помогла ли его настойка пациенту, как он обещал?

На краткую долю секунды все застыли... а может, времени не прошло вовсе. Гаскуан громко выругался, метнулся вперед, накинулся на проститутку, оттянул назад ее голову, пистолет со стуком отлетел в сторону, но на белизне шеи не обнаружилось ни царапины, крови не было – девушка дышала. Ладони ее взметнулись к горлу.

– Дура – что ты за дура! – заорал Гаскуан. В голосе его зазвенело рыдание. Он вцепился в ее истрепанный воротник обеими руками и рывком разорвал на ней платье. – Холостой заряд, да? Восковая пулька? Решила еще раз нас напугать? Да что за игру, черт тебя дерит, ты затеяла?

Анна ощупывала грудь, пальцы ее смятенно теребили и мяли плоть. Глаза девушки расширились.

– Холостой, думаешь? – Притчард нагнулся и подобрал пистолет.

Ствол был горячим на ощупь, в воздухе висел запах пороха. Но стреляной гильзы нигде видно не было, равно как и отверстия. Стена за спиной Анны, ровно оштукатуренная, выглядела такой же, как секунду назад. Мужчины озирались по сторонам, переводя глаза со стен на пол, с пола на Анну. Проститутка смотрела вниз, на собственную грудь. Притчард протянул Гаскуану пистолет – тот нелепо покачивался, вися на указательном пальце. Гаскуан взял оружие в руки. Ловко отщелкнул ствол, заглянул в патронник. Затем обернулся к Анне:

– Кто заряжал пистолет?

– Я сама, – недоуменно отозвалась Анна. – Могу показать запасные патроны.

– Покажи. Давай их сюда.

Девушка с трудом поднялась на ноги и отошла к этажерке рядом с кроватью; спустя мгновение она вернулась с жестяной коробкой, в которой на клочке оберточной бумаги перекатывались семь патронов. Гаскуан потрогал их пальцем. Затем вручил пистолет проститутке:

– Заряди так, как заряжала прежде. Точно так же.

Анна безмолвно кивнула. Откинула ствол вбок, вложила патрон в патронник. Со щелчком аккуратно вернула ствол на прежнее место, взвела курок на полувзвод, передала заряженный пистолет обратно. Да она, похоже, перепугана до смерти, подумал про себя Притчард, – словно остолбенела, и двигается машинально. Гаскуан взял у нее пистолет, отошел на несколько шагов, прицелился и выстрелил в изголовье кровати. Выстрел прозвучал так же тихо, как и прежде, но на сей раз Притчард расслышал встревоженный шум голосов этажом ниже и торопливые шаги. Все пригляделись к тому месту, куда он стрелял. В центре подушки зияла аккуратная дырочка, чуть потемневшая по краям от жара; от набивки взметнулись клубы пылевидного пуха и медленно осели туманной дымкой. Гаскуан шагнул вперед, отбросил подушку. Ощупал спинку кровати – точно так же как Анна ощупывала шею, ища рану, – и спустя мгновение удовлетворенно крикнул.

– Что, есть? – спросил Притчард.

– Да пустячная царапина, – отозвался Гаскуан, проверяя глубину отверстия пальцем. – От этих дамских пукалок толку чуть.

– Но где... – в замешательстве начал было Притчард. Его язык с трудом поворачивался во рту.

– Что случилось с первым? – эхом подхватил Гаскуан.

Оба уставились на второй патрон в его руке, вполне себе зримый и деформированный. Затем Гаскуан вскинул глаза на Анну, Анна – на Гаскуана, и Притчарду померещилось, будто эти двое обменялись понимающими взглядами.

До чего же это мерзко – когда твоя же девка переглядывается с другим мужчиной! Притчарду хотелось презирать ее, но не получалось; накатила апатия, а вместе с ней – растерянность. В ушах звенело.

Анна повернулась к нему.

– Ты не сходишь вниз? – попросила она. – Скажи Эдгару, я играла с пистолетом или его чистила и он случайно выстрелил.

– Его нет за стойкой, – отозвался Притчард.

– Ну, слуге скажи. Сообщи об этом, так или иначе. Не хочу, чтобы кто-нибудь сюда поднимался, и шумихи никакой не хочу. Пожалуйста, сделай это.

– Хорошо, сделаю, – произнес Притчард. – А потом...

– А потом ты уйдешь, – отрезала Анна.

– Мне нужно то, за чем я пришел, – тихо проговорил Притчард, искоса глянув на Гаскуана, но тот тактично опустил глаза.

– Джозеф, я ничем не могу тебе помочь. У меня нет того, что тебе нужно. Пожалуйста, уходи.

Он вновь заглянул ей в глаза: зеленые, с широкой темной каймой по краю радужки, а вокруг зрачка лучиками поблескивали галечно-серые блики. Вот уже много месяцев он не видел цвета этих глаз, не видел этого зрачка как точку, как зернышко, а видел лишь размытый черный диск, одурманенный сном. Теперь она была трезва – ни малейшего в том сомнения. Выходит, она лгунья, а может, еще и воровка; выходит, она его обманывает. А «деловая встреча» у нее назначена с этим Гаскуаном. Еще один секрет. Еще одна ложь. С дамой она идет шляпки посмотреть!

Но Притчард вдруг осознал, что гнев его иссяк. Ему было стыдно. Ему казалось, будто это он бесцеремонно ворвался без приглашения, это он нарушил интимное уединение Анны с

Гаскуаном в ее же собственном номере. Устыдился же Притчард как-то безыскусно, по-детски: накатила горечь обиды и в горле застрял комок.

Наконец он повернулся на каблуках и направился к выходу. В дверях он взялся за ручку, чтобы закрыть за собою дверь, но потянул ее на себя очень неспешно, наблюдая за оставшимися сквозь сужающуюся щель.

Гаскуан стронулся с места еще до того, как дверь захлопнулась. Он кинулся к Анне, распахнул объятия, Анна рухнула ему на грудь, ее бледная щека легла в изгиб его шеи. Гаскуан крепко обнял ее за талию; тело девушки обмякло; он подхватил ее на руки, так что, тесно прильнув к нему, пола она чуть касалась пальцами ног; он наклонил голову и прижался щекой к ее волосам. Гаскуан стиснул зубы, глаз не закрывал и шумно дышал через нос. Притчарда, подглядывавшего у двери, захлестнуло одиночество. Ему казалось, будто он никогда в жизни не любил и ни одна живая душа не любила его. Он как можно тише закрыл дверь и неслышно зашагал вниз по лестнице.

* * *

– Можно, я перебую? У меня есть вопрос.

– Да, пожалуйста.

– Вы не могли бы продемонстрировать мне в точности, как именно мисс Уэдерелл держала пистолет?

– Безусловно. Вот так – ее ладонь упиралась вот сюда. Я стоял к ней под углом, примерно так, как сейчас мистер Мэннеринг сидит по отношению ко мне, а она развернулась вполоборота, вот так.

– А если бы пистолет выстрелил, как ожидалось, какого типа ранение, скорее всего, получила бы мисс Уэдерелл?

– Если бы ей посчастливилось, то поверхностную рану в плечо. Если бы не посчастливилось, то, наверное, чуть ниже. Вероятно, в сердце. Левая часть тела, сами понимаете... Любопытное дело: даже будь это холостой заряд, она все равно пострадала бы от стреляной гильзы или от порохового ожога, ну или ее хоть сколько-то бы опалило. Мы просто не знаем, что и думать.

– Большое спасибо. Прошу прощения, что прервал.

– Вы хотите чем-то с нами поделиться, мистер Мади?

– Поделюсь вскорости, как только дослушаю историю до конца.

– Не могу не отметить, сэр, вид у вас какой-то нездоровый.

– Со мной все в порядке. Пожалуйста, продолжайте.

* * *

Когда Притчард возвратился к себе в аптеку на Коллингвуд-стрит, полдень не так давно миновал, но самому ему казалось, что уже гораздо позже – что уже сгущаются сумерки, – иначе отчего бы он с ног валился от усталости? Он вошел через лавку и какое-то время занимался совсем уж дурацким делом: выравнивал ремни для правки бритв строго в уголках полок, а пузырьки расставлял в ряд один к другому по краю прилавка, но внезапно понял, что больше не выдержит. Он поставил в витрине табличку, оповещающую покупателей, что до понедельника лавка закрыта, запер двери и уединился в лаборатории.

На столе лежало несколько рецептов на приготовление лекарства, но Притчард глядел на бланки, толком их не видя. Он снял куртку, повесил ее на крюк рядом со стеллажом. По привычке завязал на поясе фартук. И застыл на месте, глядя в никуда.

Фраза Мэри Мензис навеки определила его судьбу – стала его пророчеством и его проклятием. «Ты с добром всегда в разладе», – Притчард запомнил эти слова, записал их и тем самым заставил их сбыться. Он стал мужчиной, которого она отвергла, – потому что она его таки отвергла, потому что она уехала. А теперь ему тридцать восемь, и он никогда не влюблялся, а у других мужчин есть любовницы и жены. Длинным пальцем Притчард коснулся упаковки для рецептурного препарата, что стояла на столе перед ним. В его памяти эта девушка так и осталась Мэри Мензис. Ей по-прежнему девятнадцать.

Ему пришла на ум поговорка отца: дашь псу дурную кличку, таким он и вырастет. («Помни, Джозеф». Одной рукой он потрепал сына по плечу, другой – прижал к груди новорожденного щенка; на следующий день Притчард нарек звереныша Кромвелем, и отец коротко кивнул.) Вспоминая те слова, Притчард думал: «Вот, значит, что я сделал с самим собою и со своей судьбой? Я – неудачно названный пес из отцовского афоризма?» Но это не было вопросом.

Он сел, положил руки ладонями вниз на лабораторный стол. Мысли его вновь обратились к Анне. По ее собственным заверениям, она вовсе не пыталась лишиться себя жизни, и Притчард был склонен ей поверить. Жизнь Анне досталась тяжкая, но не вовсе лишенная удовольствий, и она была не из тех, кто бросается в крайности. Притчарду казалось, он хорошо ее знает. Он даже вообразить не мог, что девушка попытается покончить с собой. И однако ж – как она там сказала? Некоторые от этой мысли отделаться никак не могут. Да уж, тяжело вздохнул Притчард. Действительно, никак не могут.

Анна была опиофагом с большим стажем. Она принимала снадобье едва ли не каждый день и давно привыкла к его воздействию на тело и разум. На памяти Притчарда она никогда не теряла сознание так, чтобы ее невозможно было привести в чувство на протяжении более двенадцати часов. Он очень сомневался, что так вышло по чистой случайности. И если она действительно не пыталась покончить с собой, как уверяет, остается лишь два варианта: либо ее одурманил кто-то другой, воспользовался ею в каких-то гнусных целях, а потом бросил на Крайстчерчской дороге, либо (Притчард медленно кивнул) она врет. Да. Она солгала насчет смолы; она вполне могла солгать и насчет передоза. Но чего ради? Кого она выгораживает? И зачем?

Хокитикский врач подтвердил, что Анна действительно приняла большую дозу опиума ночью 14 января; его свидетельство было напечатано в «Уэст-Кост таймс» на следующий день после суда над Анной. Могла Анна ввести врача в заблуждение или как-то убедить его поставить ложный диагноз? Притчард задумался. Анна провела в тюрьме больше двенадцати часов, и за это время ее кто только не шупал и не тыкал, да и просто свидетелей набралось бы в количестве. Вряд ли она сумела бы одурачить их всех. Подлинное беспамятство не симитируешь, думал Притчард. Даже из шлюхи такой хорошей актрисы не получится.

Хорошо же; предположим, что дурман все-таки был отравлен. Притчард перевернул руки ладонями вверх и долго изучал узоры на подушечках пальцев: каждая рука казалась зеркальным отображением второй. Когда он прижимал пальцы один к другому, получалось идеальное удвоенное отражение – так бывает, когда прижимаешься лбом к зеркалу. Сам он, разумеется, в снадобье ничего не добавлял и китайца в этом с трудом мог заподозрить. Су был к Анне очень привязан. Нет, невозможно, чтобы Су попытался причинить ей вред. Получается, что в опиум подмешали яд либо до того, как Притчард закупил оптовую партию, либо после того, как Анна купила небольшую порцию у А-Су для домашнего употребления.

Всевозможные опиаты Притчарду поставлял некто Фрэнсис Карвер. Кстати, а как насчет Карвера? В прошлом – каторжник, он, как следствие, пользовался дурной славой, однако с Притчардом всегда был вежлив и честен, и у Притчарда не было оснований полагать, будто Карвер желает повредить ему самому или его бизнесу. Не питает ли он неприязни к китайцам,

Притчард понятия не имел, но напрямую Карвер с ними не торговал. Он продавал товар Притчарду, и никому другому.

Притчард впервые познакомился с Карвером в игорном доме на Ревелл-стрит. Притчард был азартным игроком и как раз подкреплялся в перерыве между партиями в крэпс, подсчитывая в уме свои потери, когда к нему подсел незнакомец со шрамом на щеке. Притчард в порядке обмена любезностями осведомился, привержен ли тот к картам и что привело его в Хокитику; вскоре они разговорились. Когда в ходе беседы Притчард назвал свою профессию, Карвер явно насторожился. Отставил бокал и объяснил, что у него установлены давние деловые связи с бывшим представителем Ост-Индской компании, который владеет плантацией опиумного мака в Бенгалии. Карвер мог гарантировать неограниченную поставку продукта превосходного качества. На тот момент у Притчарда опиума в наличии не было, если не считать разбавленных настоек лауданума, купленных у знахаря; так что, недолго думая, Притчард поблагодарил Карвера, пожал ему руку и обещал вернуться на следующее утро, обсудить условия торгового договора.

С тех пор Карвер поставил ему в совокупности три фунта опиума. Однако он привозил лишь по одному фунту зараз, потому что (как он со всей откровенностью объяснил) предпочитал жестко контролировать свои поставки и не дать Притчарду возможности перепродавать товар оптом другим торговцам и получать тем самым посредническую прибыль. (Сбывая опиум А-Су, Притчард, конечно же, именно это и делал, но Карвер оставался в неведении касательно сей дополнительной договоренности, поскольку в Хокитике бывал редко, а сознаваться Притчард, понятное дело, не собирался.) Смола поступала обернутой в бумагу, в жестяной коробке, что изрядно смахивала на чайницу.

Притчард взял со стола гвоздь и принялся вычищать грязь из-под ногтей, попутно отмечив, что пора бы их уже и подстричь.

Дерзнет ли Карвер подмешать яду в наркотик, который продает оптом в аптечную лавку? Притчард вполне мог размельчить вещество в порошок и использовать для приготовления лауданума; мог продать его по частям любому количеству покупателей; мог, в конце концов, сам им воспользоваться. Правда и то, что у Карвера вышла неприятная история с Анной: он ей некогда причинил большое зло. Но даже если он рассчитывал убить ее с помощью передоза, никак нельзя было гарантировать, что порция отравленного опиума попадет именно в ее руки. Притчард скатал в пальцах комочек грязи. Нет, нелепо думать, будто кто-то затеет интригу, в которой столько всего неопределенного; Карвер, может, и скотина, но не дурак.

Отказавшись от этой своей теории, аптекарь принялся обдумывать вторую возможность: что, если опиум был отравлен уже после того, как Анна Уэдерелл взяла кусочек у А-Су и унесла домой? Возможно, кто-то тайком проник в ее номер в «Гридироне» и подмешал яду в смолу. Но опять-таки – зачем? Зачем вообще такие сложности? Отчего бы не убить шлюху более привычными средствами – скажем, удушить руками или подушкой или избить до смерти?

Обескураженный, Притчард обратился мыслями к тому, что инстинктивно почитал за истину. Он знал, что Анна Уэдерелл не рассказала всей правды о событиях 14 января. Он знал, что кто-то курил опиум из трубки, которую Анна прятала в своей комнате. Он знал, что Анна сама перестала принимать опиум; по ее глазам и ее движениям он мог с уверенностью сказать: она чиста – трезва как стеклышко. Эти несомненные факты, на взгляд Притчарда, позволяли сделать лишь один вывод.

– Черт подери, – прошептал он. – Она лжет... причем лжет в интересах кого-то другого. День тянулся бесконечно.

Наконец Притчард собрал не готовые еще заказы и, за неимением более увлекательного занятия, принялся за работу. Он совсем забыл о времени, но вот в дверь лаборатории тихо постучали, вернув его к действительности. Он обернулся, с легким удивлением отметив, что

свет потускнел и уже сгущаются сумерки, и увидел, что в дверях топчется Альберт, Нильссенов младший клерк, – запыхавшийся и явно сконфуженный. Он принес записку.

– О, да это от Нильссена, – промолвил Притчард, выходя ему навстречу.

Он уже напрочь позабыл свой полуденный разговор с Нильссеном, равно как и свою к нему просьбу отыскать Цю и расспросить златокузнецка касательно спеченного золота, обнаруженного в доме у Кросби Уэллса. Он и Кросби Уэллса давно выбросил из головы, равно как и его состояние, и его вдову, и пропавшего мистера Стейнза. Как беззвучно вращается мир, если ты погружен в раздумья и одинок.

Притчард пошарил в переднике, ища шестипенсовик, но Альберт, вспыхнув до корней волос, пробормотал: «Нет, сэр» – и выставил напоказ ладони, давая понять, что ему вполне довольно высокой чести доставить послание.

На самом-то деле Альберт полагал, что такого волнующего дня ему за всю жизнь не выпадало. За полчаса до того его наниматель вернулся из каньерского Чайнатауна в таких смятенных чувствах, что едва дверь с петель не сорвал. Он набросал записку, ныне доставленную Альбертом, с пылом и страстью композитора, творящего симфонию в союзе со своей музыкой. Он неловко запечатал письмо, капнул на себя воском, выругался и наконец сунул сложенный измятый листок Альберту, хрипло приказав: «Притчарду – отнеси Притчарду, да побыстрее». В уединении аптекарской приемной, перед тем как войти в лабораторию, Альберт совместил уголки письма, так что сложенный листок образовал что-то вроде трубки, и, взглядевшись в нее по всей длине, разобрал несколько слов, что, на его взгляд, отдавали самым что ни на есть махровым криминалом. У юнца просто дух захватило при мысли, что работодатель затевает недоброе.

– Хорошо, спасибо, – промолвил Притчард, забирая письмо из его рук. – Ответ нужен?

– Нет, сэр, ответ не требуется, – ответил юнец. – Но мне велено дожидаться и пронаблюдать, чтобы вы его сожгли, дочитав до конца.

Притчард не сдержал смеха. Это было настолько в духе Нильссена: сперва он дует, потом жалуется, что, дескать, не по нутру ему все это, потом тянет время, потом пытается снять с себя всякую ответственность, но, как только он сделался участником, как только ощутил собственную значимость и важность, тут-то и начинается пантомима, роман плаща и шпаги; он просто-таки упивается происходящим. Притчард отошел на несколько шагов (юнец остался разочарован), сорвал печать пальцами, разгладил лист на лабораторном столе. Письмо гласило:

Джо!

Я зашел к Цю согласно твоей просьбе. Ты был прав насчет золота – это его работа, хотя он клянется, что понятия не имеет, как оно оказалось у Уэллса. Во всем замешана шлюха – возможно, ты уже знаешь, – хотя докопаться до сути никак не удастся – «до инициатора», пользуясь твоим же выражением. Похоже, тут все затронуты так или иначе. Писать слишком долго. Предлагаю созвать совет. И азиатов тоже пригласить. Встречаемся в задней комнате «КОРОНЫ» на ЗАКАТЕ. Приму меры, чтоб нас не потревожили. Никому не говори, даже если им доверяешь и они тоже в это дело впутаны и в один прекрасный день того и гляди встанут с нами в один ряд как обвиняемые. Пожалуйста, уничтожь это письмо.

Х. Н.

Растущая Луна в Тельце

Глава, в которой у Чарли Фроста зарождаются подозрения; Дик Мэннеринг пристегивает кобуры, а мы отправляемся в рискованное путешествие вверх по реке к каньерским участкам.

Утренние расспросы Томаса Балфура в Новозеландском резервном банке разбредили любопытство банковского служащего в плане того, и другого, и третьего, и, как только грузоперевозчик покинул здание, мистер Фрост тотчас же вознамерился в свою очередь навести кое-какие справки. Он все еще держал в руках реестр акционеров золотого рудника «Аврора», владельцем и разработчиком которого являлся пропавший старатель Эмери Стейнз. «Аврора», размышлял про себя Фрост, постукивая по документу тощим пальцем. «Аврора». Он помнил, что совсем недавно где-то сталкивался с этим названием – но где? Спустя мгновение он отложил документ в сторону, слез с табуретки и неслышным шагом направился к шкафчику напротив своей кабинки, где ряды кожаных корешков были помечены словами «Квартальные отчеты». Он выбрал подшивки за третий и четвертый квартал прошлого года и вернулся за рабочий стол просмотреть документацию по руднику.

Чарли Фрост широкой известностью не пользовался: ведь на известность нужно претендовать, а он был человеком тихим, одевался скромно, выглядел безобидно и спокойствие возмущать не любил, уж каков бы ни был повод. Говорил он неспешно, тщательно подбирая слова. На людях смеялся редко. И хотя в его манере держаться ощущалась некая расслабленная томность, он всегда был словно бы настороже, как будто постоянно помнил о некоем правиле этикета, что другие давно уже не соблюдали. Он предпочитал не заявлять о своих предпочтениях, не ораторствовать на публику; более того, в беседе он крайне неохотно провозглашал какую-либо повестку дня. Не то чтобы Фрост не строил никаких планов или что предпочтений за ним не водилось, на самом деле многие ритуалы его частной жизни были упорядочены до крайности, а амбиции весьма и весьма специфичны. Скорее, Фрост усвоил, как выгодно изображать непритязательность. Он по достоинству оценил тайное могущество неизвестности (ведь неизвестность так будоражит любопытство!) и умело ею пользовался, но тщательно скрывал свой талант. Тем самым при первой встрече у людей посторонних о нем складывалось одно и то же впечатление: он – человек не столько действия, сколько противодействия; в бизнесе он довольствуется ролью подчиненного, в любви – соблазняемого и во всех своих развлечениях неизменно смирен и кроток.

Фросту исполнилось всего-то-навсего двадцать четыре; родился он в Новой Зеландии. Его отец занимал высокий пост в ныне не существующей Новозеландской компании. Высадившись в устье реки Хатт и обнаружив там изобилие равнинных земель под размежевание и на продажу, он тотчас же послал домой за женой. Местом своего рождения Фрост не то чтобы гордился; для белого человека такое гражданство было редкостью, и сам он видел в нем нечто унижительное. Он не рассказывал никаких историй о своем детстве, проведенном в заболоченной низине долины Хатт, где он читал и перечитывал захватанный отцовский экземпляр «Потерянного рая» – единственную книгу в семье, не считая Библии. (К восьми годам Фрост мог продекламировать наизусть любой монолог Бога Отца, и Сына, и Адама, но не Сатаны – его Фрост находил неуживчивым драчуном – и не Евы – она казалась ему безвольной занудой.) Не то чтобы это было несчастливое детство, но, вспоминая о нем, Фрост чувствовал себя несчастным. Когда он заговаривал об Англии, казалось, он очень по ней скучает и дожидаться не может возвращения.

С ликвидацией Новозеландской компании мистер Фрост-старший практически обанкротился, и репутация его погибла безвозвратно. Он обратился за помощью к единственному сыну. Чарли Фрост подыскал себе канцелярскую работу в Веллингтоне, а вскоре ему предложили место в одном из банков квартала Лэмбтон; теперь он зарабатывал достаточно, чтобы

при его поддержке родители жили в добром здравии и относительном комфорте. Когда в Отаго обнаружили золото, Фрост перешел в один из банков Лоренса, обещая большую часть заработков пересылать домой всякий месяц частной почтовой службой, – и обещания своего ни разу не нарушил. Однако ж он больше не возвращался домой в долину реки Хатт – и возвращаться не собирался. Чарли Фрост был склонен воспринимать все свои взаимоотношения с другими людьми в терминах прибыли и оборота и, единожды решив, что долг свой исполнил, больше о других людях не вспоминал. Здесь, в Хокитике (а он последовал за золотой лихорадкой из Лоренса на побережье), он о своих родителях вообще не думал, кроме как раз в месяц, когда им писал. Задача была не из простых: краткие, отрывистые письма отца дышали обидой, а материнские, исполненные смятенных умолчаний, полнились чувствами, что удручали Чарли Фроста, хотя и ненадолго. Написав и отослав ответные послания, он рвал родительские эпистолы на жгуты для раскуривания сигар – по всей длине, чтобы изничтожить самую их суть и смысл, – а жгуты равнодушно сжигал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.